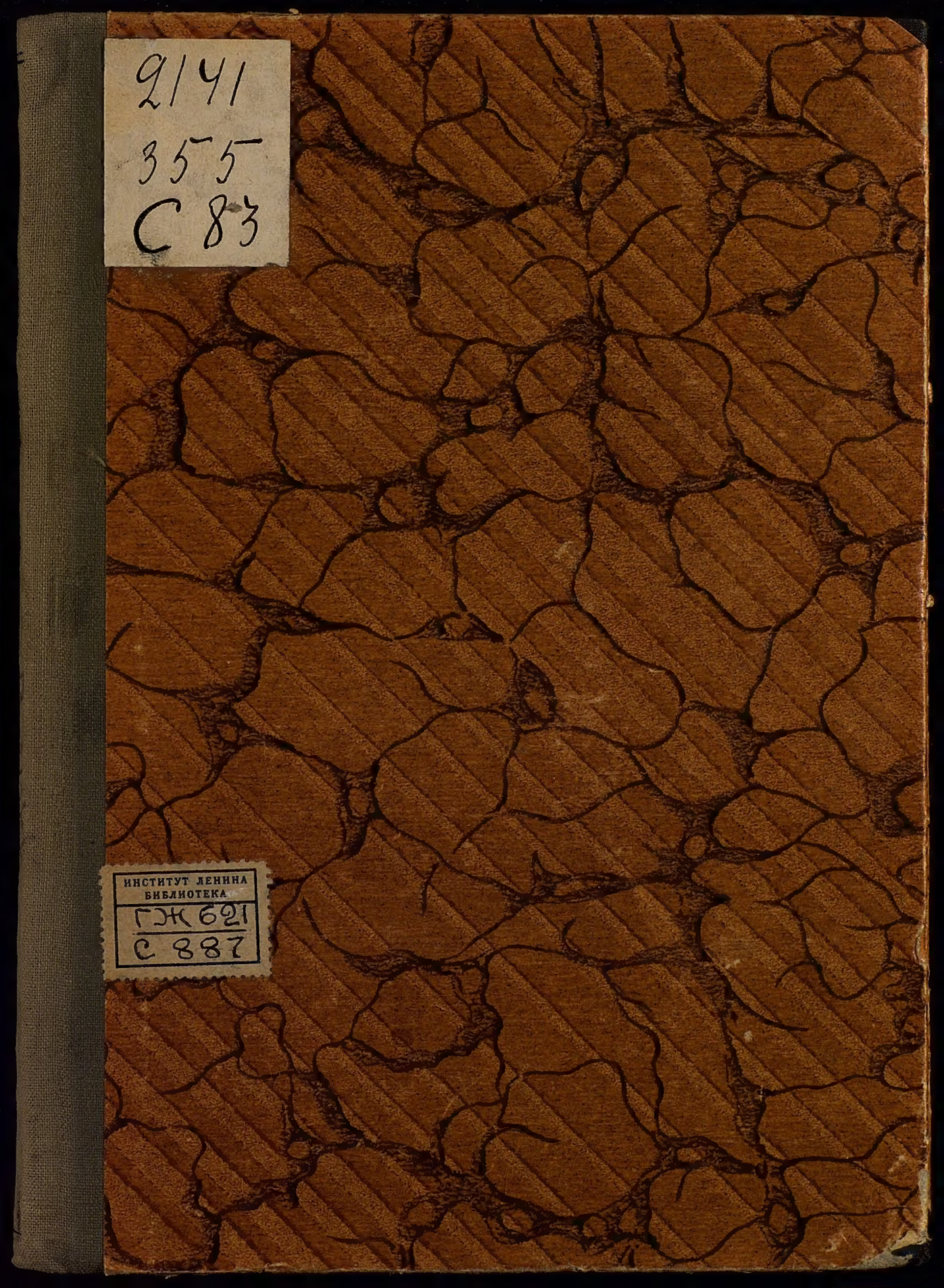
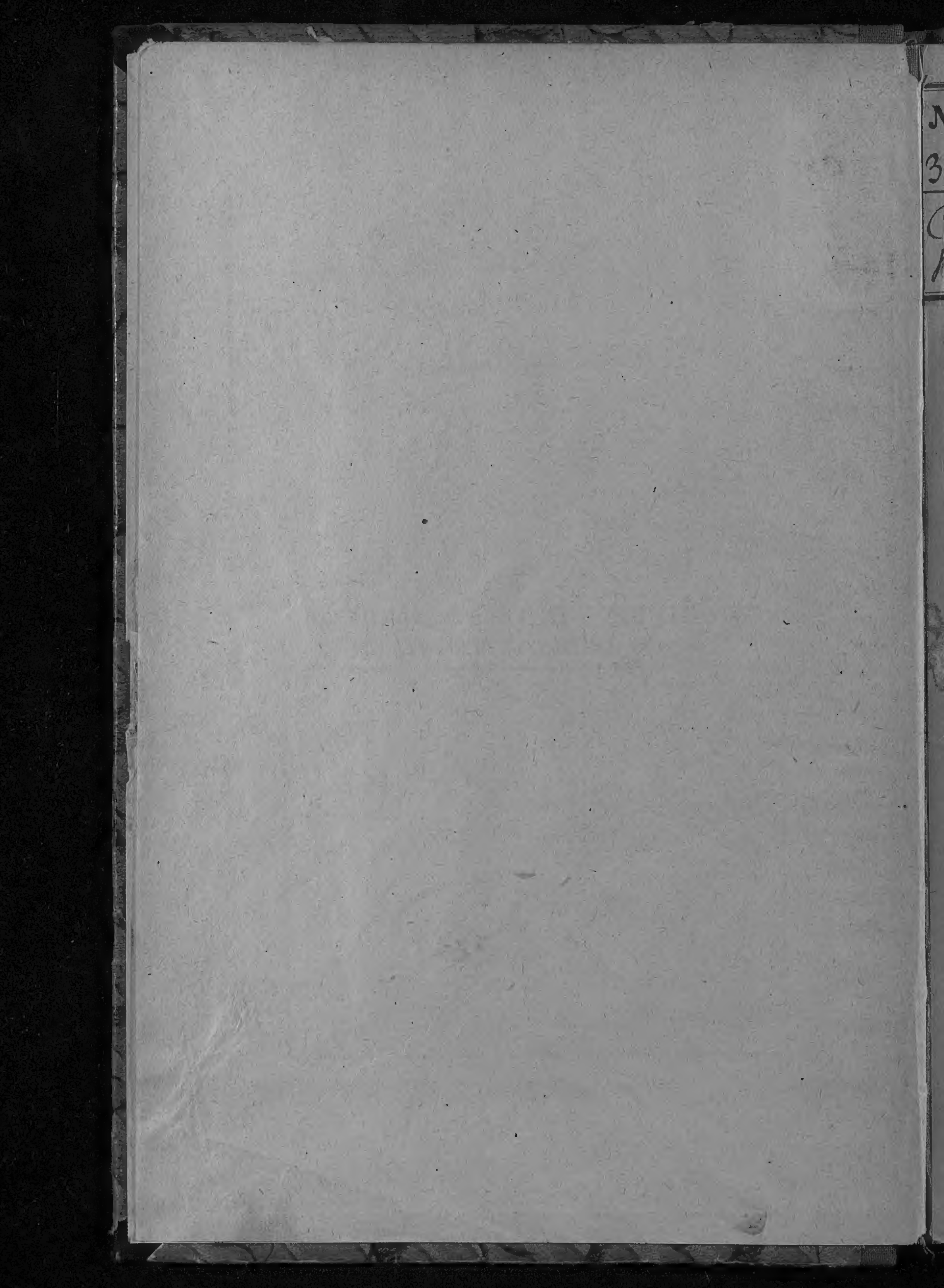

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОМИССИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ВОЙНЫ 1914—1918.

ЧАСТЬ VI.

ПЕРИОД ОТ ПРОРЫВА ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В МАЕ 1916 Г. ДО КОНЦА ГОДА.

СОСТАВИЛ А. М. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ

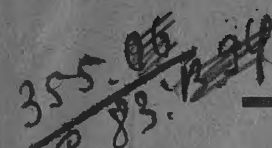
следующие издания

Высшего Военного Редакционного Совета.

(цены указаны в золотых рублях).

1. **Архангельский.**—Краткое руководство для заведывающего оружием в полку.—50 коп.
2. **Балк.**—Малая война (самостоятельный вид войны, ведомой слабою стороною против сильного противника). Практическое руководство для комсостава.—40 коп.
3. **Башинский Р. И.**—Пособие для службы при 76,2 м/м французской полевой скорострельной пушке. Описание материальной части (с чертежами). Уход за ней.—50 коп.
4. **Безан А.**—Военно-спортивные состязания.—60 коп.
5. **Белоха П.**—Учебник географии Р. С. Ф. С. Р. и сопредельных стран.—60 коп.
6. **Бессребрянник К.**—Про Фоку, от которого не было проку. Иллюстрации Д. Моора.—5 коп.
7. Боевая памятка младшего комсостава пехоты.—5 коп.
8. **Васильев Ф. И.**—Румынский фронт (стратегический очерк войны 1914-1918 г. г.)—60 коп.
9. [illegible]—Общая тактика,—часть I-я.—90 коп.
10. [illegible]—Общая тактика,—часть II-я.—1 р. 20 коп.
11. [illegible] **В. Д.**—Россия на Дальнем Востоке.—25 коп.
12. Всероссийское Совещание по агитпропработе в Красной армии и флоте.—25 коп.
13. **Гильбнер С.**—Понтонное дело (краткие сведения).—50 коп.
14. **Гусев А.**—Телеграф и телефон (пособие для практических занятий).—1 р. 20 коп.
15. **Дейч Н.**—Основы военного хозяйства и его история.—60 коп.
16. **Демин А.**—Стрелковая учеба (практическое руководство по организации и ведению ружейно-стрелковых занятий в роте). (Под редакцией М. Энвальда).—30 коп.
17. **Зеленин П. Е.**—Наставление по строевому курсу военно-учебных заведений. Под редакцией и с предисловием А. М. Зайончковского и А. Ефремина.—1 р. 20 коп.
18. **Иванов А.**—Методика преподования материальной части артиллерии.—40 коп.
19. [illegible]—Очередные военные задачи. Лекции и статьи.—1 р.
20. **Коваленков А. И.**—Элементарный курс авиационного радио-телеграфа. Часть I-я. Общие сведения из электро-техники.—1 р.
21. **Крюгер Р.**—Танки (перевод с немецкого инженера Кенигсбергера). Под редакцией Л. Б. Гельфанда.—40 коп.
22. **Курдюмов Вс.**—Масютин часовой, 3 одноактных пьесы.—20 коп.
23. **Лангенбахер Л.**—Теория [illegible] ое издание.—70 коп.
24. **Магнушевский Д. Я.**—Катехизис для надсмотрщика в полевой радиостанции, системы „Телефункен".—50 коп.
25. **Митницкий Л.**—Герой-Кнопкин (повестушка) с рисунками М. Черемных.—10 коп.
26. **Муратов Вл.**—Бои за населенные пункты.—50 коп.
27. Наставление для обучения молодых красноармейцев в пехоте (издание официальное).—10 коп.
28. **Невский Г. Г.**—Полевое военно-инженерное дело. Руководство по фортификации. 2-ое переработанное издание.—1 р. 75 коп.
29. **Незнамов А.**—Стратегический очерк войны 1914—1918 г. г., часть IV-я,—1 р. 20 коп.

Смотр. 3 стр. обложки.

КОМИССИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ВОЙНЫ 1914—1918 ГГ.

ЧАСТЬ VI.

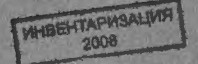
ПЕРИОД ОТ ПРОРЫВА ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В МАЕ 1916 Г. ДО КОНЦА ГОДА.

СОСТАВИЛ А. М. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
МОСКВА
1923

Главлит № 6868. Тираж 2000.

В. В. Р. С. № 2788. Тип. „Красная Печать“, аренд. В. В. Р. С. Москва.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

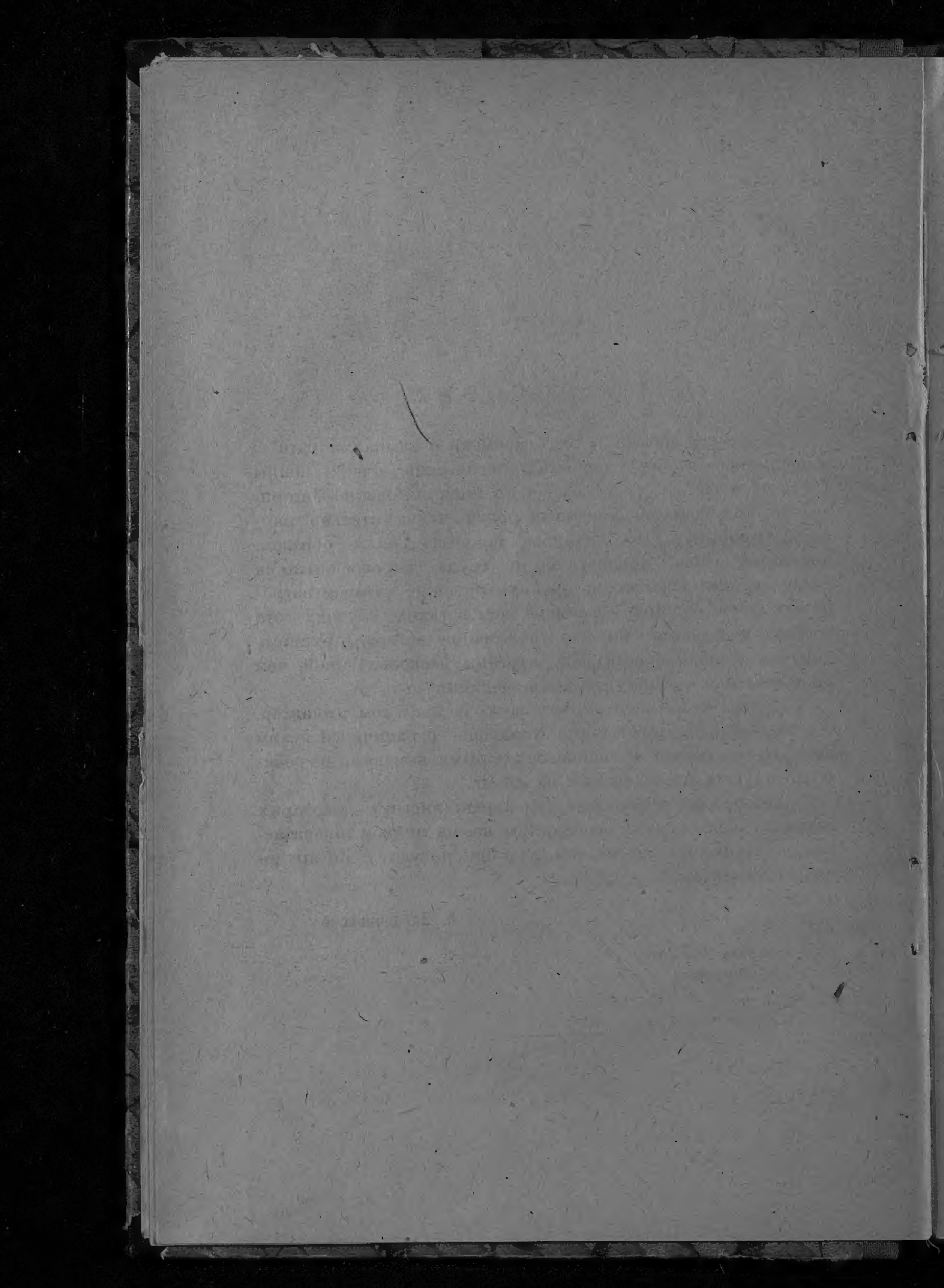
В русской печати до сего времени о кампании 1916 г. вышел только один труд: „Стратегический очерк войны 1914—1918 гг.“, ч. 5. Клембовского, издания Военно-Исторической Комиссии, посвященный почти исключительно майскому прорыву Юго-Западного фронта. Таким образом, некоторая часть предлагаемого труда перекрещивается с трудом Клембовского, и она умышленно автором затронута в более обширном размере, чем в таких случаях это вообще полагается, так как, по мнению автора, архивные документы дают общий фон картины несколько иной, чем он выявлен в упомянутом выше издании.

Другая особенность труда заключается в том, что автор, стесненный рамками задания Комиссии, ограничился сухим изложением фактов и только некоторыми намеками из области грядущих исследований их опыта.

Автор дает очень сжатую характеристику некоторых главных персонажей, основанную не на личном впечатлении, а исключительно на том, как они рисуются по архивным документам.

А. Зайончковский.

9 апреля 1922 года.
Москва.

ВВЕДЕНИЕ.

„Le temps fera tout connaître; sa justice est lente, mais sûre: elle fait l'espoir et la consolation des gens de bien".

(M-me Roland à Robespierre. Paris, 25 août 1792 ans soir).

Положение сторон зимой 1915—1916 г. Оценка Алексеевым сражения на Стрыпе в октябре 1915 г. Выработка плана кампании 1916 г. Характер верховного командования. Расположение армий и корпусов перед началом летних операций. Директива Ставки 18 (31) мая и распоряжения по фронтам. Предположения на 1916 г. противной стороны.

Летний период Мировой войны 1916 года застал враждующие стороны на европейском театре в оригинальном положении.

На всем обширном пространстве, на тех границах, до которых докатились воюющие массы в предшествующее лето 1915 года, они как бы застыли, израсходовав весь запас живой энергии, и окаменели на месте. В течение последовавшего зимнего периода армии ушли в землю, закопались, обвили себя колючей проволокой и образовали сплошную линию временных укреплений от моря до моря или до нейтрального маленького соседа, который также, хоть отчасти, мог служить обеспечением фланга длинных укрепленных полос воюющих сторон.

На тысячеверстном пространстве русского европейского фронта выросшая в течение зимы 1915—1916 годов укрепленная полоса имела оригинальный и совсем не поучительный облик.

Как осенью армия случайно после маневренного периода остановилась, так на тех же местах застыла и укре-

пилась. Линия этих укреплений явилась, таким образом, случайной, без общей связующей мысли не только в отношении одной идеи для всех армий русского европейского фронта, но и для частных фронтов.

Правда, на отдельных мелких участках, корпусов и редко армий, постарались укрепления соответственно сгруппировать в тактическом отношении; были даже зачатки и стратегической мысли в отношении участков для переходов в наступление, для будущего развертывания при переходе к активным действиям и для нанесения врагу удара в относительно жизненных для него направлениях. Но все это было в сравнительно узких, мелких размерах, как работа частных исполнителей, не связанных определенно установившейся мыслью верховного командования, приведенной в исполнение волей одного лица.

Причину такого явления следует искать в случайном и одновременном переходе обеих враждующих сторон от маневренной войны к позиционной. Оба врага рассчитывали на кратковременную остановку, начали с естественного в таком положении полевого закрепления, которое при последовавшем долгом стоянии на одном месте и вылилось в длинную полосу временных укреплений.

Кроме случайности в этом создавшемся положении сыграло известную роль и незнакомство, скажу более, неожиданность появления небывалых сплошных грандиозных укрепленных полос от моря до моря. Мы их не предвидели. Они выросли неожиданно: мы к ним применились, но ими не руководили. И дело уже тех лиц, которые будут писать грядущую главу военного искусства, выяснить, каким образом снять оковы укрепленных полос, которые сковывают миллионные армии, или, по крайней мере, использовать их на основах реального искусства, дающего возможность свести войну с мертвой точки борьбы на истощение.

В декабре 1915 года русский фронт решил выйти из окопного оцепенения переходом в наступление своим левым флангом на Стрыпе, для чего и была использована сосредоточенная здесь вновь сформированная 7. армия, которой по самому составу ее командования голос армии придавал большое значение. Во главе ее был поставлен Щербачев, бывший продолжительное время и незадолго до войны

начальником Военной (Генерального Штаба) Академии, т.-е. проведший через свой руки целую серию офицеров Генерального Штаба. Штаб его был сформирован в большинстве из его ближайших сотрудников—профессоров той же академии.

Но, несмотря на такой, повидимому, блестящий состав высшего командования армии, наступление на Стрыпе кончилось неудачно и, кроме больших потерь, повлекло за собой уныние, еще большее недоверие к своим маневренным способностям и прекратило до весны наши попытки к широким наступательным операциям. Мы еще глубже засели в землю, т.-е. обратились к тому способу борьбы, в котором техника играет доминирующую роль, а техника и материальные средства, как известно, были не на нашей стороне.

Операция на Стрыпе не входит в программу моего труда [1]), поэтому я ограничусь здесь только перечислением тех кратких причин ее неудачи, которым таковую приписывал начальник штаба Верховного Главнокомандующего Алексеев, в виду общего характера и значения этих ошибок.

Среди более существенных причин неудачного исхода операции Алексеев отмечает [2]): „а) Отсутствие веры в операцию у г.-а. Иванова и индиферентное отношение его к разработке; много в отношениях хитрил; в самый важный период подготовки менял начальника штаба; оттянул без нужды начало операции на четыре дня, утратив всякое подобие внезапности; не давал руководящих оснований для объединения работы армий, ограничиваясь писанием критического обзора после совершившихся фактов. Но это лишь оправдательные документы для личной репутации, к каковой он ревнив. б) Отсутствие вдумчивой, надлежащей разработки плана боя в 9. и 7. армиях. в) Неправильные приемы атаки, в особенности в 9. армии. г) Отсутствие единовременности атаки на фронте 7. армии. д) Сильные позиции, отлично укрепленные; большое количество артиллерии и пулеметов у противника. Всему этому не дали надлежа-

---

[1]) Она вошла в Стратегический очерк, ч. 5-я, Клембовского.

[2]) Частное письмо его к Жилинскому от 18 (31) января 1916 г. Воен. Учен. Арх. д. Ставки № 450, стр. 533.

щей оценки; повторили те способы, которые удавались ранее при несколько иных условиях. е) Недостаточное количество тяжелой артиллерии и особенно снарядов и не вполне умелое применение наличного... Из всего собранного только пять корпусов приняло участие в бою, да и то не одновременно".

Бой на Стрыпе был как бы прелюдией к летним операциям 1916 года. Для них он имел значение в двух отношениях. Это была лебединая песня Иванова, как стратега. Выдвинутый однобокими суждениями об его талантливости в Японскую войну 1904—5 годов, культивированный в оригинальную эпоху выбора старшего командного элемента в период 1906—1914 годов и давший некоторые ростки в бытность при нем начальником штаба Алексеева, он захирел, оставшись без него, и к весне 1916 года уступил свое место на посту главнокомандующего Юго-Западного фронта Брусилову.

С другой стороны, атака на Стрыпе показала на примере, с какой силы укреплениями и техникой нам при наступлении придется иметь дело и как мы были мало готовы к ведению наступательных операций в широком объеме при наличии этих двух факторов.

Декабрьское наступление сыграло для нас в небольшом размере роль Японской войны. Оно заставило подтянуться, внимательно отнестись к условиям наступления в современной обстановке и в этом отношении не осталось без влияния на успех летнего прорыва.

Зачаток идеи летних операций относится к февралю 1916 года, когда они впервые приняли определенную форму в виде предположений, утвержденных верховным командованием. Правда, впоследствии предположения эти были изменены в подробностях, благодаря переменившимся обстоятельствам, но в общем характер их был сохранен.

В отношении верховного командования русская армия находилась в минувшую войну в несколько сложных условиях. Коалиционный характер европейской борьбы невольно нарушал принцип единой воли в направлении военных операций. На стороне дружественного нам Согласия не было лица, которое могло бы сконцентрировать только в своих одних руках единую волю, направлявшую к одной цели

армии всех союзных государств. Таким лицом мог быть только Верховный Главнокомандующий русскими вооруженными силами, так как он был главой самого обширного из всех воюющих государств и верховным руководителем самой мощной армии.

Но в действительности Россия не могла или не захотела взять этой роли на себя. Она уступила ее коллективному учреждению в образе совещания представителей союзных армий, которое преимущественно собиралось во Франции.

Уже один этот факт, да при том еще условии, что по географическому положению верховное командование Франции и Англии могло иметь частый личный обмен мнений, а наше командование было этого лишено, показывает, во-первых, что единая воля союзных армий дружественной нам стороны была весьма разжижена коллективом, в котором невольно первую роль должен был играть французский главнокомандующий Жоффр, а во-вторых, что в этом коллективе интересы французской и английской армий, более тесно связанных и общностью фронта, и общностью политических задач, доминировали над интересами русской армии.

Выше цитированное уже письмо Алексеева к Жилинскому посвящает несколько колоритных строк и этой верховной конференции. „Изучение присланных вами протоколов конференции, пишет он, отчасти показывает малое понимание сложности обстановки и положения, общих интересов, а главное—тенденцию Жоффра. Заключение, что Франция, имеющая 2.200.000 бойцов, должна быть пассивна, а Англия, Италия и Россия должны „истощать“ Германию,—тенденциозно и не вяжется с грубым мнением Жоффра, что одна Франция ведет войну. Думаю, что спокойная, внушительная отповедь, решительная по тону, на все подобные выходки и нелепости стратегические безусловно необходима. Хуже того, что есть, в отношениях не будет. Но мы им очень нужны; на словах они могут храбриться, но на деле на такое поведение не решатся. За все, нами получаемое, они снимут с нас последнюю рубашку. Это ведь не услуга, а очень выгодная сделка. Но выгоды должны быть хоть немного обоюдные, а не односторонние“.

В самом факте войны в составе коалиции и в существовании конференции военных представителей при невольно

доминирующей роли в ней французского главнокомандующего принцип единой воли дал уже некоторую трещину. Трещина эта еще более увеличивалась благодаря характеру начальника штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексеева. Будучи фактическим Верховным Главнокомандующим, Алексеев, наиболее подходивший, чем кто-либо другой, к роли начальника штаба, не был способен, остановившись на определенной идее, властно провести ее в жизнь. Он применял в широком масштабе принцип увещаний и доказательств, но дальше этого не шел. Отсюда нередко происходило расползание хорошо задуманной операции в разные стороны и отмены, практиковавшиеся в огромных размерах. Короче говоря, у нас на фронте не было Верховного Главнокомандующего, а также своего рода маленькая коллегия из главнокомандующих фронтами, где каждый был менее ответственен, чем Алексеев, но более настойчив в своих требованиях, почему и срывал неоднократно решения Алексеева.

За отправную точку летних операций 1916 года следует считать записку Алексеева, представленную Верховному Главнокомандующему 5 (18) февраля 1916 года. Она заключала предположение об операциях в текущем году, основанное на постановлении конференции в Шантильи, состоявшейся 6—8 декабря 1915 года [1].

Совещание представителей союзных армий, собранных под председательством Жоффра, выработало следующие общие предположения для согласованных действий всех участников коалиции:

1. Решение войны может быть достигнуто только на главных театрах (русском, англо-французском и итальянском); на театры же второстепенные следует выделять наименьшее количество сил.

2. Решения следует искать в согласованных наступлениях на главных фронтах, чтобы этим не позволить противнику перебрасывать свои резервы с одного фронта на другой.

---

[1]) Воен. Учен. Арх. д. Ставки № 703.

3. На каждом из главных фронтов вести, до перехода в общее наступление, действия, истощающие живую силу противника.

4. При этом каждая из союзных держав должна быть готова остановить на своем фронте собственными силами наступление противника, а, в случае его наступления против одной из держав, остальные должны оказать ей поддержку в полных пределах возможного.

Алексеева не удовлетворило такое постановление совещания, в виду отсутствия в нем определенных указаний на возможность согласованности действий и в виду безнадежности совместной работы с итальянской армией, не могущей открыть себе собственными силами пути с реки Изонцо.

Все эти соображения, совместно с необходимостью, по мнению Алексеева, постепенно сжимать район действий противника, побудили русскую Ставку сделать с своей стороны более реальное предложение о совместных действиях.

Наше предложение сводилось к нанесению главного удара в наиболее, как полагал Алексеев, опасном для противника направлении, там, где он менее всего подготовлен и где обеспечивалось участие в ударе большей части союзников. Таким пунктом, по мнению автора записки, являлся Балканский полуостров.

Русской Ставке это совместное наступление на Балканы рисовалось в таком виде. Не менее 10 англо-французских корпусов должны были наступать от Салоник на Дунай и далее на Будапешт; туда же предполагалось направить с нашего фронта сильную русскую армию.

Успех этих совместных действий открывал итальянцам путь наступления на Вену, вполне обеспечивал Румынию и, может быть, побудил бы ее присоединиться к нам.

Такое предложение союзниками было отклонено, да это и вполне понятно. Трудно было рассчитывать на то, чтобы англо-французы сняли со своего фронта, прикрывавшего Париж, несколько корпусов. Кроме того, план нашей Ставки отличался своей сложностью, не приводил к конечной цели и переносил центр главных операций в район, трудный по местным условиям и мало обеспеченный рельсовыми и грунтовыми путями.

Другая привходящая данная, которая оказывала влияние на наши операции летом 1916 года, заключалась в вопросе о том положении, которое займет Румыния. Для нее наступало время выявить свое политическое лицо и стать на ту или другую сторону. Немцы готовились предъявить румынам ультиматум и потребовать обязательного нейтралитета с демобилизацией армии или же присоединения Румынии к враждебному нам союзу.

В результате всех приведенных соображений, Алексеев останавливался на необходимости принять такой план, который исключал бы изолированные атаки одной нашей армии, но во всяком случае требовал от нас приготовиться к нанесению сильного удара противнику. Неопределенное же положение Румынии ложилось, по мнению Алексеева, тяжелым бременем на наши соображения.

Численность русских армий на европейском фронте доходила к февралю 1916 года до 1.700.000 штыков и сабель. Дальнейшее увеличение числа их зависело от притока винтовок. В отношении противника мы имели перевес свыше 700.000 штыков и сабель, который почти в целом составе ложился на район к северу от Полесья. Юго-Западный фронт имел в то время перевес только в 71.000 штыков и сабель. Алексеев рассчитывал к лету довести армию до 2.000.000 бойцов. Тяжелой артиллерией и техническими средствами мы попрежнему были бедны, а на помощь в этом отношении союзников мы могли рассчитывать не раньше июля, когда будут насыщены артиллерией их новые формирования [1]).

Данные по быстроте переброски немцами своих войск с одного фронта на другой сводились, по исследованию французов, к тому, что, везя корпуса по двум направлениям, они перекидывали с одного фронта на другой два корпуса в две недели. Переброска же войск на одном фронте или же частей, расположенных внутри страны, делалась еще скорее.

Обращаясь к плану нашего наступления, Алексеев высказывал, что первенствующее значение бесспорно принадлежит театру к северу от Полесья, прикрывающему пути к

---

[1]) Письмо Алексеева Жилинскому 16/I 1916 г.

обеим столицам и ведущему нас к встрече с лучшими немецкими войсками. В свою очередь южный театр, хотя и имел второстепенное значение, но прикрывал, однако, весьма важные пункты, как-то угольный район, Киев, Одессу, Николаев и вообще пути к Черному морю.

Если наносить главный удар на южном фронте, то на северном придется обеспечить прочное положение охраняющих его войск. К невыгодным же сторонам удара на северном фронте относится то, что там приходилось иметь дело с более прочными войсками противника, обильнее к тому же снабженными тяжелой артиллерией и всеми средствами техники. Достижение решительного успеха здесь труднее, а по мере нашего наступления мы встретим сильно подготовленные линии Немана, Буга и Вислы. Но зато и успех здесь, приближающий нас к центру враждебной коалиции, к Берлину, должен был иметь громадное значение и влияние на ход всей войны.

Современные условия переброски наших войск с одного фронта на другой были крайне неблагоприятны по слабости рокировочных линий и вследствие выполнения железными дорогами большой работы по подвозу продовольственных грузов. В общем переброска одного корпуса с Юго-Западного фронта на Северный требовала 23 суток, а при отмене интендантских перевозок 12. На перевозку с Западного на Юго-Западный фронт требовалось 13—10 суток.

Главной целью наших действий в записке Алексеева ставилось перейти в наступление для нанесения ряда поражений противнику, последовательно и настойчиво вытеснять его из наших пределов и постепенно сжимать его, уменьшая сферу его действий. Выполнение главного удара Алексеев считал предпочтительнее предоставить соединенным силам Северного и Западного фронтов. Если бы главный удар приходилось наносить Юго-Западным фронтом, то предлагалось направить его из района Ровно.

Собранное на 11 (24) февраля в Ставке совещание главнокомандующих фронтами, под председательством Верховного Главнокомандующего, остановилось в общем на выработанном Алексеевым плане нанесения главного удара левым флангом Северного и правым Западного фронтов.

1 (14) апреля в Ставке вновь собралось совещание главнокомандующих, под председательством Верховного Главнокомандующего, по тому же вопросу о подготовке предстоящей операции [1]).

Эти два совещания в Ставке за время пребывания Алексеева начальником штаба не входят в программу моего труда, а потому я в подробностях на них и не останавливаюсь. Но они представляют из себя документы высокого исторического содержания. В них не только выясняется характеристика главных руководителей наших военных операций, но отчасти и причины последовавшей разрозненности в действиях различных фронтов. На этих совещаниях чувствовалось отсутствие единой направляющей воли, которая была способна, выяснив ясно создавшуюся обстановку, поставить определенное решение и заставить привести его в исполнение. Военный совет главнокомандующих имел характер какого-то академического собеседования, на котором произносилось много умных и дельных речей, кончавшихся после некоторого торга принятием согласительного решения, отдающего, как всякое такое решение, специфическим запахом полумер. Главнокомандующие отбывали с этих совещаний без твердого убеждения в необходимости исполнить указанное, а, напротив, с мыслью о том, что оно может быть и отложено. Короче, советы в Ставке оставляли широкое место для эгоистических побуждений, которые, к сожалению, не чужды даже высоким в нравственном отношении образцам человечества.

К апрелю выяснилось, что убыль в людях и в материальной части во французской армии после Вердена настолько велика, что наступление на французском фронте возможно не ранее половины июня. Поэтому и наступление русских армий, которое, согласно нового решения предста-

---

[1]) Из изложения автора следует, что оба эти совещания как бы дополняли одно другое. В действительности же февральское, являясь непосредственным отликом на постановление конференции в Шантильи, где между прочим указано было также начать общее наступление на всех союзных фронтах не позже марта, привело к мартовской операции на Северном и Западном фронтах, окончившейся, как известно, полной неудачей. Апрельское же совещание имело в виду новую операцию, намечавшуюся в согласии с союзниками в начале лета 1916 г. *Прим. Ред.*

вителей союзных армий, должно предшествовать наступлению англо-французов, приходилось отложить до конца мая или начала июня.

Алексеев предложил совещанию следующий операционный план [1]): Северный фронт, усиленный передачей ему 1 армии из состава Западного фронта, должен нанести удар четырьмя корпусами из Рижского района на Митаву. Западный фронт производит через несколько дней после атаки Северного фронта одновременный удар от Молодечно и южнее Двинска на Ошмяны и Вильно. Два гвардейских корпуса образуют резерв Главковерха для усиления, в случае надобности, удара южнее Двинска. Юго-Западный фронт, притягивая на себя внимание противника, готовится, ко времени развития наступления севернее Полесья, к производству атаки из района Ровно.

Соотношение сил к этому времени наших и противника между фронтами выражалось следующими цифрами: Северный фронт имел 466 т. шт. и шаш. против 200 т.; Западный—754 т. против 420 т. и Юго-Западный 512 т. против 441 т. Общий перевес русских сил выражался внушительной цифрой 671 тыс. шт. и шаш., который при пополнении некомплекта подымался до 877 тыс. В отношении числа пулеметов положение нашей армии несколько улучшалось и к маю мы должны были иметь по 12 пулеметов на полк. Снабжение же тяжелой артиллерией и авиационными средствами попрежнему находилось в неутешительном положении.

После некоторых дебатов предложение Алексеева было в общем принято и вылилось в следующую форму: атаковать всеми фронтами, нанося главный удар Западным фронтом. 1 армию включить в состав Северного фронта и оставить за ним же, в виде поддержки, гвардию. К наступлению быть готовым к 1 (14) мая. Первым атаку должен был начать Юго-Западный фронт, в первых числах мая. Северный и Западный фронты атакуют не позже, как через две недели после этого, т.-е. примерно в двадцатых числах мая.

Но и это решение, как увидим ниже, подверглось еще позднейшим изменениям.

---

[1]) Схема № 1 а и б.

6 (19) мая противник атаковал итальянский фронт. Атака развивалась все более и более. Итальянская армия не выдержала, началось отступление, грозившее обратиться в катастрофу. Сообщения итальянского верховного командования приняли панический характер и все они кончались неуравновешенными по настойчивости требованиями немедленного перехода в наступление русского фронта для спасения итальянской армии. Все старание Жоффра их успокоить и уверить, что преждевременное наступление русских армий, когда англо-французский фронт не был еще готов, сорвет общую атаку нашей коалиции, не приводило ни к чему. 13 (26) мая Алексеев спрашивал разрешения Верховного Главнокомандующего начать артиллерийскую подготовку для удара 19 мая (1 июня), причем самый удар произвести по особому приказанию. Разрешение на это последовало и ближайшая задача фронтам была указана директивой 18 (31) мая № 2703) [1].

Перед началом наступательной операции лета 1916 года армии наши были расположены следующим образом [2]):

Северный фронт в общем занимал линию правого берега р. Зап. Двины, имея три выдвинутых на левый берег реки плацдарма—на Туккумском направлении, против Якобштадта и против Двинска на Ново-Александровском направлении. Далее фронт шел прямо на юг, пересекая озерный район до стыка с Западным фронтом на широте г. Свенцяны.

Северный фронт состоял из трех армий.

12. армия занимала XLIII. и VI. Сиб. корпусами левобережный участок от оз. Кангер до Берземюнде, XXXVII. корпусом участок правого берега Двины до Ринемундсгофа, имея VII. Сиб. кор. в резерве в Риге и Уссурийскую казачью дивизию к югу от Вендена.

1. армия занимала участок правого берега Двины далее к югу, примерно до Калуба, и Якобштадтский плацдарм левого берега. По обе стороны Фридрихштадта был

---

[1]) Воен. Учен. Арх. д. Ставки № 441.

[2]) Схема № 1 а и б.

участок XIII. корпуса, участок левого берега занимал XXVIII. корп. и далее на юг по правому берегу VI. кон. корпус. В резерве армии восточнее Фридрихштадта II. Сиб. корп.

5. *армия* правым своим флангом примыкала к первой. Пассивный участок за Двиной занимала 1. и 2. кав. див. Примерно от Иллукста фронт переходил на левый берег Двины, удаляясь от нее к югу. Здесь в Ново-Александровском направлении было собрано около Двинска четыре корпуса (XIX., XXIX., XXI. и III.), а дальше, до стыка с Западным фронтом, были равномерно расположены IV. и XIV. корпуса. В резерве за 5. армией, в Креславке, I. кон. корпус.

Таким образом, Северный фронт особенно густо сгруппировал свои войска в двух направлениях—Туккумском, три корпуса и в Ново-Александровском, четыре корпуса. Такая группировка объясняется как активностью этих участков, так и важностью обоих направлений. Первое угрожало Митаве, узлу немецких путей сообщения, и было кратчайшим направлением для вторжения в Вост. Пруссию; второе выводило на Вильно, служило лучшим участком для перехода к активным операциям и для взаимодействия с Западным фронтом. Третий левобережный участок, а именно Якобштадтский плацдарм, имел, благодаря лесисто-болотистой местности перед ним, значение второстепенное, как вспомогательное направление, в случае развития действий в районе Двинска.

Северный фронт прикрывал пути на Петроград. Наиболее уязвимым участком его был левый фланг и удар по Двинску отрезывал его от железнодорожной магистрали Двинск—Петроград. Указанное направление было яблоком раздора между главнокомандующими фронтов Северного и Западного и каждый из них хотел сохранить его за собой, чтобы обеспечить прочное его занятие. Этим объясняется частая перемена здесь разграничительных между фронтами линий и включение фланговой армии то в один, то в другой фронт.

Западный фронт, прикрывая пути на Москву, шел от стыка с Северным фронтом до Пинска включительно. Северная половина фронта имела наиболее важное зна-

чение, как по топографическим свойствам местности, так и потому, что на нем сосредоточивались пути на Вильно, служившее главным объектом действий этого фронта. Здесь и была сосредоточена большая часть войск, данных фронту. Западный фронт состоял из четырех армий:

2. армия занимала участок от стыка с Северным фронтом до Вишневского озера включительно. Она прикрывала Свенцянское направление и состояла из выдвинутых в первую линию пяти корпусов (XXVII., XXXIV., XV., 1. Сиб. и XXXVI.) с двумя армейскими и одним кавалерийским корпусами в резерве (IV. Сиб., V. арм. и VII. кон.).

Кроме того, на участке этой армии в районе Глубокое—Докшицы—Долгиново были сосредоточены, как резерв Верховного Главнокомандующего, войска гвардии в составе двух пехотных и одного кавалерийского корпусов.

4. армия прикрывала Ошмянское направление. Из пяти корпусов, включенных в нее (XX., XXVI., III. Сиб., II Кавк. и XXXV.), три последних были сосредоточены между Сморгонью и Крево, а остальные равномерно на правом участке фронта армии.

10. армия занимала участок от Крево до Делятичи. Правый ее фланг прикрывал Молодеченский железнодорожный узел, почему здесь и были на 20-верстном фронте сосредоточены пять корпусов (XXIV., III. Кавк., I. Турк., XXXVIII. и 1 арм.), предоставив оборону остального участка, лесистую долину р. Березины, одному корпусу (XLIV). В резерве за этой армией и тоже ближе к ее правому флангу был расположен IX. корпус.

3. армия прикрывала Барановичское направление тремя корпусами (XXV., Гренадерский и X.) и участок Полесья по Огинскому каналу до Пинска и далее до разграничительной линии с Юго-Западным фронтом (у Озеры) XXXI. корпусом и несколькими конными дивизиями.

Юго-Западный фронт, прикрывая Киев и пути к Черному морю, имел главное операционное направление на Львов, которое находилось перед центром фронта, против участка Дубно—Тарнополь. Левый фланг фронта у Боян (около Новоселицы) упирался в границу с Румынией и тоже имел важное значение, в виду невыясненной еще по-

литической физиономии этого нейтрального соседа. Фронт состоял из четырех армий, которые в первой половине мая занимали следующее положение:

8. армия своим правым флангом занимала Полесье от стыка с Западным фронтом до железной дороги Ковель—Ровно. Здесь были расположены, считая от правого фланга, IV. и V. конные корпуса и XXX. и XXXIX. армейские. Ко времени начала операции между IV. и V. кон. корпусами был вдвинут еще у Чарторийска XLVI. арм. корпус. Левый фланг армии прикрывал Ковельское и Дубненское направления (от Олыки до Дубно включительно) и был занят XL и XXXII. корпусами. В тылу этой армии, в окрестностях Ровно, были сосредоточены VIII. корпус, 4 я Финляндская стрелковая и три кавалерийских дивизии.

11. армия, от Дубно до Тарнополя включительно, непосредственно стояла на Львовском направлении. XVII. корпус занимал правый участок фронта армии (до Почаева), а остальные три корпуса (VII., VI., и XVIII.) от Почаева до Тарнополя включительно. За фронтом армии, в окрестностях Волочиска, 2. Финляндская стр. дивизия и XLVI. корпус, переведенный вслед за этим в 8. армию.

7. армия на фронте Микулинце—Патач, по реке Стрыпе, перехватывая пути на Галич—Станиславов. Три корпуса этой армии (XXII., XVI. и II.) были равномерно распределены по фронту. В резерве за левым флангом 3. Турк. дивизия; в тылу, восточнее Гусятина, II. конный корпус.

9. армия обеспечивала левый фланг фронта и перехватывала пути с Карпат. Правый ее фланг прикрывался Днестром и оборонялся XXXIII. корпусом. Далее от широты Залещиков фронт шел на юг до Бояна и был занят корпусами XLI., XI. и Сводным. В резерве, за последним, к югу от Хотина, был расположен XII корпус, а на левом фланге фронта между Боян и Новоселицы стоял III. конный корпус.

Сводя к одному знаменателю приведенную группировку армий на европейском театре наших военных дей-

ствий и взяв в расчет только пехотные корпуса, нам общая картина представляется в таком виде.

Северный фронт, прикрывающий пути на Петроград, имел, примерно, на 320 верст фронта 13 пехотных корпусов. Правда, что при этом значительная часть фронта прикрывалась такой трудно доступной преградой, как р. Зап. Двина. Западный фронт на 420 верст протяжения имел, включая сюда и гвардию, 23 пехотных корпуса, причем он прикрывал пути к Москве и к центру России и на его участке была наиболее доступная местность для активных действий обеих сторон. Юго-Западный фронт на 420 верст протяжения имел к 7 (20) мая 19½ пехотных корпусов. Кавалерия в большем размере была сосредоточена на Северном и особенно на Юго-Западном фронтах. Распространенное в некоторых печатных трудах мнение о том, что Юго-Западный фронт был по сравнению с другими обижен в количестве назначенной ему живой силы, не соответствует вышеприведенным цифрам. Обиженным следует считать Западный фронт, в особенности, если принять во внимание, что в конце мая в Ставке еще не отказались от нанесения главного удара этим фронтом[1].

Окончательные распоряжения о производстве летней операции 1916 года были отданы в директиве Алексеева от 18 (31) мая за № 2703[2].

В ней начальник штаба Верховного Главнокомандующего указывал, что, в виду продолжающейся переброски австрийских войск на итальянский фронт и в виду тяжелого положения, в котором находится итальянская армия, требуется нанесение австрийцам сильного удара армиями Юго-Западного фронта. Недостаток артиллерийских снарядов, в особенности крупных калибров, не дает нам возможности развить удар всеми фронтами. Поэтому повелено

---

[1]) Цифры на стр. 15 свидетельствуют, что Юго-Западный фронт значительно уступал остальным фронтам в отношении численного превосходства над противником, причем такое соотношение сил сохранилось и позднее, когда Юго-Запад. фронт стал главным театром действий. Только возникновение Румынского фронта привело к разрежению Северного и Западного фронтов.

[2]) Воен. Учен. Арх. д. Ставки № 444.

Прим. Ред.

главный удар произвести армиями Западного фронта; вспомогательный, но сильный удар наносится Юго-Западным фронтом, который усиливается V. Сибир. корпусом [1]). Северный фронт привлекает на себя внимание демонстративными действиями, особенно в Рижском районе. К решительному наступлению он переходит только при благоприятной обстановке. Кроме путей на Петроград и Полоцк Северный фронт надежно обеспечивает правый фланг Западного фронта.

Почин атаки принадлежит Юго-Западному фронту, который начинает ее 22 мая (4 июня). Западный фронт начнет атаку 28—29 мая (10—11 июня).

Чтобы использовать при благоприятных условиях успех 8. армии и развить в направлении на Ковель действия сильным конным отрядом, Западный фронт временно передает IV. конному корпусу 3. Кавк. каз. дивизию и спешно перебрасывает еще одну кавдивизию в район Высоцк—Городище на Горыни. Разработка плана действий конного отряда возлагалась на Юго-Западный фронт, которому при этом рекомендовалось изыскать способы усилить его еще на одну кавдивизию.

Приведенную директиву трудно было-бы взять за образец, так как в ней указаны фронтам только средства, что делать, а именно „наносить удар", „начать операцию", но цели, которые ставились каждому фронту, его задачи не указывались. Надо, однако, помнить, что эта директива следовала за двумя совещаниями в Ставке, где все это было обсуждено, и являлась как бы дополнением к ним.

Вообще казалось бы, что вопрос об управлении войсками, благодаря существованию прямых проводов, должен был бы быть пересмотрен. Вместе с этим должен быть пересмотрен и вопрос о частной инициативе. Прямой провод дает, с одной стороны, возможность старшему начальнику нравственно висеть над младшим, но с другой стороны, благодаря ему, старший начальник и на расстоянии может лучше чувствовать все перипетии боя и нравственное состояние

---

[1]) На схеме № 1 не показан, так как находился в пути.

войск, чем это было раньше [1]). Большим материалом в этом отношении может служить переписка главнокомандующего Западным фронтом Эверта с командующими армиями [2]).

В развитие директивы Алексеева главнокомандующие фронтами отдали свои директивы.

Главнокомандующий Северным фронтом, каковым в то время был Куропаткин, и задача которого сводилась временно к демонстрациям преимущественно в Рижском районе, принял только меры к обеспечению правого фланга Западного фронта и путей на Полоцк. Для этого он приказал III. корпус сосредоточить в свой резерв в район Браслав—Слободка, а 78. дивизию поставить за правым флангом 5. армии на правом берегу Двины [3]).

Соответствующей директивы по Западному фронту в архивах найти не удалось; нет ее и в стратегическом очерке Клембовского. По всей вероятности, она письменно и не была Эвертом дана. Велась подготовка операции; указания были даны устно на совещании с командующими армиями, а письменная директива, во избежание ее огласки, должна была выйти перед началом операции. Так как операция первоначально откладывалась, а потом изменилась, то и директива, вероятно, света не увидала.

Исследуя всю переписку Эверта, можно догадаться, что главный удар он предполагал наносить 4. армией от Крево на Вильно и вспомогательный правым флангом 3. армии (Гренадерским корпусом) в Барановичском направлении.

Юго-Западный фронт свои распоряжения отдал в виде приказания начальника штаба фронта от 12 мая № 1404 [4]).

---

1) Эта мысль уже осуществлена в Американском пехотном уставе 1919 г., правда только в частном случае атаки укрепленной позиции. „Высшие начальники", говорит устав, определяют наиболее мелкие детали боя в пространстве и во времени. Действие всех участвующих сил ведется по заранее установленному расчету времени и инициатива, оставленная подчиненным начальникам, сокращается до минимума". *Прим. Ред.*

2) Воен. Учен. Арх. д. Ставки. Директ. Зап. фр.

3) Дир. Куроп. 19/V—1/VI 1916 г. № 5733/Б Воен. Уч. Арх. д. Ставки № 444.

4) Воен. Уч. Арх. д. Ставки № 389.

Главнокомандующий приказал, говорится в нем, перейти в наступление, согласно разработанных в армиях планов и начать артиллерийскую подготовку 19 мая (1 июня) на рассвете.

Главный удар наносит 8. армия на фронте Дубище—Корытно XXXIX, XL, VIII и XXXII корпусами; в ее распоряжение также поступают 4. Финл. стр. и 12. кав. дивизии.

Остальные армии фронта наносят энергичные частные удары.

11. армия—VI. корпусом на фронте Глядки—Цебров, что на шоссе Езерна—Тарнополь.

7. армия—на фронте Гипсарка—Новоселка II. корпусом, усиленным 3. Турк. стр. дивизией.

9. армия—на фронте Миткеу—Доброновца (Добронравца) XLI. и XI. корпусами.

В резерве главнокомандующего первоначально остаются 126. пех. див. в районе Ровно, 2. Финл. стр. див. в районе Волочиска и 12. пех. див. в районе к югу от Хотина. В случае усиления фронта свежими войсками, предполагалось 2. Финл. стр. див. передать 8. армии, а 12. дать в 9. армию.

В дополнение к этому распоряжению 21 мая (3 июня) была дана директива и IV. конному корпусу (Гилленшмидта)[1].

Гилленшмидту указывалось, одновременно с атакой 8. армии, развить действия сильным конным отрядом в направлении на Ковель. Для этого к составу IV. кон. корпуса придавались 3. Кав. каз., 7. кавал. и, может быть, еще одна кавал. дивизия из Западного фронта.

Указанной конной массе, поддержанной в мере надобности частями 77. пех. дивизии, надлежало прорваться в общем направлении на Ковель с целью разгромить тыл противника, уничтожая его запасы, склады, железные дороги, внося беспорядок в его тыл и тем способствуя продвижению 8. армии и большему разгрому живой силы противника. К прорыву желательно приступить 23 мая (5 июня), а если это невозможно, то 24 (6) числа.

---

[1]) Там же.

Одновременно с отдачей директивы Брусилов просил усилить его еще одним корпусом и мортирным дивизионом, но получил отказ [1]).

Резюмируя план Брусиловской операции, следует отметить:

Наносился главный удар четырьмя корпусами и для развития его в руках у главнокомандующего оставались на Ровненском направлении две, самое большое три пехотных и одна кавалерийская дивизии. Кроме того наносилось три частных удара, в каждой армии по одному. 11 армия наносила этот удар одним корпусом, 7. полутора корпусами и 9. двумя, причем резервов для развития этих ударов у фронта не было. Это показывает, что использование прорыва решено было при всяких условиях вести из района 8. армии. Если же на эти частные удары смотреть, как на демонстрации с целью не дать сосредоточить противнику войска против 8. армии, то, казалось бы, этих демонстраций очень много и они отнимали излишние силы для использования (но не производства) главного прорыва. Одна, но сильная демонстрация, произведенная к тому же на удачно выбранном, но удаленном от главного удара направлении (хотя бы демонстрация 9. армии), сыграла бы такую же роль, но дала бы лишние средства для использования прорыва в 8. армии.

Хотя главным объектом действий Юго-Западного фронта считался Львов, но на этот раз главный удар решено было наносить на Владимиро-Волынском направлении, подставляя фланг Ковельскому железнодорожному узлу, через который должна была подойти к австрийцам ближайшая и сильнейшая помощь (германские войска). Из частных ударов только два имели стратегическое значение—удар 11. армии на Львовском направлении и 9. армии на Коломею. Но первый из них наносился очень малыми силами.

Этот краткий обзор распоряжений Юго-Западного фронта дает возможность предполагать, что командование этого фронта обратило особое внимание на безотказное выполнение первой половины задачи, а именно совершение прорыва, не достаточно оценив важность второй ее поло-

1) 12/V № 1401 В. Уч. Арх. д. Ставки № 444.

вины, т. е. лучшего использования прорыва с целью поставить наши армии в выгодное стратегическое положение.

19 мая (1 июня) Алексеев все-таки решил усилить Юго-Западный фронт еще одним корпусом (предполагался V. Сибирский), но в то же время высказывал определенную критику на распределение войск фронта, хотя он исходил из других выводов, чем изложены выше.

Выигрыш операции требует успеха на главном направлении, писал он [1]). Успех достигается массой, сбор которой неизбежно связан с риском на второстепенных направлениях. Прибывающий корпус доведет ваш фронт до 600 тыс. штыков и 58 тыс. шашек, против 420 тыс. штыков и 30 тыс. шашек противника. Нам можно даже без особого риска собрать в точке главного удара превосходство в сотню тысяч штыков. Оставляя на прочем фронте силы, равные силам противника, рискуем немного, но сильно увеличиваем численность ударной группы. Поэтому Алексеев рекомендовал теперь же притянуть к ударной группе 8 армии еще 3—4 дивизии.

Брусилов остался, однако, при своем решении. На фронте атаки в 20 верст, писал он Алексееву [2]), стянуто 148 батальонов против 53 неприятельских. Стянул все, что мог. На Тарнопольском направлении снял все резервы, на левом фланге оставил только бригаду. Считаю необходимым нанесение частных, хоть и слабых ударов на фронтах всех армий. Этим достигается и моральный эфект, важный при действии против австрийцев. Пехоты у меня хватит, кончал Брусилов; желательно только патронов и тяжелых снарядов.

Голос о необходимости подумать не только о самом успехе прорыва австрийского фронта, но и о надлежащем использовании его раздавался и снизу, из группы младших лиц командования. Вот, что в последних числах апреля доносил по этому поводу автор настоящего очерка, командовавший в то время группой из XXX арм. и V кав. корпусов, расположенной в Полесье на правом фланге 8 армии к югу от м. Колки [3]).

---

[1]) 19/V № 2730. В. Уч. Арх., д. Ставки № 444.

[2]) 20/V № 1504. В. Уч. Арх., д. Ставки № 444.

[3]) Рапорт Зайончковского командарму 8, Каледину, № 2346. В. Уч. Арх., д. 8 армии и XXX к-са.

„Ныне я позволяю себе высказать мое мнение о вполне вероятном положении 8 армии, когда она победоносно достигнет Луцка и реки Стыри, так как, мне кажется, что об этом положении необходимо подумать теперь же... Наше превосходство в силах и самая детальная подготовка дают полное вероятие в успехе задуманной операции и даже нашего победоносного подхода к Луцку. К этому времени фронт 8. армии будет от Луцка тянуться в северо-восточном направлении и загибаться на Колки, имея на своем правом фланге все ту же Ковель-Сарненскую железную дорогу. Наступательное движение Юго-Западного фронта после прорыва австрийских укрепленных позиций будет для врага настолько близко к катастрофе, что это, разумеется, вызовет принятие решительных мер со стороны германцев. Им единственно будет возможно задержать наше наступление направлением своего удара на наш правый фланг со стороны Ковель-Сарненской жел. дороги, т.-е. повторение их маневра в сентябре 1915 года. Я полагал бы, что меры для предупреждения этого маневра должны быть приняты уже в настоящее время и они должны состоять в сохранении за нашим правым флангом достаточно внушительных сил".

Но принцип удара при прорыве всем фронтом восторжествовал; прорыв был организован без какого-либо риска неудачи.

Что касается до наших врагов, то, повидимому, в 1916 году они не предполагали вести наступательных операций на русском фронте. По фигуральному выражению Фалькенгайна [1]) молниеносное наступление немцев в 1915 г. сковало целительным бальзамом наступательные толчки русского колосса и здесь впредь нельзя ожидать никакой серьезной опасности. Поэтически настроенный немецкий генерал уже в 1915 году видел: „дальние зарницы надвигающейся над русским царством грозовой бури грядущей революции" [2]).

Но атаки 7. и 9. армий на Стрыпе в декабре этого года, во время которых австрийцы с трудом удерживали

[1]) Erich v. Falkenhayn: „Die Oberste Heeresleitung 1914—1916", стр. 163.

[2]) Перевод с немецкого.

свое положение, а также беспорядки, происшедшие в некоторых частях австрийской армии, заставили немцев обратить серьезное внимание на этот фланг своего фронта. Не выяснившееся же положение Румынии привело их к решению не предпринимать здесь никаких больших операций до полного выяснения обстановки [1]). Немецкое командование, видимо, еще за год вперед учитывало возможность русской революции, на которой строило свою победу на Востоке. Оно приветствовало наши частные попытки атаковать, в роде декабрьских атак на Стрыпе, считая, что каждая такая операция, которая влечет за собой большие потери, неминуемо ускоряет внутреннюю развязку [2]).

К тому же немцы не видели на русском фронте соответствующих их силам важных об'ектов для наступательных операций. Наиболее подходящим было бы продвижение в Украину, богатую хлебом; но этому препятствовали плохо развитая сеть путей и невыясненное положение Румынии. Наступление на Петроград, который, при удаче операции, немцам пришлось бы кормить на свой счет, не обещало, по их мнению, развязки войны. Наступление на Москву „вводило немцев в безбрежность" и ни на одно из этих направлений, сознавался Фалькенгайн, у нашего врага не хватало достаточно сил.

Война, по его мнению, должна была решиться на французском фронте.

При такой обстановке началась летняя кампания 1916 года на европейском театре русского фронта.

---

[1]) Там же, стр. 170.
[2]) Там же, стр. 182.

ГЛАВА I.

Прорыв Юго-Западного фронта. Впечатления и меры немецкого командования. Директива 26 мая (8 июня) для использования прорыва. Директива Ставки 27 мая (9 июня) и поведение командования Западного фронта. Распоряжения Юго-Западного фронта конца мая и начала июня. Передача 3. армии Юго-Западн. фр. Операции Северного фронта (июль—август). Действия Зап. и Юго-Зап. фронтов в июле. Меры, принятые противником.

19 мая (1 июня) Юго-Западный фронт начал артиллерийскую подготовку прорывов, а 22—23 мая (4—5 июня) началось и наступление пехоты, встретившее наибольшее сопротивление на правом фланге 8. армии (XXX. корпус) и в 11. армии (VI. корпус). Австрийцы переходили в ряд контр-атак, не приведших в общем к положительным для них результатам, и 25 мая (7 июня) успех Юго-Западного фронта не подлежал уже сомнению. Операция прорыва кончилась и началась операция использования его.

В этом последнем акте операции за основание должна быть принята директива Брусилова от 26 мая (8 июня) № 1594 [1]).

Достигнутый армиями тактический успех, писалось в директиве, надлежит обратить в стратегически законченную операцию. Ближайшими задачами армий ставилось: 8. прочно утвердиться на Стыри на участке Сокуль—Рожище—Луцк—Торговица.

Наступать правым флангом на фронт Червище—Кашовка—Сокуль, а левым на фронт Торговица—Демидовка, чтобы облегчить переход в наступление правого фланга 11. армии. Всей кавалерии и особенно IV. кав. корпусу

---

[1]) Воен. Учен. Арх. д. Ставки № 389.

[2]) 26/V № 2841 Воен. Учен. Арх. д. Ставки № 444.

прорваться, не взирая ни на какие потери, в тыл противника. 11., 7. и 9. армиям продолжать выполнение прежних своих задач. (Эта постановка не ясна—прежняя задача говорила только о прорыве). В резерве у Брусилова V. Сиб. корпус у Олыка и 113. пех. див. у Проскурова. Остальные резервы были уже переданы в 8. и 9. армии.

Таким образом, после прорыва 8. армия естественно начала разрываться в двух направлениях. Правый фланг ее должен был тяготеть к Ковелю, как к центру, через который шли к противнику подкрепления с северных его фронтов, а левый—ко Львовскому направлению для взаимодействия с 11. армией. Командованию приходилось решить вопрос—куда же направить главные силы 8. армии, на Луцк и далее в Юго-Западном направлении или же на Ковель.

Задача была решена в пользу первого направления и Луцк был 25 мая (7 июня) взят нами.

В данном случае между фронтом и Ставкой было полное согласие. Было бы важно, писал Алексеев начальнику штаба фронта [1]), расширять отверстие, уже образованное у Луцка. Пока меньшею частью сил 8. армии отбрасывать противника на Владимир-Волынский, а большею частью давить в направлении Демидовки, заставляя его очистить Дубенские сады.

Тем временем, на Ковельском направлении были оставлены действовать конница Гилленшмидта, которая еще 24 мая (6 июня) должна была прорваться в тыл противника и работать уже у Ковеля, но продолжала стоять на месте, XLVI. корпус у Чарторийска и XXX. корпус, взявший Колки и оттеснивший противника на правый берег Стыри от Колки до Навоза.

Действия всех этих корпусов не были об'единены. В то время, когда XXX. корпус сильно выдвинулся вперед, XLVI. корпус и кавалерия все еще оставались на месте, пока первый не встретил 28 мая (9 июня) сильного сопротивления при переправе через Стырь на участке между Колки и Навозом. Тогда только на это направление было обращено некоторое внимание. Началось подталкивание

---

[1]) 26/V № 2841 Воен. Учен. Арх., д. Ставки № 444.

Брусиловым Гилленшмидта вперед в весьма резкой форме [1]), но дело не двигалось ни на шаг. Гиленшмидт, имея перед собой лишь спешенную конницу, не отходил от пехоты, которая толклась у Чарторийска на месте Дело с так много обещавшим прорывом конных масс в тыл противника так и заглохло и свелось к нулю.

Нашему майскому прорыву немецкий автор [2]) посвящает несколько пренебрежительных строк.

„После короткой артиллерийской подготовки, пишет он, встали они в своих окопах и просто пошли вперед. Только в немногих местах дали они себе труд собрать при помощи резервов атакующие группы. Дело заключалось совсем не в атаке в настоящем смысле этого слова, а просто в огромной разведке, при помощи которой союзники хотели выказать сочувствие стесненным итальянцам... Применение Брусиловского разведывательного искусства, конечно, было возможно только в том случае, если у генерала были определенные указания считать силу сопротивления своего противника совершенно ничтожной. И он в этом не ошибся“ [3]).

Но тем не менее удар, нанесенный австрийцам, произвел ошеломляющее впечатление на немцев и они не могли предвидеть, где же остановится прорванная и теснимая на флангах армия их союзников. Для них не было сомнения, что без весьма внушительной немецкой поддержки Австрия будет окончательно выведена из строя, а новый прорыв русских в Венгрию или новая угроза Силезии для немцев были невыносимы, так как вели к скорому истощению центральных держав.

Немцы потянули свои дивизии с Западного фронта на Восточный, австрийцы приостановили свое наступление против итальянцев, и также начали отправку оттуда своих войск против нас [4]).

Самое правильное было бы, по мнению автора, сосредоточить немецкие отряды в Польше, Галиции и Венгрии

[1]) Воен. Учен. Арх., д. Ставки № 389.

[2]) Erich v. Falkenhayn: „Die Oberste Heeresleitung 1914—1916“, стр. 216 и сл.

[3]) Перевод с немецкого.

[4]) Ludendorff: „Meine Kriegserinnerungen“ стр. 173.

и оттуда наносить контр-удар. Но на практике это требовало времени и приводило к очищению отлично укрепленной полосы, при помощи которой немцы только и могли ограничиться оставлением на Восточном фронте сравнительно незначительной живой силы. В тылу же таких удобных для обороны полос у них не имелось.

Поэтому было решено бросить против русских все те резервы, которые можно было собрать на остальных фронтах, не компрометируя положения этих последних, и быстро направить на те участки прорыва, где наш успех наиболее развивался. Таковыми, как известно, были фланговые армии Юго-Западного фронта. Первоначально для этой цели было собрано 4—5 немецких дивизий с лучшими австрийскими войсками у Ковеля и брошены в атаку в юго-восточном направлении. С другой стороны, сюда были направлены и части армии Ботмера, успешно удержавшие свое положение на Стрыпе.

Захлебнувшееся здесь наступление немцев в их июньских контр-атаках вынудило противника увеличить свои силы под Ковелем. Для этого они не решались брать войска с соседнего участка фронта Эверта, сосредоточение которым больших сил на Барановическом направлении приводило их в большее смущение, чем его атака, если бы она последовала. Приходилось для последующих боев под Ковелем брать дальнейшие подкрепления опять с французского фронта.

Из немецких источников, таким образом, видно, что Эверт своей видимой нерешительностью и осторожностью сыграл видную роль в успехе Юго-Западного фронта. Занесенный над немцами в этом направлении кулак оттягивал от Ковельского участка силы их на весь длинный период боев и требовал переброски сюда войск с французского фронта.

В то время, как у Брусилова развивались только что описанные события, Западный фронт проводил время в приготовлениях, опасениях, просьбах об откладывании атак и в весьма обильной переписке.

Ни на одном из фронтов телеграф не работал так много, как у Эверта. Он самым старательным образом подготовлял все операции, вмешивался во все детали работ командующих армиями и корпусных командиров, но не решался атаковать. Очевидно, Наполеоновская равнодействующая у этого военноначальника сильно уклонилась в сторону ума и в ущерб характера.

Едва только появилась вышеприведенная директива Ставки от 18 (31) мая, как Эверт начал выражать беспокойство за Нарочское направление. В тот же день он выражает уже мнение, что главный удар в районе Крево может не получить надлежащего развития и тогда он предполагает атаковать противника на Вишневском направлении, не прекращая наступления и на главном. Все это кончается просьбой разрешить отложить атаку на 31 мая (13 июня). Получив это разрешение, Эверт уже на другой день, 22 мая (4 июня), просит разрешения начать 31 мая (13 июня) только вспомогательный удар, а главный, в виду неготовности, отложить на 4 (17) июня. „Трудно вводить при таких условиях какой-нибудь расчет в наши решения", справедливо ответил ему на это Алексеев [1]), настоятельно требуя начать атаку 31 мая—1 июня (13—14 июня).

27 мая (9 июня) Ставка дала новую директиву (№ 2881)[2]), согласно которой Юго-Западному фронту надлежало все усилия сосредоточить на своем правом фланге, поставив главной задачей отрезать австрийскую армию от Сана и путей сообщения на запад. Для этого выдвинуть правый фланг фронта первоначально на высоту Луцка и развивать дальнейший удар в общем направлении Луцк—Рава Русская. К стороне же Кобрин—Брест, откуда вероятно появление германских войск, прикрыться сильным конным отрядом. Западному фронту атака откладывалась до 4—17 (июня), но его левому флангу, XXXI. корпусу, указывалось возможно скорее овладеть Пинском и накопить силы для удара на Кобрин с целью приковать к себе немцев и обеспечить правый фланг Юго-Западного фронта. На Север-

---

[1]) Вся эта переписка хранится в В. Уч. Арх., д. Ставки № 444.
[2]) Там же.

ный фронт возлагались демонстративные действия и подготовка корпуса для отправки на Сарны.

Вследствие этой директивы Эверт приказал удар на Барановичском направлении и атаку частями Гренадерского корпуса начать 31 мая (13 июня). XXXI. корпусу энергично стремиться к овладению Пинском, для чего корпус усиливался 27. пех. дивизией.

Гренадерскому корпусу была поставлена задача захватить Сталовичский массив или, по крайней мере, завладеть участком укрепленной позиции противника на левом берегу Шары, восточнее указанного массива.

2 (15) июня Гренадерский корпус атаковал широким фронтом противника, но находившаяся в резерве 81. дивизия участия в бою не приняла и атака гренадер окончилась неудачно. Атака на Барановичском направлении была отложена впредь до особого распоряжения [1]).

Удар на Пинском направлении решено было произвести 1—2 (14—15) июня и нанести от Логишина с целью отбросить противника за Огинский канал и Ясельду. По прибытии сюда III. корпуса, посланного из резерва главнокомандующего, предположено овладеть районом между Ясельдой и Пиной до линии Молодово-Дубой и далее развивать наступление на Кобрин, выбросив при возможности всю конницу в тыл противника на Слоним и Картуз-Березу. Однако, 1 (14) июня Эверт разрешил, в виду дурной погоды, отложить атаку до 4 (17) числа [2]), а на следующий день атака в Пинском направлении была отложена еще на два дня.

3 (16) июня, в виду развития операции на Юго-Западном фронте и в виду доклада Эверта о трудности лобовых атак на Виленском направлении и выгоды удара при новой обстановке на Барановичском направлении, Верховный Главнокомандующий приказал отменить атаку в Виленском направлении, а организовать удар на левом берегу Немана, нанося его на фронт Новогрудок—Слоним. Удар этот должен был быть согласован с ударом из Ковельского района на Кобрин—Брест и из Пинского района на Пружаны—Кобрин.

---

[1]) Воен. Уч. Арх., д. Ставки № 382.
[2]) Там же.

В развитие этой директивы Эверт, делая большую перегруппировку, приказал:

2. армии в прежнем ее составе прочно оборонять занимаемый ею фронт, выделив достаточно сильные резервы. V. арм. корпус по прежнему оставался в резерве Главнокомандующего.

10. армии, в составе XX., XXVI., III. Сиб., II. Кавк., XXIV., III. Кавк., XXXVIII. и XLIV. арм. VII. кавал. корпусов и 2. Куб. див., сосредоточившись на фронте Спяглицы—Делятичи, быть готовым перейти в наступление, как только выяснится наступление противника.

4. армии[1]), в составе XXV., Гренад., X., IX., XXXV. корп., 7. Турк., 11 Сиб. и 112. пех. дивизий, Сиб., 2. Турк. и Уральск. казач. дивизий, занимая фронт Делятичи—оз. Выгоновичи, быть готовой не позже 20 июня (3 июля) нанести районе Новогрудок—Барановичи.

На 3. армию, в составе XXXI. и III. арм. корпусов, 5. Донск., 6. Кубан., 3. Забайк. и 3. кав. дивизий и тех корпусов и конницы, которые будут сюда выделены, возлагалось наступление на фронт Пружаны—Кобрин—Брест. Для немедленного же содействия Юго-Западному фронту и для занятия более выгодного исходного положения 3. армии 6 (19) июня перейти с наличными силами в решительное наступление с целью овладеть Пинским районом и отбросить противника за линию Святая Воля—Невель. 3 армии главный удар наносить в районе Логишина, имея достаточные силы для связи с конным корпусом и для действия южнее Припяти в направлении на Любашево и оттуда по обстановке[2]).

Но 6 (19) июня наступление в Пинском районе вновь было отложено, на этот раз из за под'ема воды, а 10 (23) июня III. арм. корп. вместо Пинского района было приказано перебросить на Барановичское направление.

Эти постоянные откладывания вызвали со стороны Верховного Главнокомандующего весьма резкое подталкивание Эверта с категорическим требованием нанести решительный удар не позже 16—17 (29—30) июня.

---

[1]) При произведенной перегруппировке Управление 4. армии было переброшено на Юг, так что порядок армий был такой: 2., 10., 4. и 3.

[2]) Директива 5/VI № 14575. Там же.

Вместе с этим с Западного и Северного фронтов, по мере того как Западный фронт оттягивал свой переход в наступление, снимали корпуса и передавали их Юго-Западному фронту, на котором наступление начало по-немногу захлебываться.

Клембовский, говоря в своем труде о приведенной выше директиве Ставки от 27 мая (9 июня), указывает, что боязнь выдвинуться своим правым флангом сильно вперед заставила Брусилова приостановить временно дальнейшее наступление 8. армии, а продолжать таковое на фронте остальных армий. Приводимая ниже телеграмма того же самого Клембовского к командующему 8. армией [1]) рисует картину несколько иначе. Просто 8. армия выдохлась и без подталкивания новыми резервами не могла даже докатиться до Стохода.

„Главкоюз, писал Клембовский Каледину, не считает возможным откладывать дальнейшее наступление, чтобы не дать противнику опомниться и возвести новые укрепления, к чему, как видно из ваших разведок, он уже и приступил. Кроме того в войсках ваших огромный порыв, который может остыть от приостановки наступления. Напряжение всех сил окупится достижением дальнейших крупных успехов с меньшими потерями“. Неэкономное расходование и разброска сил при производстве прорыва отразились на приостановке той армии, от скорого движения которой зависела судьба операции.

28 мая (10 июня) Брусилов принужден был согласиться с Калединым и приказал 8. армии закрепиться на линии р. Стыри, а 29 мая (11 июня) указал ей развивать свои действия только на крайних флангах, у Кашовки и Демидовки. Этой же директивой [2]) остальным армиям фронта Брусилов указывал, как общую задачу, упрочнение и развитие успеха, достигнутого в последних боях. „По намеченному плану, писал Клембовский командующему 7. армией [3]),

---

[1]) 27/V № 1610, В. Уч. Арх., д. Ставки № 389.
[2]) № 1634, там же.
[3]) 30/V № 1658, там же.

решительное наступление возложено пока только на 8. армию, а от вас не требуется движения вперед, если оно сопряжено с большими потерями".

Быстрый подвоз подкреплений противником для приостановки наступления Юго-Западного фронта и направление большей его части через Ковель заставило, наконец, фронт обратить внимание на необходимость обеспечить 8. армию сильным резервом. Для поддержки действовавших к северу от Рожище XXX и XXXIX. корпусов был из резерва главнокомандующего направлен V. Сибирский корпус [1]).

Однако, приведенные выше распоряжения фронта с тенденциями приостановки просуществовали только один день. Уже 31 мая (13 июня) Брусилов отдает новую директиву широко наступательного характера [2]). Эта директива как бы не соответствовала только что изложенному мною выше и полученным перед этим Брусиловым докладам всех командующих армиями о тяжелом их положении с просьбами резервов [3]), которых у Брусилова было только—на лицо V. Сиб. корп., переданный в 8. армию, и в пути XXIII корпус. Не соответствовал этот чрезмерно наступательный порыв до подхода всех направленных сюда Ставкой подкреплений и сложившейся обстановке, а именно тому, что наши войска уже выдыхались, а у противника подкрепления подходили очень быстро и он начал переходить в контратаки [4]).

Для довершения поражения противостоящих австро-германских войск, писал Брусилов в своей директиве, приказываю армиям вверенного мне фронта продолжать 1 (14) июня наступление. 8. на фронт Ковель—Владимир-Волынский—Порицк—Милятин, имея в районе Ковеля конную массу, которая обеспечивала бы правый фланг фронта с севера и держала прочную связь с 3. армией. 11. армии на фронт Дружкополь—Радзиехов—Соколовка—Поморжаны; 7. на фронт Поморжаны—Брзежаны—Галич—Станиславов и

---

[1]) 31/V № 1665. Там же.

[2]) 31/V № 1677. Там же.

[3]) См. Клембовский, ст. 50.

[4]) Продвижение армий Юго-Западного фронта с начала прорыва до 1 (14) июня показано на схеме № 1б.

9. на фронт Станиславов—Коломыя—Куты, наблюдая кавалерией свой левый фланг. В резерве Брусилова оставался только подходящий XXIII. корп., который сосредоточивался в районе 9. армии.

Но 2 (15) июня только что изложенную директиву отменяет новая[1]). В виду того, что 3. армия отложила свое наступление до 4 (17) числа, что на Ковельском направлении замечено оживление противника и что есть основание ожидать, что он попытается ударить в правый фланг 8. армии, Брусилов приказывал 8. армии прекратить наступление, закрепиться и собрать сильный резерв за ее правым флангом. Энергичное преследование отступающего противника (?) надлежит вести кавалерией. Прочим армиям продолжать выполнение поставленных им задач.

Приведенные документы дают материал предполагать, что главнокомандующий и его начальник штаба потеряли необходимое спокойствие.

И, действительно, в ночь на 3 (16) июня Брусилов отдает Каледину еще одну новую директиву[2]). Ставлю вам ближайшую задачу, писалось в ней, овладеть Ковелем. Для чего приказывалось безусловно никаких передвижений пехоты на запад во Владимир-Волынском направлении не производить, а частям XL. и VIII. корпусов, находящимся на этом участке, закрепиться на занятых ими рубежах, отнюдь не выдвигаясь для этого вперед. Сгруппировать на Ковельском направлении не менее четырех дивизий, сняв нужное количество с Владимир-Волынского и Сокальского направлений. 4 (17) июня с рассветом перейти в наступление на Ковель, но на Владимир-Волынский не наступать. Кавалерии преследовать разбитого противника на Ковель, Владимир-Волынский и Сокаль.

4 (17) июня[3]) Брусилов вновь подтверждает командарму 8. о наступлении на Ковель, подталкивая войска и обещанием скорого прибытия двух свежих корпусов и обращаясь к нравственному на них воздействию. „Бейте крепко, кончает он свою телеграмму, держитесь стойко, чтобы порадовать царя и родину".

---

[1]) № 1706. Там же.
[2]) № 1723. Там же.
[3]) № 1741. Там же.

В тот же день[1]) войскам 8. и 11. армий приказывается самым энергичным и спешным образом укрепить позицию по правому берегу Стыри. На следующий день гнев его обращается на XXX. корпус[2]), ослабленный сильными боями и растянутый на большом пространстве почти от Колки до Рожище, и спрашивает почему он не наступает. Но он не наступал, как и остальные части, потому что у него, подобно и прочим войскам 8. армии, не хватало сил более наступать против значительно усилившегося и свежего противника. И, действительно, уже на следующий день неприятель атаковал превосходными силами соседний XXXIX. корпус и заставил его отойти с занимаемой позиции[3]).

Я нарочно остановился на этих мелочах, чтобы читатель ясно мог составить себе представление о душевном состоянии в эти дни высшего командования фронта, о точном представлении им того, что перед ним делается, и, в зависимости от этого, об определенной постановке целей себе и своим войскам.

6 (13) июня, наконец, Брусилов стал на иную точку зрения[4]) и предоставил Каледину применить тот способ действий, который этот последний признает более соответственным, т.-е. или продолжать наступление и атаку противника или перейти к обороне впредь до сосредоточения всех наших сил, так как сюда Ставкой были направлены 1. арм. и 1. Турк. корпуса.

Большая тревога фронта за неожиданно свалившееся для него Ковельское направление отвлекла его внимание от надлежащего руководства действиями остальных армий. Между тем на левом фланге фронта обстановка изменилась и требовалась постановка 9. армии новых задач.

Действительно, наступать ей одной при сильной заминке на правом фланге фронта вглубь Карпат навряд ли представлялось возможным. Поэтому Ставка указала этой армии новую задачу, а именно направление большей ее

---

[1]) № 1751. Там же.
[2]) № 1760. Там же.
[3]) № 1763. Там же.
[4]) № 1776. Там же.

части на Станиславов—Галич. Этим, по мнению Алексеева, связывались в одно целое операции 9. и 7. армий, а успех у Станиславова не останется без влияния на наше положение и в Ковельском направлении [1]).

Одновременно с этим возникла и другая мысль—повторить кавалерийский рейд в Венгерскую долину и графу Келлеру было приказано разработать проект о направлении сильного кавалерийского корпуса на Мармарош—Сигет. Цель набега—разгром тыла; время его производства, когда 9. армия дойдет примерно до меридиана Станиславова. Впрочем, от этой мысли через несколько дней отказались.

Между тем бездействие Западного фронта продолжалось. Попытки перехода в наступление отдельных армий этого фронта, как, например, 10., которая хотела в ночь с 12 на 13 (25 на 26) атаковать противника, удерживались Эвертом под предлогом недостатка сил и в виду того, что этой армии придется 16 (29) июня серьезно демонстрировать [2]).

Результатом такого бездействия явилось распоряжение Ставки от 11 (24) июня о передаче 3. армии Юго-Западному фронту и о перекидывании туда V. арм. корпуса из состава Западного фронта.

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом отдал поэтому новую директиву [3]), согласно которой в состав 3. армии включались IV. конный и XLVI. корпуса и ей ставилась ближайшая задача энергично демонстрировать у Пинска, а главными силами овладеть возможно быстрее массивом Городок—Маневичи—Галузия. 8., 11. и 7. армиям прочно закрепиться на занимаемых ими позициях, которые оборонять активно, выдвинув, где возможно, авангарды и кавалерию. 9. армии продолжать наступление на линию Галич—Станиславов.

Как уже известно, Ставка настоятельно потребовала от Западного фронта нанесения удара между 17 (30) и 20 (3) числами. Поэтому и Брусилов решил к этому времени приурочить свое наступление.

---

[1]) 9/VI № 1807. Там же.

[2]) Телеграмма Эверта 11/6 № 14787. В. Уч. Арх., д. Ст. № 382.

[3]) 11/6 № 1866. В. Уч. Арх., д. Ставки № 389.

Директивой 12 (25) июня № 1896[1]) указывалось 3 армии выполнять задачу, поставленную ей накануне с добавлением второстепенной атаки на Озаричи для содействия 4. армии Западного фронта. 8. армии наносить два удара — на Ковель, главный, и на Владимир-Волынский второстепенный. 11. армии наносить главный удар на Броды и второстепенный на Порицк. 7. армии район наступления на линию Брзежаны—Монастержиска и 9.—старая задача наступления на Галич—Станиславов.

Почти одновременно с этим была отдана и директива по Западному фронту от 14 (27) июня за № 14862[2]), согласно которой 4. армии (XXV., IX., Грен., X., XXXV. III. Кавк. корпусам, 11. Сиб., 7. Турк., 112. и Св. Погр. пех., 2, Турк., Сиб. и Урал. каз. див. и Польск. стр. бриг.) указывалось прорвать расположение противника и, наступая в направлении Новогрудок—Слоним, отбросить его за Шару и Неман. 2. армии (XXVII., XXXIV., XV., IV. Сиб., I. Сиб. и XXXVI. корпуса) и 10. (XX., XXVI., II. Кавк, XXIV., XXXVIII. и XLIV. корпуса и 2. Куб. каз. див.) начать артиллерийскую подготовку одновременно с 4. армией и привлечь на себя короткими, но настойчивыми ударами все внимание противника на время операции 4. армии.

Командующему 4. армией, только что перекинутому сюда с другого участка, приходилось вести операцию и на незнакомом ему фронте и с новыми войсками.

Таким образом, казалось, что наконец-то совместное наступление Западного и Юго-Западного фронтов должно было состояться в двадцатых числах июня старого стиля.

Между тем примерно к 15 (28) июня противник сосредоточил против Юго-Западного фронта 12 новых дивизий[3]), из которых 9 против 8. армии, одну против 7. и две против 9. армий. Вместе с этим 17 (30) июня он почти по всему фронту перешел к решительным контр-атакам и и только одна наша 9. армия продолжала успешное продвижение, тесня окончательно разбитую армию Пфлянцера.

[1]) Там же.

[2]) В. Уч. Арх., д. Ставки № 382.

[3]) Из них 2 с нашего фронта, а остальные с французского и итальянского.

Несмотря на громаднейшие потери, контр-атаки немцев не дали им никаких положительных результатов и армии Юго-Западного фронта могли после 20 июня вновь перейти в указанное им наступление.

8. армия, усиленная двумя корпусами (1. арм. и 1. Турк.) перешла 22 июня (5 июля) в решительное наступление и после ряда упорных боев окончательно сбила 25 июня (8 июля) противника своим правым флангом. Это открыло путь продвижения левому флангу 3. армии, который вместе с правым флангом 8. армии занял к 1 (14) июля линию р. Стохода [1]) от Любашево до железной дороги Ковель—Луцк, зацепившись некоторыми частями и на левом берегу этой реки. Это вызвало со стороны противника ряд усиленных контр-атак, от которых с трудом приходилось отбиваться.

По свидетельству немецких источников [2]), „русская атака в изгибе Стыри, что севернее Луцка (у Навоза, участок XXX. корпуса), имела полный успех. Австро-венгерские войска дали себя прорвать здесь во многих местах и группы германских частей, которые должны были здесь им помогать, попали в очень серьезное положение. Генерал Лиссинген увидел необходимость отвести 24 июня (7 июля) свое левое крыло за Стоход. . . . . Это был один из самых сильных кризисов на Восточном фронте. Надежда, что австро-венгерские войска удержат неукрепленную линию Стохода, была малая. Это были чрезвычайно серьезные дни. Мы отдавали все и хорошо знали, что никто нам не может помочь, если неприятель нас атакует".

К счастью для немцев атака не последовала, так как за правым флангом 8. армии не оказалось необходимых резервов. Мы подарили неприятелю три недели, только по истечении которых повели атаку на Стоход, когда встретили сопротивление свежих подвезенных противником войск. Перерыв в наступлении сыграл свою обыденную роль наказания за отсутствие группировки в пункте главного удара большого кулака.

---

1) См. схему № 1б, третье положение.
2) Ludendorff, „Meine Kriegserinnerungen". Стр. 117.

11. и 7. армии в общем продвинуться вперед не смогли, но зато 9. армия, Лечицкого, имела большой успех и к 1 (14) июля вышла на линию Долина (на Днестре)—Живачев—Делятынь—Тартаров, войдя в тесную связь и обеспечив левый фланг 7. армии. III. конный корпус сохранил после временного отступления свое положение у Селетина.

Переход 3. армии в распоряжение Брусилова не двинул вперед дела у Пинска, где XXXI. корпус продолжал пребывать в пассивном состоянии, хотя Брусилов и настаивал на его решительных действиях в тыл Пинской группы[1]).

---

19 июня (2 июля) начала наступательную операцию и 4. армия на фронте Городище—Барановичи. Общий присущий нам недостаток во образе неумелой артиллерийской подготовки, несвоевременности ввода ближайших резервов, пассивное стояние около половины армии в то время, когда другая половина истощалась в бесплодных разрозненных атаках, привел и к определенным результатам.

4. армия, потеряв за девять дней около 80 тыс. человек, продвинулась на весьма незначительное расстояние в двух пунктах, у Городище и к югу от Барановичей. 2. и 10. армии свое содействие 4. армии выявили в весьма вялых, большею частью артиллерийского характера демонстрациях, которые отнюдь не могли обмануть противника в истинных целях этих демонстраций.

Результатом такого рода неудачных действий 4. армии было решение Эверта прекратить ее наступление до 1 (14) июля. Ставка же, убедившись в отсутствии у немцев свежих сил и в полной безопасности Полоцкого направления, откуда противник снимал понемногу свои войска, приступила к переброске гвардейской армии Безобразова с Западного на Юго-Западный фронт.

В то время, как в течение июня месяца на Западном и в особенности на Юго-Западном фронтах происходили изложенные выше события, Северный фронт бездействовал.

[1]) Телегр. Клембовского 27/6, № 2150. Там же.

Характер участия его в общих операциях определился указаниями, данными Алексеевым еще 23 мая (5 июня)[1].

Северный фронт предназначался быть как бы источником для усиления Юго-Западного фронта. Противник на этом фронте явно демонстрировал; соотношение сил было здесь в нашу пользу (12. армия имела 133 тыс. против 63 тыс. и 5-я. 226 тыс. против 93 тыс.), а потому фронту было указано производить демонстрации и быть готовым к отправке подкреплений на Юго-Западный фронт. Вместе с этим Алексеев рекомендовал Куропаткину потревожить противника на Рижском побережье при помощи флота и дессанта. Идея о дессанте первоначально заглохла, но в июле приняла реальную форму, не дошедшую, впрочем, до его осуществления.

Куропаткин приказал армиям фронта быть готовыми 2 (15) июня, начав демонстративные действия с целью приковать противника. Для этого указывалось подготовить частичные удары в таких пунктах, где легче рассчитывать на удачу[2]).

Фактически эти демонстрации, веденные вяло, не оказали никакого влияния на ход операций на соседних фронтах.

23 июня (6 июля) Северному фронту была поставлена Ставкой более определенная задача собрать значительные силы для нанесения одного удара, но более глубокого, с целью заставить немцев оставить линию Двины[3]).

Куропаткин решил выполнить эту задачу 12. армией, которой приказал прорвать расположение противника, нанося удар со стороны левого фланга Рижского левобережного плацдарма, и по возможности захватить линию Эккау—Нейгут, чтобы выйти на железную дорогу Митава—Якобштадт. Вместе с этим надлежало надежно обеспечить Ригу. XXI корпус Куропаткин взял себе в резерв и сосредоточил его в окрестностях Риги.

Силы Северного фронта были распределены в это время следующим образом: на 100 верстном пассивном участке

---

1) Воен. Учен. Арх., д. Ставки № 444.

2) № 5910, б. В. Уч. Арх., д. Ставки № 474.

3) № 3426. Там же, № 441.

85 бат., на фронте атаки (5 в. длины) 67 бат., в резерве Радко-Дмитриева (командарм 12) 24 бат. и в резерве Куропаткина 32 бат. [1]). Куропаткин лично на время операции прибыл в район 12 армии и особенно заботился о принятии всех мер к тому, чтобы не было задержки в подаче к месту прорыва резервов [2]).

Алексеев с своей стороны вновь обратился к Куропаткину с советом использовать предлагаемые Балтийским флотом средства для того, чтобы прорыв у Риги соединить с десантной операцией в тыл немцам. Для этого предполагалось посадить на суда свыше дивизии пехоты с артиллерией и отрядом конницы и под прикрытием отряда боевых судов произвести высадку у Роена. Куропаткин не видел возможности взаимодействия между прорывом, производящимся к востоку от Митавы, и десантом у Роена. Так как по свойствам моря высадку восточнее Роена сделать не представлялось возможности, то Куропаткин предлагал произвести десант, как самостоятельную операцию, без связи с прорывом Радко-Дмитриева. Алексеев в виду этого временно от десантной операции отказался.

Прорыв 12 армии начался 3/16 июля после трехчасовой артиллерийской подготовки, не давшей никаких положительных результатов. Упорные бои продолжались здесь шесть дней, стоили нам 15 тыс. потерь и ни к чему не привели.

10/23 июля Радко-Дмитриев отказался от удара в Бауском направлении и предложил произвести внезапное нападение в Туккумском направлении. Куропаткин согласился на эту перемену, но пожелал произвести на своем крайнем правом фланге не внезапную атаку, а хорошо подготовленную и в связи на этот раз с десантной операцией у Роена. Для подготовки этой новой совместной с десантом операции потребовалось не менее 10 дней.

В общем операция должна была вылиться в следующую форму [3]). Главный удар производится со стороны Шлока в общем направлении на Туккум—Шмарден дивизией VI Сиб.

---

1) Донесение н. шт. Сев. фр. 3/VII, № 6581. Там же.

2) Его тел-ма Алексееву от 3/VII, № 6570. Там же, д. № 474.

3) Схема № 1а.

корп. и XXI корпусом, разворачивающимся на фронте от моря до болота Тируль. XLIII корпус займет участок от болота Тируль до Митавского шоссе и будет вести демонстративную атаку на выдвинутый участок позиции противника у юго-западной оконечности оз. Бабит. VII Сиб. корпус с 121. п. дивизией занимает южный участок левобережного плацдарма, продолжая на своем левом фланге постоянное сближение с противником. Для отвлечения внимания немцев части XIII корпуса производят переправу через Двину в районе Фридрихштадта. На фронте 5. армии также намечалась переправа около одного корпуса. I. армия ограничивается активными демонстрациями. В резерве у командующего 12 армией оставалась одна дивизия VI Сиб. корпуса и у Куропаткина II. Сиб. корпус у Риги и 115. дивизия у Вендена [1]).

Десантному отряду, направляемому к Роену в составе 31 бат., 12 эск., 72 ор., 142 пул. и 3 р. сапер, указывалось образовать плацдарм у Роена для дальнейшей высадки, разбить подходящего противника и наступать на соединение с правым флангом 12 армии, стремясь выйти действующему против нее неприятелю во фланг и в тыл [2]).

Но задуманная операция проведена в жизнь не была. Куропаткин в день отдачи распоряжений был назначен Туркестанским генерал-губернатором, а развитие событий на Юго-Западнои фронте отвлекло все силы и внимание сначала на этот фронт, а потом и в Румынию.

В первых числах августа к фронту прибыл вновь назначенный главнокомандующий Рузский, которому Алексеев указал, что в ближайший период войны наши главные усилия будут направлены к достижению решительных результатов на Юго-Западном фронте. При этом действия севернее Полесья приобретали значение вспомогательного характера [3]), связанного с оказанием помощи Юго-Западному фронту войсками и материальной частью. Алексеев полагал, что к северу от Полесья нам нужно прочно сохранить свое положение, улучшить его, чем можно, при помощи частных уда-

---

[1]) Куропатк. Алекс. 21/VII № 7033. Там же.
[2]) От 24/VII № 7107. Там же.
[3]) От 8/VIII № 4239. Там же.—Основные директ.

ров, а главное—копить силы и средства, как для содействия южному театру, так и для перехода в наступление, когда создастся благоприятная обстановка [1]).

В виду этого Рузский поставил себе задачей расширение имеющихся на левом берегу Двины плацдармов, в целях создать выгодное исходное положение для полного оттеснения противника от левого берега реки и попутно упрочнения фронта.

От десантной операции 14/27 августа совершенно отказались и на Северном фронте действия замерли до середины зимы.

---

26 июня (9 июля) Ставка директивой № 3426 [2]) указала следующие задачи фронтам: Северному—атаковать противника в Бауском направлении (см. выше); Западному—удерживать находящиеся перед ним силы противника или держа их под угрозой энергичной атаки, или продолжая операцию на Барановичском направлении, и Юго-Западному—овладеть Ковелем и действовать в тыл Пинской группе. Гвардию перевести с Западного фронта в район Рожище—Луцк с целью образовать уступ для совместного маневра—глубокого обхода германских армий на Брест—Кобрин—Пружаны.

Брусилов решил эту задачу выполнить атакой противника 1/14 июля 3., 8. и 11 армиями, направлением сильной конной части на Камень—Каширский для разъединения Пинской и Ковельской групп неприятеля и для действия на их сообщения [3]). Но уже 2/15 июля, в виду подхода гвардии, он приказал всему фронту атаку отложить, за исключением 9 армии, которой атаковать противника ее левым флангом [4]).

Со стороны Эверта директива Ставки вызвала обычные разговоры с Алексеевым. Он находил, что наступление 4 армии может удаться только при внезапности и на короткое расстояние, после чего потребуется новая подготовка и новая трата снарядов. Поэтому он проводил мысль, что на его

---

1) 17/VIII № 4446/1598.

2) Там же, д. № 441.

3) 28/VI № 2170. Там же, д. № 389.

4) № 2220. Там же.

фронте выгоднее только приковать противника угрозой наступления и помочь Юго-Западному фронту уступкой туда 1—2 корпусов. Как и следовало ожидать, эта идея взяла у Эверта верх [1]). В таком духе им и была отдана директива от 30 июня (13 июля) № 15232 с упоминанием, однако, чтобы 4 армия готовилась к нанесению нового удара.

Но способ действий этой армии главнокомандующий совершенно изменил. Она временно должна была на своем фронте исполнять только частные задачи постепенного захвата отдельных участков позиции противника. Каждому корпусу надлежало назначить определенную задачу, в виде овладения наиболее нужным для нас участком позиции противника. По достижении одной задачи, всегда небольшой, давать следующую и т. д. [1]).

Все это привело к ряду мелких разрозненных наступлений по всему фронту, встречаемых и по большей части отбиваемых противником и не приносящих никакой реальной пользы. Все такого рода действия вызвали справедливую критику со стороны Алексеева [2]), который находил, что мелкие демонстрации по всему фронту не обманут немцев. Даже в то время превосходство сил на Северном и Западном фронтах по сравнению с противником у нас было весьма велико (Северный фронт имел 425 тыс. штык. против 170 тыс., а Западный 450 тыс. против 200 тыс.), так как неприятель все свои силы отправил против Юго-Западного фронта. Алексеев рекомендовал вместо таких демонстраций собрать кулак на главном направлении и там атаковать, предварительно хорошо подготовившись. Такими направлениями начальник штаба Верховного Главнокомандующего считал из Рижского района на Вилькомир и с Молодеченского на Вильно, с демонстрацией на Делятичи.

Эверт сильно восставал против Виленского направления и упорно отстаивал Барановичское, откуда можно было действовать в связи с 3 армией. Эту настойчивость можно объяснить тем, что ему было известно предположение Алексеева о передаче обратно Западному фронту 3 армии и гвардии после победы под Ковелем, когда Юго-Западный

[1]) 8/VIII № 15447. Там же, д. № 476.
[2]) 25/VII № 3967. Там же д. № 445.

фронт в своем дальнейшем движении естественно должен будет уклониться на юг[1]).

Последние письменные наступательные попытки Эверта в июле выразились в его директиве от 14/27 числа № 15621 [2]), согласно которой 2. армия [3]), уменьшенная на 2 корпуса, переданных с их участками Северному фронту, должна была деятельно готовиться к переходу в наступление на фронт Молчад — Слоним — Ружаны и 4 армия на фронт Делятичи — Новогрудок — Молчад. Но в это время из состава фронта были взяты еще две дивизии (61 и 6) и Эверт 16/29 июля [4]) совершенно отказался от наступательных предприятий, разрешив командующим армиями сократить размер активных действий. Однако вслед за тем 19 июля (1 августа) Кондратовичу (112. п. и Сиб. каз. д.) была поставлена задача оттеснить противника за Огинский канал, но фактически и эта небольшая задача окончилась одной разведкой.

Продвижение русских войск к Стоходу и занятие 11. армией Броды заставило противника принять ряд новых мер к удержанию нашего наступления.

Верховное командование Гинденбурга распространилось на юг до Броды включительно. В Польше спешно формировались три смешанные австро-германские дивизии, которые при первой возможности по мере готовности направлялись к Ковелю, но положение по-прежнему продолжало оставаться, по словам Людендорфа, серьезным [5]).

В первых числах июля стар. стиля гвардия, включенная из резерва Верховного Главнокомандующего в состав Юго-Западного фронта, приближалась к Луцку. Она, вместе с приданными к ней I и XXX арм. и V кав. корпусами, должна была составить особую армию под начальством командира гвардии Безобразова. Вслед за гвардией предназначены были для усиления Юго-Западного фронта из состава Западного фронта корпуса III. арм. и IV Сиб. После сбора всех этих внушительных сил, направленных исключительно

---

[1]) Там же.

[2]) Там же.

[3]) В виду произведенной перегруппировки штаб 2 армии принял участок южнее 4-й.

[4]) № 15664. Там же.

[5]) Ludendorff. Там же стр. 178 и 179.

на Ковельское направление, Юго-Западный фронт должен был перейти в новое решительное наступление.

Успех фронта на его левом фланге, медленное продвижение в центре и сильное сопротивление противника в Ковельском направлении, сделавшемся ключем всей операции, естественно привлекало к нему внимание и Ставки и фронта.

Лобовые разрозненные атаки болотистой долины Стохода, особенно в той ее части, где она пересекалась Луцко-Ковельской ж. д. и где, благодаря обилию болот, образовывался ряд удобных для обороны и пагубных для атаки дефиле, не нравились Алексееву. Он искал возможности действием во фланг сильной оборонительной линии немцев облегчить фронтальное наступление. По его мнению, это возможно было сделать, прорвавшись на низовьях Стохода в направлении на Камень-Каширский, откуда пустить массу конницы в тыл противнику.

Алексеев с этой целью предполагал включить IV Сиб. корпус в состав 3 армии и, сосредоточив его на нижнем Стоходе, форсировать им переправы в районе Угриничи—Любашево. Отсюда повести энергичное наступление вместе с 3—4 конными дивизиями на Камень-Каширский. В то же время III и одна дивизия XXXI корпусов, сосредоточенные в районе Морочна—Невель, обеспечивали бы операции IV Сиб. корпуса с севера и действовали в тыл Пинского района. Весьма вероятно, что железнодорожные средства не дали бы возможности быстро перебросить IV Сиб. корпус. В таком случае он мог бы обеспечивать эту операцию с севера, форсируя Ясельду; самое же наступление на Камень-Каширский мог бы вести III корпус. Если бы Эверт согласился на предложенную операцию, то Пинский район был бы возвращен в состав Западного фронта.

Идея Алексеева проведена в жизнь не была и новый период Ковельских боев имеет в своем основании следующую директиву Брусилова от 6 (19) июля [1]:

В особо указанный день войскам фронта перейти в общее наступление: 3. армии (XXXI., XLVI., III. арм. I. Турк. и IV. кон. корпусам и 4 Финл. стр. дивизии) атаковать Ковель с востока и севера, и кроме того, овладеть

[1]) № 2281. Там же, д. № 389.

переправами на Стоходе от устья до Любашево и развить удар в тыл Пинской группе противника. Через 2 дня в состав 3. армии был включен IV. Сиб. корпус, имеющий целью действовать против Пинской неприятельской группы с севера при нанесении ею главного удара с юга от Невеля и Любашева III. кор. и 83. пех. див. Армии Безобразова (I. и II. гв., I. и XXX. арм. и V. кон. корпуса) атаковать Ковель с юга. 8. армии овладеть Владимир-Волынским. 11. армии наступать на Броды—Львов. 7. и 9. армиям оставлены прежние задачи. Начало общей атаки было назначено на рассвете 15/28 июля.

В этот день начались столкновения по всем фронту.

В Пинском районе Леш (командарм 3.) повел равномерную атаку и на севере от Пинска IV. Сиб. корпусом с Огинского канала и на юге от него, направив три корпуса на Припять, т.-е. равномерно действуя, по всему фронту. III. корпусу удалось захватить переправы через Припять, но IV. Сиб. корпус, понеся 4 тыс. потерь, продвинуться не мог. На Стоходе равномерное наступление корпусов от устья и до Киселина не дало никаких реальных результатов. Кое-где удалось захватить отдельные пункты на левом берегу Стохода, кое-где наши части были оттеснены обратно на правый берег, а в некоторых местах (правый фланг I. арм. корпуса) немцы перешли сами в атаку и потеснили наши войска. Только XXX. корпусу, действовавшему к югу от Кашовки, удалось прорвать противника и дойти 18 (31) до Рудки-Миринской. Но две его дивизии, пройдя в глубину расположения противника около 10 в., выдохлись и приостановились, несмотря на все подстегивания Брусилова[1]). Гвардия, действовавшая к югу от железной дороги, в местности, особо обильной болотами и дефиле, с трудом пробивалась вперед, тесня немцев на левый берег реки. Здесь, к северу от Киселина, она наткнулась на такую сеть болот дефиле и отлично комбинированной системы укреплений с перекрестной и фланговой обороной, что продвинуться дальше не могла.

Первые два дня наступление шло с полной энергией, на третий день с меньшим порывом, а на четвертый при-

---

1) Тел. Брусилова 18/VII № 2451. Там же д. № 389.

казано его прекратить для перегруппировки и составления нового плана атаки. В результате большие потери, упадок духа в войсках и излишние лавры немцам.

Алексеев в своей телеграмме Клембовскому дал такую оценку происшедших боев[1]). Усиление противника и его укрепления на случайно занятых позициях не дают возможности развивать операцию одновременно всеми армиями на широком фронте, а требуют сосредоточения превосходных сил на некоторых избранных важнейших направлениях. Юго-Западный фронт имеет превосходство сил на 200 тыс. штыков, дающее возможность комбинировать удары, производить прорывы и применять вслед за ними работу во фланг и в тыл прорыва, избегая дорого стоящих лобовых ударов (Леш, Безобразов).

Людендорф характеризует с своей стороны эти бои такими словами[2]):

„28 (15) июля началась большая русская атака вдоль Стохода и продолжалась с неслыханной силой до вечера 1 августа. У русских был большой перевес в силах и они, не обращая внимания на потери, бросали в атаку все новые войска. Во многих пунктах были критические минуты. Немецкие ландштурмисты должны были выбивать врага, ворвавшегося в австро-венгерские окопы. Даже германские войска потеряли некоторые участки тонкой линии своих укреплений.

У русских было много людей, но они тратили их слишком беспечно. С такой тактикой они не добились никакого успеха против наших тонких линий[3])“.

Но тем не менее эти атаки вынудили немцев израсходовать их последний кавалерийский резерв под Ковелем[4]).

На фронте 11. армии нам удалось за эти дни занять Броды. 7. армия едва продвигалась вперед, а 9. армия завладела с боя следующей линией неприятельского расположения. Если бы, —писал по этому поводу Алексеев к Клембовскому[5]),—7. армия выделила 9-ой один корпус, то победа

---

[1]) 20/VII № 3879. Там же основн. директ.

[2]) Ludendorff. „Meine Kriegserinnerungen“ стр. 180 и 181.

[3]) Пер. с немецкого.

[4]) Там же стр. 183, 184.

[5]) Там же.

этой последней получила бы широкое развитие и решающее значение. Современная обстановка не позволяет рассматривать частные армии, как независимые организмы, действующие вполне самостоятельно.

Кровавое бесцветное побоище на Стоходе заставило командование Юго-Западным фронтом внимательно прислушиваться к мнению Алексеева. Еще 18 (31) июля Брусилов писал ему [1]), что он предполагает IV. Сиб. корпус перевести в район Стобыхова, где уже достигнут некоторый успех, и отсюда наносить удар на Камень-Каширский. Энергичный удар в этом направлении несомненно облегчал и ускорял овладение Ковелем. А 21 июля (3 августа) Брусилов писал [2]) узнав о посылке ему нового подкрепления в виде I. Сиб. корпуса, что наступление на Ковель поведет концентрически с востока, севернее железной дороги Ковель—Сарны (т.-е. на Камень-Каширский) и с юго-востока на Мельницу. С прибытием I. Сибирского корпуса Брусилов считал силы свои для этого достаточными.

И действительно уже 19 июля (1 августа) он отдал распоряжение [3]) о переброске IV. Сиб. корп. к себе в резерв в район Клевань—Киверцы, о выдвижении подходившего I. Сиб. корп. в район Б. Обзир, где этот корпус, совместно с находившимися там Сводным и XLVI., составляли ударную группу на узком пространстве для атаки в направлении на Мельницу. Сводный и XLVI. корпуса временно должны были перейти к обороне, упорно удерживая занимаемые ими позиции.

25 июля (7 августа) Юго-Западный фронт вновь должен был перейти в наступление [4]). 3. армия, не прекращая активных действий в Пинском районе, должна была собрать не менее пяти дивизий на фронте Стобыхва—Смоляры (8 верст) и наступать на линию Скулин—Волошка. Армии Безобразова собрать после необходимой перегруппировки три корпуса (6 дивизий) для атаки фронта Рудка-Миринская—Б. Порск (14 верст) и для дальнейшего наступления на

---

[1]) № 2462. Там же.
[2]) № 2523. Там же.
[3]) № 2474. Там же д. № 389.
[4]) Директ. Брусилова № 2536. Там же.

линию Волошка—Гончий Брод. 8. и 11. армиям продолжать выполнение ранее поставленных задач. 7. армии наступать левым флангом для содействия 9., которой атаковать Нижниев—Тлумач, сосредоточив для этого не менее шести дивизий. Командующему 3. армией бросить при первой возможности не менее трех конных дивизий в направлении на Камень-Каширский для разгрома тыла Ковельской группы противника. Начало общего наступления—рассвет 25 июля (7 августа). Атаки вести самым энергичным образом, всем равняться по передним.

На этот раз в предположениях для атаки Ковельского направления заметны зачатки руководства фронта и некоторой группировки войск. Правда, что для наступления на 20-верстный участок в жизненном для Ковеля направлении было предназначено только 11 дивизий, сосредоточенных в двух группах. При этом мы знали уже по опыту силу укреплений немецких позиций под Ковелем. Соотношение сил по всему Юго-Западному фронту по приведенной директиве Брусилова выражалось следующими цифрами: ударная группа 3. армии имела 86 бат. против 16 на фронте 8 в. Безобразов—96 бат. против 28 на фронте 14 в. и 9. армия—96 против 21 на фронте в 12 в.[1])

Между тем до начала назначенной атаки пришлось сделать в намеченных предположениях некоторые изменения.

На крайний левый фланг 9. армии, а именно III. конный корпус, который действовал в Карпатах в районе Селетина, было обнаружено сильное давление австрийцев со стороны Шибени. Лечицкий рассчитывал этот нажим ликвидировать собственными силами, но считал по многим признакам, что стоявшая против него 12. австрийская армия окончательно сформирована и готова к наступлению. При таких условиях Лечицкий не признавал возможным выполнять сразу две задачи—наступать к Станиславову и охранять Буковину. На помощь ему был направлен XVIII. арм. корпус (37 и 43 дивизии).

В это же время на нашем военно-политическом горизонте появился новый фактор. Румыния заключила с нами военную конвенцию и 14 (27) августа должна была открыто

---

[1]) 22/VII № 2537. Там же основ. директ.

выступить против центральных держав. Приходилось принимать меры для помощи новому союзнику. Поэтому Алексеев приказал усилить войска, действовавшие на фронте Делятынь—Кимполунг, за счет 7. и 9. армий [1]). Брусилов ответил на это разрешением Лечицкому отменить, если он желает, атаку на Нижниев—Тлумач, имея основной задачей прочное удержание на его левом фланге [2]).

23 июля (5 августа) началось наступление левофланговых армий фронта и с другой стороны контр-атаки немцев на Стоходе, в районе Стобыхва. Впрочем эти контр-атаки существенного значения не имели, так как ограничились только некоторым потеснением назад наших отдельных частей.

Наступление же 7. и в особенности 9. армий было успешно. Мы переправились через Днестр южнее Нижниева а Лечицкий завладел г. Тлумач, захватив много пленных. Но зато на его крайнем левом фланге положение осложнялось. Действовавшие здесь XI. арм. и III. кон. корпуса были потеснены противником, занявшим Шибени, Хренов и Яблоница.

При дальнейшем наступлении 11., 7. и 9. армии выдвинулись на линию западнее Броды—Подгайце—Станиславов—Делятынь. При переменном успехе в боях на Карпатах в районе Шибени—Селетин и перед фронтом 9. армии отход противника принял беспорядочный характер.

Взятие армией Лечицкого Тлумача и Коломыя произвело сильное впечатление на немцев, так как наши войска вышли здесь на фланг их южной армии. Появление же вместе с этим русских войск в Карпатах и угроза Венгерской долине еще более ухудшали их положение и выдвинули необходимость направить туда германские подкрепления. К Тлумачу были направлены одна дивизия из Македонии и части южной армии, на Карпаты же, к Якобени, сборная дивизия с французского фронта. Но этих подкреплений оказалось недостаточно и требовалась новая помощь.

Еще в июле начала образовываться новая 12. австрийская армия, которую решено было сосредоточить на Днестре выше Галича. Для противодействия удачному наступлению

---

1) 23/VII № 3928. Там же.

2) 24/VII № 2569. Там же.

армии Лечицкого на Станиславов и в Карпатах немецкое командование решило объединить три южные австрийские армии в руках австрийского наследника престола эрцгерцога Карла, придав ему немецкого начальника штаба и, на подобие того, как было под Ковелем, перейти в контр-удар примерно против наших 7. и 9. армий. Однако успешное продвижение русских в Карпатах заставило отказаться от этого предположения и постепенно перетягивать войска на Карпаты и вообще разбрасывать по частям на угрожаемые направления.

Немцы предвидели выступление румын не на их стороне и готовились к этому в смысле разработки путей, усовершенствования провозоспособности железных дорог и проч. Они предполагали атаковать румын севернее гор после того, как наступление этих последних потерпит неудачу [1]).

Тем временем, в виду ненастной погоды и неготовности гвардии, наступление правофланговых армий фронта было отложено на 26 июля (8 августа).

Напомним, что 3. армия должна была наносить главный удар с фронта Стобыхва—Смоляры пятью дивизиями, имея впоследствии выкинуть конную массу на Камень-Каширский. Между ударными группами 3. армии и Безобразова действовал I. Туркестанский корпус.

Безобразов для выполнения возложенной на него задачи сгруппировал свои войска таким образом: он решил сдерживать неприятеля на пассивном участке Стохода на фронте Линевка—Майдан и решительно атаковать на обоих флангах армии. Для этого на его правом фланге XXX. арм., I. гв. и I. арм. корпуса должны были выйти на фронт Волошка—Гончий Брод, а на левом фланге II. гв. корпус должен был овладеть районом Озеряны [2]). План атаки ударной группы Безобразова был очень сложный—захождение правым плечом вперед. Наступление же левого фланга в направлении на Озеряны с самого начала выводило атакующие части на полосу сильно укрепленных дефиле. Атаке гвардии должен был содействовать и правый фланг 8. армии

---

[1]) Erich v. Falkenhayn: „Die Oberste Heeresleitung“ und Ludendorff „Meine Kriegserinnerungen“.

[2]) Директива Безобразова 23/VII № 2029. Там же д. № 337.

которому была поставлена определенная задача: завладеть Киселином.

Наступление началось с ночи на 27 июля (9 августа) по всему указанному фронту и кончилось полной неудачей. Оно вызвало перекидку сюда из Митавы еще одной немецкой ландверной дивизии [1]).

Сам Безобразов так объясняет причины своей неудачи [2]). Все пространство от Ковеля до Стохода, что подтверждалось и пленными, представляло собою ряд подготовленных узлов сопротивления на очень удобной для обороны местности, связанных между собою заблаговременно укрепленными линиями. Соотношение сил и средств также было не в пользу атакующего. Армия Безобразова к началу последних боев потеряла 40 тыс. человек и не была укомплектована. В отношении тяжелой артиллерии и аэропланов преимущество также было на стороне обороняющегося.

В виду всего этого 28 июля (10 августа) Брусилов приказал правофланговым армиям фронта перейти к активной обороне. Для него, по словам его начальника штаба, ясно определилась неудача плана концентрического наступления на Ковель в двух направлениях.

Этим собственно закончилась операция Брусиловского прорыва, если рассматривать ее в одном общем целом, как прорыв, так и использование его.

Разбор операций и выводы из них не входят в программу настоящего труда, но невольно останавливаешься на вопросе: что же победило, новая ли стратегия Юго-Западного фронта, на которую в заключительных строках своего труда указывает начальник штаба этого фронта Клембовский [3]), или старая истина большого кулака на действительно важном направлении, совместно с искусственно намеченными и энергично выполненными демонстрациями?

---

[1]) Людендорф стр. 185.

[2]) 27/VII № 2643. Воен. Учен. Арх. Д. Ст. № 337.

[3]) Стр. 109.

ГЛАВА II.

Влияние выступления Румынии на стратегическое положение. Группировка сторон к 1 (14) августа. Предположенная операция на Северном фронте. Предположение атаки Ковеля Западным фронтом. Августовское наступление Юго-Западного фронта. Новая атака на Ковельском направлении. Действия 9. армии в Карпатах в августе 1916 года.

Август месяц внес изменения по отношению Ковельской операции не по идее, а только, как увидим ниже, по форме. Операция эта была для выполнения передана с Юго-Западного фронта на Западный. Но месяц этот по другой причине явился весьма чреватым для следующего периода войны 1916 года.

Он ознаменовался вступлением в ряды борющихся держав Румынии и именно выступлением ее на нашей стороне. Была заключена русско-румынская военная конвенция, согласно которой Россия должна была двинуть в Добруджу 50 тысячный отряд, поступавший под начальство румынского командования. Срок выступления нашей новой союзницы определялся 14 (27) августа.

Союз с Румынией представлял для нашей коалиции большие выгоды при условии использования его в активных целях. Он давал возможность при совместных действиях от Салоник и из Добруджи вывести из строя враждебной коалиции первоначально Болгарию, а затем и Турцию, открывал нам фланг укрепленной линии немцев и выводил ближайшим путем к Вене.

Для использования этого союза в указанном смысле необходимо было надлежащим образом оценить обстановку и потребные средства, а также взвесить реальную силу румынской армии. Предполагаемая операция требовала больших

сил и притом сил исключительно русских, так как этот поход имел значение не только военное, но и политическое. Румынам в нем отводилась самой политической ситуацией роль вполне определенная, но второстепенная,—борьбы в Трансильвании, куда влекли ее национальные интересы.

Если же было решено румынский союз не использовать в таких широких рамках, то он приносил только вред, так как независимо от качеств румынской армии, невольно вовлекал нас в необходимость оказывать румынам сильную помощь.

Выгодное положение Румынии на фланге заставляло догадываться, отбрасывая даже в сторону условия политические и династические, что немцы всей силой своего кулака обрушатся на это маленькое государство, чтобы закрыть для нас всякую возможность политического влияния на Балканах и открыть для себя выход на фланг нашей сплошной оборонительной линии.

Мы отказались от первого, выгодного для нас плана и приняли второй, невыгодный. Кроме того, мы вступили в союз, имея превратное понятие о реальной силе румынской армии. Мы вместо 50 тысяч бойцов отправили в Добруджу едва 30 тысяч (61. пех., Сербск. добр. и 3. кав. дивизии). Мы не исправили стратегического развертывания румынской армии, построенного на предвзятом, неправильном решении, что болгары не объявят войны Румынии. Мы сами отказались от всех выгод румынского выступления и взвалили себе на плечи всю тягость его невыгод.

Вся вторая половина кампании 1916 года прошла под знаком отправления русских сил и средств на юг, на помощь румынам и уже не с целью захвата инициативы в свои руки, а в целях спасения румын и защиты собственной южной границы.

Старая истина всего вреда столь ненавидимых Наполеоном мелких пакетов с очевидностью выказала себя в поведении нашей Ставки в вопросе о выступлении Румынии. Мы пожалели сразу отправить туда необходимое количество войск и принуждены были последовательно отправить их на юг во много раз больше. Но мы уже не смогли использовать к нашей выгоде те широкие политические и военные перспективы, которые могли осуществиться при выступле-

нии Румынии и которые должны были в большой степени изменить стратегическое положение сторон.

Обратимся теперь к текущим событиям августа месяца.

Когда Брусилов разочаровался в успехе концентрического наступления на Ковель, а Клембовский представлял новые мотивированные планы завладения этой второй Плевной, Алексеев начал приводить в исполнение свой план.

Усилия двух армий, атаковавших неприятеля на Стоходе, на путях к Ковелю, не увенчались успехом, писал он в директиве от 29 июля (11 августа) [1]. Наступление 9, 7 и левого фланга 11 армий ведется успешно. Армии 3 и Безобразова с 30 июля (12 августа) передаются Западному фронту, которому, пользуясь значительным превосходством своих сил севернее Полесья, усилить две левофланговые армии и решительно атаковать неприятеля, прикрывающего Ковель. Главный удар наносить, по возможности, в направлении Камень Каширский. Севернее Полесья Западному фронту сохранить силы, необходимые для обеспечения устойчивого положения и здесь ограничиться только демонстрациями.

Юго-Западному фронту указывалось развить успех левофланговых армий и, по возможности, разъединить австро-германские войска, действующие на фронте Броды—Кимполунг, от главной массы, сосредоточенной на Ковельском и Владимиро-Волынском направлениях.

Передача ковельского сектора в руки Западного фронта вполне вызывалась обстановкой. Юго-Западный фронт имел естественное тяготение на Львов, а теперь завязывался новый узел и на Карпатах. Действия у Ковеля его невольно тянули в разные стороны. Но в Алексеевской директиве можно заметить проскальзывающие и другие психологические причины такой передачи. Ответственность операции ложилась на Эверта, поэтому его легче было вывести из пассивного состояния и заставить для решения задачи употребить все богатые средства Западного фронта.

Далее, в этой директиве Алексеев проявляет уже необходимый властный тон. Он указывает направление опе-

---

[1]) № 4042/1410. Там же д. № 444.

рации, а, главное, решительно подчеркивает необходимость сосредоточения для нее возможно больших сил.

К 1 (14) августа распределение русских вооруженных сил по всем фронтам, считая по числу дивизий, как наиболее определенных единиц, было таково:[1])

Северный фронт 39. пех. и 12 кав. див. (12 арм. 16 п. и 4½ к., 5 арм. 11 пех. и 5 к., 1 арм. 8 п. и 1 к., 6 арм. 2 п. и 1½ к. и в распоряжение флота 2 п. див.).

Западный фронт 59½ пех. и 15 кав. див. (10 арм. 17 п. и 1 к., 4 арм. 10½ п. и 1 к., 2 арм. 11 п. и 4 к., 3 арм. 13 п. и 6 к. и у Безобразова 8 п. и 3 к. д.).

Юго-Западный фронт 43½ пех. и 13 кав. див. (8 арм. 8 п. и 3 к., 11 арм. 12½ п. и 2 к., 7 арм. 10 п. и 2 к. и 9 арм. 11 п. и 5 к. д.).

Кроме того на Кавказе 12½ пех. и 8 кав. див. и для Добруджи 2 пех. и 1 кав. див.

Распределение сил в общем равномерное, так как превосходство таковых на Западном фронте является следствием и соответственно большего протяжения этого фронта.

Сравнивая нашу группировку с группировкой нашего врага, приходится отметить его преимущество с этой точки зрения.

К северу от Полесья неприятель имел 371 тысячу и к югу 481 тысячу, т.-е. перевес слишком в сто тысяч; мы имели к северу от Полесья 852 тысячи и к югу 863 тысячи, т.-е. полное равенство.

На Северном фронте в это время еще не отказались от нанесения удара в Туккумском направлении совместно с дессантной операцией у Роена. 12. армия должна была, при содействии артиллерии флота, нанести решительный удар противнику с правого фланга Рижского плацдарма на участке между Рижским заливом и Тирульским болотом в общем направлении на Туккум. Ближайшею целью ей ставилось прорвать неприятельское расположение и в дальнейшем овладеть Туккумом. 5. армии прорвать расположение противника на участке севернее Поневежской железной дороги и в дальнейшем расширять ударами противнику во фланг плацдарм к северу от Двинска, принуждая его этим

[1]) Схема № 2 а и б.

к очищению левого берега Двины. Главная задача 1. армии сводилась к прикрытию Полоцкого направления. Дессанту быть готовым 14 (27) августа, т.-е. в день начала операции, к отплытию; он по высадке должен был содействовать самым решительным наступлением в направлении на Туккум правому флангу 12. армии [1]).

Но уже 12 (25) числа Алексеев высказал Рузскому что тяготение всех интересов, а, следовательно, и сосредоточение всех сил направлено на юг. Поэтому ему указывалось намеченную операцию отменить, но сохранить в армиях убеждение, что она только отложена. Предполагалось продолжением энергичной подготовки отвлечь к Туккуму неприятельские резервы [2]).

Эверт распоряжение о предстоящей операции отдал директивой 3 (16) августа [3]).

3. армии [4]) (XXXI., III., XLVI., Свод., XXXIV., XXVI. и XXV. арм. корп., IV. кав. корп. и кон. отр. Володченко) указывалось возобновить решительное наступление с целью отбросить противника за Турию, нанося главный удар не менее, как тремя корпусами в направлении на Камень-Каширский—Запрудье. Кроме того, армия должна овладеть переправами на р. Припяти с целью выйти частью своих сил в тыл Пинской группы противника. Армии Безобразова (I. Турк., XXX., I. и 2. гвард., I. арм. и гв. кав. корпуса) продолжать одновременно с 3. армией наступление в общем направлении на Ковель с целью овладеть последним и отбросить противника за Турию. Время начала наступления будет указано дополнительно. Остальным армиям фронта давались задачи демонстративного характера, причем 2. армии указывалось на возможность, в случае успеха операции, действовать совместно с 3-ей.

В развитие этой директивы командующий 3. армией Леш только 17 (30) августа указал войскам армии весьма сложную перегруппировку корпусных участков, а также ди-

---

[1]) Директ. II/VIII № 7444/Б. Там же д. № 474.

[2]) № 4325. Там же № 444.

[3]) № 394. Там же д. № 476.

[4]) Схема № 3.

визий в корпусах, следствием которой было следующее расположение его армии к 19 августа (1 сентября): [1]) XXXI. корпус попрежнему занимал обширный пассивный участок от разграничительной линии с 2. армией по Огинскому каналу, Ясельде, Припяти и Стоходу от Озаричи на севере до Бережная Воля на юге. От этой последней до д. Тоболы включительно был расположен III. корпус, занимая правый берег Стохода и Червищенский плацдарм на левом берегу реки. Южнее, от д. Тоболы до д. Рудка-Червище (и южнее этого пункта) на коротком сравнительно участке XXXIV. корпус на левом берегу реки. Далее к югу до устья р. Череваха XXVI. корпус, имея свой правый фланг на левом берегу реки, и на левом фланге армии на пассивном участке XLVI. корпус.

Только в ночь на 19 августа (1 сентября) Леш отдал директиву, указывающую план его атаки [2]).

Противник, писал он, держится перед фронтом армии пассивно. Наиболее значительные силы его сосредоточены перед Червищенским плацдармом и непосредственно к югу от него. Задача армии-отбросить противника за р. Турию, нанося главный удар на Камень-Каширский—д. Запрудье. XXXI. и XLVI. корпусам активно оборонять занятые ими участки и мешать усилению неприятеля против участков нашей главной атаки. XLVI. корп. быть, кроме того, готовым перебросить часть сил на левый берег Стохода с целью овладеть высотами севернее Бол. Обзира. III. корпусу активно оборонять участок от Бережная-Воля до ст. Червище; сильную ударную группу собрать на левом берегу Стохода у д. Тоболы и решительно атаковать противника в общем направлении на д. Селдище. XXXIV. корпусу решительно атаковать противника в общем направлении на д. Полицы. XXVI. корпусу, упорно обороняясь на всем фронте, форсировать реку у Боровно 4. Финл. стр. дивизией, имея дальнейшей целью занятие д. Ятно. Резерву (XXV. арм. корп., I. Сиб. п. див., IV. кон. корп., 16 кав. див. и конный отряд Володченко) оставаться в местах прежнего расположения, т.-е. за XXVI. и отчасти XLVI. корпусами.

---

[1]) Схема № 3.
[2]) № 4183. Там же д. 328.

Останавливаясь на этом распределении Лешем его войск для атаки, следует отметить следующее:

Для наступательных действий из 6 корпусов армии (считая и не ушедший еще с фронта I. Сиб. корп.) назначались только XXXIV. и части III., XXVI. и XLVI корпусов, всего не более двух корпусов. Оборонительная сила линий Стохода, Припяти и Ясельды и обилие у Леша кавалерии давали возможность сменить на время удара пехоту на пассивных участках частью конницы и тем увеличить силу ударной группы.

Фактически главный удар наносил только XXXIV. корпус на участке до 4 верст, так как левый фланг III корпуса развивал свой удар в северном направлении для расширения плацдарма, а удары частей XXVI. и XLVI. корпусов имели скорее демонстративный характер, так как трудно было рассчитывать на успех форсирования реки, прикрытой сильно укрепленной позицией, незначительными сравнительно частями этих двух корпусов.

Поверенное по приказанию Эверта состояние подготовки 3. армии к началу атаки, в отношении распределения артиллерии, ознакомления ее с целями, а войск и начальников со своими участками, было в таком хаотическом и зачаточном положении, что Эверт не признал возможным начать атаку раньше 23—24 августа (5—6 сентября) [1].

В армии Безобразова I. Туркестанский корпус был расположен от разграничительной линии с 3. армией (жел. дор. Ковель—Сарны) по правому и отчасти по левому берегу Стохода примерно до Рудка-Миринской (не доходя и к востоку от нее); южнее был расположен XXX. корпус до Велицка; далее I. гвард. западнее д. Кухары и II. гвард. до Порской-Вульки. На правом берегу Стохода были расположены 24. дивизия I. арм. корпуса по обе стороны жел. дор. Ковель—Луцк и 2. гв. кав. див. до стыка с 8 армией. 22. дивизия I. арм. корпуса и вся остальная кавалерия составляли резерв Безобразова.

I. Турк. корпусу было приказано [2]) связывать наступление левого фланга 3. армии и правого XXX. корпуса,

---

1) 20/VIII № 849. Там же д. № 476.

2) Схема № 4.

имея ближайшей целью утвердиться на левом берегу Стохода. XXX. корпусу содействовать атаке гвардейских корпусов, наступая на всем своем фронте и нанося удар на левом фланге для овладения южной опушкой леса, что южнее Рудки-Миринской. I. гвард. овладеть Кухарским лесом и далее развивать удар в направлении на Жмудча. II. гвард. корпусу и 24. див. овладеть д. Бол. Порск и районом д. Мал. Порск, наступая одновременно на фронт Свидники—Ст. Моссор. 2. Гв. кав. див. задача оборонительная и поддержание связи с 8. армией. 22. пех. див. в резерве у Переспы и кавалерия в районе кол. Николаевка.

В армии Безобразова главный удар наносился, таким образом, XXX. арм., I. и II. гв. корпусами. При этом главная задача возлагалась собственно на I. гвар. корпус, который захватом Кухарского леса и выходом к д. Жмудча прорывал фронт при содействии обходящего здесь противника с фланга XXX. корпуса и наступления II. гвар. корпуса в районе д. д. Порск. Действия остальных корпусов сводились к демонстрациям [1]).

15 (28) августа Безобразов сдал армию, которая была переименована в особую армию и вручена Гурко.

Но все приведеные распоряжения в жизнь проведены не были, так как атака Эвертом и на этот раз не состоялась.

Уже с 11 (24) августа Эверт требовал отложить операцию с 15 (28) до 23—24 числа (5—6 сент.), в виду медленности сосредоточения и необходимости влить в войска пополнения [2]). Но такое откладывание не входило в планы Алексеева, так как одновременно с наступлением Эверта должен был наступать и Брусилов, который не считал возможным откладывать своего наступления дольше 16 (29) числа, но в действительности отложил из-за неготовности 7. армии до 18 (31) августа.

Удивлял Алексеева и способ подготовки Лешем атаки. Он заблаговременно начал работы для образования плацдарма Тоболы—Ст. Червище, привлекая к этому пункту нашего главного удара внимание противника и открывая ему наше намерение наступать на Камень-Каширский. „Благо-

---

[1]) Директ. 16/VIII № 2630. Там же д. № 337.

[2]) № 589. Там же д. № 444.

даря этому, пишет Алексеев [1]), основная мысль операции утратилась. Остается, пользуясь невольным перерывом, изучить условия наступления на Камень-Каширский в связи с развитием операции 8. армии".

Дотянувши с откладыванием атаки до 20 августа (2 сентября), не оказавши никакого содействия Юго-Западному фронту в его начавшемся наступлении, Эверт в этот день пришел к заключению о невозможности атаковать. Причинами, приведшими к такому выводу, были невыгодные условия местности в районе Особой армии и сильно развитая там сеть укреплений противника, неудачное и несвоевременное устройство Лешем плацдарма у Тоболы и невозможность переправиться на других участках реки. Поэтому от прорыва он предполагал перейти к постепенному вытеснению противника за Турию с целью заставить его притянуть к Ковелю возможно большие силы [2]).

Но вместе с этим Эверт предложил Алексееву, в виду слухов об ослаблении противника на фронте 10. армии и на участке Сморгонь—Крево, нанести в районе 10. армии удар тремя корпусами. Алексеев к этому предложению присоединился [3]) и 22 августа (4 сентября) операция на Ковель была, в виду дождливой погоды, отменена.

В начале августа Брусилов, освобожденный от Ковельского направления, приказал в ожидании предназначенного им в половине августа наступления закрепиться на занимаемых позициях, пополнить убыль и произвести необходимые перегруппировки, собрав сильные ударные группы на главных наступательных направлениях. 9. армии надлежало за это время упрочить положение на своем крайнем левом фланге.

При общем наступлении надлежало 8. армии нанести удар ее левым флангом на фронт Порицк—Милятин [4]), поддерживая тесную связь с левым флангом армии Безобразова. 11. армии наступать в зависимости от обстановки цент-

---

[1]) 12/VIII, № 4333. Там же.

[2]) Эверт—Алексееву 26 VIII, № 865. Там же.

[3]) Тел-мы от 21/VIII Эверта № 884 и Алексеева № 4533. Там же.

[4]) Схема № 2а.

ром или левым флангом, равняясь правым флангом с 8. армией. 7. армии содействовать наступлением ее левого фланга выдвижению 9. армии.

Этой последней наступать правым флангом на Галич, которым и овладеть, а левый фланг продвигать, по возможности, на Мармарош-Сигет [1]).

В то время Брусилов, ссылаясь на полученные сведения о направлении больших австро-германских сил на юг, просил о присылке новых войск для образования у него стратегического резерва [2]).

Когда выяснилось, что Эверт откладывает наступление до двадцатых чисел августа, то у Алексеева естественно появилось опасение за правый фланг 8. армии. Получив отказ Брусилова отложить свою операцию, он предложил ему организовать свое наступление так, чтобы по возможности сгладилась разница в наступлении 8. армии и Эверта. Для этого Брусилов мог в назначенный день начать наступление 9. армией, дня через 2—3 после этого 11. и после того 8. Неприятель из такой последовательности атак не успел бы извлечь выгоды, а между тем установилось бы большее единство операций [3]). Брусилов по соображениям моральным и оперативным отказался от этого, и 18 (31) августа Юго-Западный фронт начал наступательную операцию один.

Свою первую директиву Брусилов через два дня изменил [4]). Сделав соответствующую перегруппировку, уменьшив 9. армию на два корпуса и усилив ими 7. армию, он возложил на эту последнюю атаку Галича. 9. же армия должна была обеспечить левый фланг 7., упрочить положение на своем левом фланге и перейти одновременно со всем фронтом в наступление на Мармарош-Сигет. При этом Лечицкому указывалось так перегруппироваться, чтобы наступление левым флангом вести возможно большими силами. Предполагалось заставить этим отойти без боя неприятеля, находящегося перед центром 9. армии.

8. армия после всех перегруппировок состояла из пяти пехотных и одного кавалерийского корпусов (XXXIX, XL.,

---

[1]) Директива Брусилова 12/VIII, № 2720. Там же д. № 390. Схема № 1

[2]) 9/VIII, № 19466. Там же д. № 444.

[3]) 12/VIII, № 4334. Там же.

[4]) 6/VIII, № 2744.

IV. Сиб., VIII. и V. арм. и V. кав. корпуса), занимая фронт примерно от Витонежа [1]), где она соприкасалась с 2. гв. кав. див. Особой армии, через Киселин на Берестечко, где был стык с 11. армией. Пехотные корпуса были расположены по фронту в порядке вышеприведенного их перечня, от правого фланга к левому.

Каледин решил атаковать противника тремя центральными корпусами, XL., IV. Сиб. и VIII.; фланговые же, XXXIX. и V., должны были временно занимать выжидательное положение, обеспечивая операцию армии прочным удерживанием своих позиций и приковывая внимание противника к своему фронту демонстрациями.

Общее направление удара трех корпусов—к линии Порицк—Милятин. Фланговые корпуса ударной группы должны были прочно удерживать свои пассивные участки, связующие их с XXXIX. и V. корпусами, которые с своей стороны обязывались соответствующей группировкой войск обеспечивать ударную группу корпусов. В резерве у Каледина оставалось два пех. полка и одна кавдивизия [2]).

Артиллерийскую подготовку атакующим корпусам было приказано начать 18 (31) с рассветом, а атаковать в 11½ час.

Накануне нашего перехода в наступление противник на флангах 8. армии сам проявил активную деятельность, в виде артиллерийского обстрела и частичного перехода в наступление. Все его попытки были отбиты и 18 (31) ударные корпуса 8. армии начали наступление. Нам удалось на некоторых участках занять 1—2 линии неприятельских окопов, а также д.д. Шельвово, Бубнов и Корытницу, но большую часть захваченного пришлось под влиянием немецких контр-атак уступить обратно. Этим собственно и кончились успехи 8. армии, командованию которой пришлось обратиться к методическому расширению и усовершенствованию подготовительных для атаки плацдармов [3]).

11. армия медленно продвигалась тремя корпусами (VI., VII. и XVII.) в направлении на Злочев (Схема № 1а), по обе стороны жел. дороги, задерживаемая рядом сильных контратак противника. В 7. армии, усиленной двумя корпусами,

---

[1]) Схема № 2а.

[2]) Директ. Каледина № 148 11/VIII. Там же д. № 331.

[3]) 22/VIII, № 151. Там же.

успех за эти дни был больше, чем в других армиях. Она продвинула свой фронт от Козова до нижнего течения Нараювки и Гнилой Липы. В 9. армии за эти дни действия сгруппировались на левом фланге в Карпатах, где медленно захватывались одна вершина за другой.

Таким образом, за первую половину августа на всем Юго Западном фронте шло такое же фронтальное продвижение, как и раньше, вылившееся в более резкую форму на этот раз в 7. армии, несколько выровнявшей свой фронт.

А, между тем, судьба еще раз давала возможность Юго-Западному фронту сыграть большую роль в эту войну.

Румыния уже открыто стояла на нашей стороне. Нейтральная граница более не существовала. В предвидении этого события, известного нам с точностью числа выступления Румынии еще в начале июля, можно было бы заблаговременно сосредоточить сильный кулак за левым флангом 9. армии и, вслед за объявлением Румынией войны, перейти ее границу и развить энергичное наступление по румынской территории в обход крайнего правого фланга армий противника.

При удаче здесь легче всего был бы разрешен вопрос о выходе русских войск в Венгерскую долину, что повлекло бы за собой радикальное изменение в нашу пользу общего стратегического положения.

Если бы даже такое наступление заглохло, то во всяком случае оно принесло бы пользу в том отношении, что сильно подкрепило бы румынские войска и, по всей вероятности, дало бы иное направление всему тому, что впоследствии случилось на Румынском фронте.

По крайней мере немцы очень боялись, чтобы мы не использовали румынский союз именно в этом смысле [1]).

В боях под Ковелем тем временем произошел трехнедельный перерыв. Не было никаких оснований думать, чтобы немцы не воспользовались этим перерывом для еще большего усиления своих позиций. Группировка наших войск и видимая для них подготовка на фронте 3. армии к насту-

[1]) Ludendorff: „Meine Kriegserinnerungen", стр. 188 и 194.

плению не давали нам права также думать, что немцы уменьшили здесь количество своих войск. Успешное продвижение центра Юго Западного фронта и, наоборот, неудачи 8. армии ясно указывали, что центром тяжести немецкого расположения попрежнему остается Ковель. В настоящее время это подтверждается и такими авторитетными источниками противной стороны, как Фалькенгайн и Людендорф.

При таких условиях было мало вероятия рассчитывать на успех новой попытки атаковать Ковель. Для этого надо было или значительно увеличить силы, предназначенные для операции, или же искусство исполнителей. Но Алексеев решил с теми же почти силами и с теми же исполнителями еще раз атаковать Ковель.

На этот раз общее руководство вновь переходит к Брусилову. Мы атаковали Ковель в лоб, атаковали его в обход с севера (на Камень Каширский), а теперь решили попробовать атаковать в обход с юга, через Владимир-Волынский.

Для этого гвардейские пехотные корпуса были переданы в 8. армию и на Юго-Западный фронт возлагалось нанести главный и возможно сильный удар на участок Владимир-Волынский—Милятин (впоследствии сокращено до Порицка исключительно) и далее в общем направлении на Грубешов. По достижении здесь успеха указывалось действовать против Ковеля со стороны Владимира-Волынского.

Западный фронт должен был оставить на нижнем и среднем Стоходе строго необходимые для обороны силы, сосредоточив все остальное к своему левому флангу для обеспечения операции Юго Западного фронта [1]).

Группировка наших сил по фронтам выразилась к этому времени следующими цифрами: Северный фронт имел 32 пех. и 11 кав. див., Западный—52½ пех. и 11 кав. див. и Юго-Западный фронт — 58½ пех. и 17 кав. дивизий. Всего же на театре к югу от Полесья накопилось 79½ пех., 22 кав. див., а к северу от Полесья цифра уменьшилась до 61 пех. и 17 кав. дивизий. Таким образом, центр тяжести нашего внимания еще до румынского разгрома заметно перенесся на юг от Полесья.

---

[1]) Директ. 21/VIII, № 4524 и посл. Там же д. № 444.

Вручая вновь в руки Брусилова важнейшую операцию всей кампании 1916 года, Алексеев старался поставить его на свою точку зрения в отношении сосредоточения сил. Как бы ни усиливал себя противник против ваших армий, писал он 22 августа (4 сентября) [1], все-таки довольно существенное превосходство остается за нами. Но силы наши распределены более или менее равномерно по всему фронту. Новое увеличение сил Юго-Западного фронта имело целью именно собрать более сильную армию для нанесения решительного удара немцам на одном направлении. Направление для удара на Грубешов Алексеев считал выгодным, так как оттуда можно было развивать операцию или против Львова или против Ковеля.

Получив в свое распоряжение четыре новых корпуса, фронт распределил их между тремя армиями. Два гвардейских были даны 8. армии, III. Кавк., II. и VII. Сиб. 7. армии. Атака должна была начаться 3 (16) сентября, причем 8. армия атакует на фронте Владимир-Волынский—Порицк, 11. и 7. армии наступают на Львов, а 7. кроме того должна попутно овладеть, по возможности, Галичем. 9. армии указано выполнение прежней задачи [2]).

При этом особой телеграммой указывалось командующему 8. армией ударную группу составить из центральных корпусов и один корпус иметь в армейском резерве [3]).

Вообще в этот период операций замечается большое тяготение как главкоюза, так и его начальника штаба вмешиваться в работу командующих армиями и в те средства, которые они применяют для выполнения поставленных им задач. Трудно приписать это недоверию Брусилова к командующим армиями, так как выдвижение их им же впоследствии на высшие посты показывает обратное. Вернее приписать это или известной нервности главнокомандующего от всей шероховатости операций фронта и малого результата их после удачного прорыва, или же властному характеру его начальника штаба. Но такое вмешательство в работу исполнителей не могло не оказать на нее влияния раздваивающего, а потому и невыгодного.

---

1) № 4576. Там же.

2) Директива 1/IX № 3099. Там же д. № 390.

3) 23/VIII № 2975. Там же.

Каледин для первоначальной атаки назначил корпуса XL., I. гвард., II гв. и VIII., развернувшиеся на фронте Затурце—Корытнице—ф. Домброва (около 23 верст), причем наиболее узкие участки были даны центральным двум гвардейским корпусам, нацеленным на фронт Локачи—Свинюхи [1]). Фланговые XXXIX. и V. корпуса временно оставались в выжидательном положении, приковывая внимание противника к своему фронту. IV. Сиб. корпус и V. конный составляли резерв Каледина.

Первоначальной задачей армии было поставлено овладение корпусами атаки передовыми позициями противника и закрепление их на линии кол. Дуброва—Пустомыты. Дальнейшие действия определялись обстановкой. В случае благоприятного развития атаки, V. корпус также переходил в наступление своим правым флангом, для чего должен был сосредоточить на участке к северу от р. Липы не менее одной дивизии. Кавалерия назначалась для преследования после прорыва и были приняты все меры для своевременного выхода ее [2]).

Перед началом операции Брусилов и Каледин старались своими приказами воздействовать на подъем нравственного самочувствия в войсках.

11. армия решила атаковать XVII. корпусом в районе к северу от Зборова, 7. продолжать операцию против Галича подходом к р. Нараювке и 9. армия Лечицкого продолжала борьбу на Карпатах, к которой я вернусь несколько позднее.

В то время, как на Юго-Западном фронте шли только что изложенные приготовления к атаке, Эверт совершенно неожиданно для Ставки начал 27 августа (9 сентября) III. и XXVI. корпусами наступление с Червищенского плацдарма. Наступление это, произведенное в период перегруппировок и подготовки к начинавшейся сложной операции, не имело никакого стратегического смысла, а в тактическом отношении оно кончилось неудачей. Между тем произведенное несколько позднее, вместе с атакой 8. армии на Владимир-Волынский, могло даже и при неудаче сыграть

---

[1]) Схемы №№ 2а и 5.

[2]) Директ. Каледина 26/VIII № 154. Там же д. № 331.

некоторую роль в смысле развлечения внимания противника.

Червищенская попытка к наступлению с негодными средствами имела и еще один отрицательный результат. Эверт отказался во время наступления Юго-Западного фронта оказать ему содействие нанесением частного удара под предлогом перегруппировки после боя и ограничился только сосредоточением сильного резерва (около 2 корпусов) к северо-востоку от Рожище.

Описание тактических действий не входит в программу этого труда, но в данном случае я остановлюсь несколько подробнее на фактической стороне атаки 8. армии, как для того, чтобы читателю легче было разобраться в общих причинах неудач, так и потому, чтобы снять всякое подозрение в виновности самих войск в преследовавших их неудачах.

3 (16) сентября, после примерно шестичасовой артиллерийской подготовки, корпуса 8. армии начали атаку. Надо заметить, что только что пришедшие на фронт гвардейские корпуса не успели еще разобраться на своих участках и познакомиться с обстановкой [1]).

Первая атака была произведена в 13 часов [2]). 77. и 80. полки XL. корпуса ворвались в неприятельские окопы в районе Дуброва, а 14 стр. полк овладел высотой восточнее Шельвово. Но при движении стрелков дальше ко второй линии неприятельских укреплений они были встречены сильным фронтальным и фланговым огнем и, понеся большие потери, отошли в исходное положение. Волынский и Литовский полки II. гв. корпуса атаковали в то же время под сильным огнем противника укрепления у господ. дв. Шельвова и к югу от него, заняли их, но принуждены были потом отойти назад. У гвардейских стрелков 1. полк овладел одной линией неприятельских укреплений против д. Войнина, а 2. полк залег перед проволокой. В I. гвард. корпусе финляндцы овладели лесом юго-западнее Бубнова, а гвардейские егеря, выбив немцев из окопов севернее Корытницы, продвигались вперед, обтекая с юга лес, что

---

1) Клембовский-Каледин 4/IX № 3143. Там же д. № 390.

2) Схема № 5.

восточнее д. Свинюхи. Атака VIII. корпуса на Корытница совсем не удалась.

В 16½ часов, отбив начатую немцами контр-атаку на некоторых участках, наши корпуса, усилившись частными резервами, повели вторую атаку. Армейские стрелки бросились, как говорит донесение, с отчаянной стремительностью из занятых ими немецких окопов, но были встречены убийственным заградительным огнем и залегли. Во II. гвард. корпусе вторая атака также не дала положительных результатов; части 3. гв. див. отошли в исходное положение, а гвард. стрелки залегли перед неприятельскими окопами. В I. гвард. корпусе выдвинувшиеся вперед финляндцы понесли сильные потери и были вынуждены отойти в исходное положение; преображенцы, атаковавшие укрепление в 2-х верстах севернее Корытницы, залегли частью перед первой, частью перед второй линией неприятельских укреплений. И только гвард. егеря совместно с 15. дивизией VIII. корпуса продолжали в сумерках (18½ часов) продвижение вперед и атаку противника. Остальные части VIII. корпуса вновь неудачно атаковали Корытницу и были принуждены отойти в исходное положение и только Модлинскому полку удалось частью закрепиться в первой линии неприятельских укреплений. Фланговые корпуса, XXXIX. и V., вели в этот день артиллерийский огонь.

Итак, усилия отборных войск, достигших большею половиною атаковавших частей положительных результатов не были поддержаны после первой атаки. Новые пакеты резервов были пущены только через 3½ часа, в течение которых немцы могли принять и приняли меры для противодействия. Занятые нами участки были большею частью уступлены и новая партия пакетов, пущенная в атаку в 18½ часов, как и надо было ожидать, дела не поправила. Гвардейские егеря и при этой третьей атаке, поддержанные незначительными частями 15. дивизии, продвигались вперед, но их успех не был развит, так как в донесении об этом использовании успеха егерей ничего не говорится [1]).

Казалось бы, результат первого дня позволял думать, что дальнейшего успеха атаки на этом самом направлении

[1]) Ежедневн. донесен. Юго-Западного фронта.

ожидать нельзя и что наше продолжающееся упорство поведет вернее всего к напрасному пролитию крови.

Но Брусилов решил 6 (19) сентября опять повторить атаку. На этот раз Каледин согласовал действия XL. корпуса со II. гвард. и VIII. с I. гвард., предоставив им атаковать совместно по взаимному уговору.

После удачной артиллерийской подготовки и отбития немецких контр-атак на рассвете 7 (20) сентября центральные корпуса вновь перешли в наступление. Части 4. стр. дивизии первоначально овладели двумя линиями укреплений северо-восточнее Шельвово, но после продолжительного боя, во время которого окопы переходили из рук в руки, были выбиты немецкими контр-атаками, поддержанными ураганным огнем артиллерии. Полки 3. гвард.-див. овладели 2—3 линиями укреплений, но к 10 часам были выбиты после ряда контр-атак, сопровождавшихся фланговым артиллерийским и пулеметным огнем. Гвард. стрелки дважды атаковали Войнинские высоты, но овладеть ими не могли. Наибольший успех, как и при первой атаке, выпал на долю I. гвард. корпуса и в особенности на первую дивизию. К 9 часам части его упорным боем добились успеха и левым флангом продвинулись между Корытницей и лесом севернее деревни. В десятом часу 1. гвард. пех. див. вела уже бой за главную позицию противника в лесах северо-восточнее Свинюхи.

Первая атака частей VIII. корпуса не увенчалась удачей, но в 9 часов 15. дивизия прорвала противника на всем фронте у Корытницы и стала развивать успех. IV. Сиб. корпус, находившийся в резерве у Каледина, был двинут по-дивизионно за XL. и I. гвард. корпусами для развития успеха.

К вечеру бой затих. Части I. гвард. и VIII. арм. корпусов закреплялись на взятых ими с боя позициях. Потери в атаковавших частях были так велики, что в 3. гвард. пех. дивизии осталось всего 26 офицеров, а л.-егеря и московцы были сведены в один батальон каждый полк [1]).

В ночь на 8/21 Каледин предпринял на фронте сложную перегруппировку [2]), имевшую целью усиление I. гвард.

[1]) Сводки донесений. Там же д № 204.

[2]) 7/IX № 161. Там же, д. № 331.

и VIII. арм корпусов, которым ставилась задача расширения сделанных этими частями прорывов к северу и к югу от Корытницы.

Как видно, успехи второго дня атаки были больше, чем в первый день, благодаря лучшей согласованности действий и отличному поведению войск. Но и сопротивление немцев, вполне естественно, значительно увеличилось. Ведь боем 3 (16) сентября мы указали им те места, на которые повели атаку 7 (20) числа. Правило нашего предка Святослава говорить своему врагу—иду на вы, пожалуй, при настоящих условиях на войне лучше и не применять.

С 8 (21) сентября наступательные действия на Владимир-Волынский фактически прекратились.

За эти дни 11. и 7. армии вели своими ударными корпусами бои на фронте Ярославице—Маниловка (11. армия) и Тростянец—Скоморохи (7. армия). Контр-атаки противника были так ожесточенны, что заставили командующего 7. армией предположить, что против него перешла в наступление целая австрийская армия [1]). Эти атаки 11. и 7. армий не дали никаких положительных результатов, но вызвали со стороны Алексеева официальное замечание о распылении Брусиловым всех сил одинаково по всему фронту, чем уничтожилось наше численное превосходство [2]).

Между тем положение на юге, благодаря выступлению Румынии, осложнялось. Дальнейшие действия у Ковеля и севернее стали в невольную зависимость от положения на румынском театре.

Но, отражаясь здесь как бы рикошетом, румынские события непосредственно коснулись 9. армии, которой уже давно приходилось в своих операциях осматриваться на Румынию и сообразовать с ней свои действия.

Чтобы читателю более ясно представилась картина развивавшихся на Карпатах событий, мне приходится немного вернуться назад и несколько подробнее остановиться на действиях 9. армии в августе и сентябре 1916 года.

---

[1]) Клембовский, стр. 102.

[2]) 6/IX № 4860. Там же, д. № 428.

В половине июля старого стиля в штабе 9. армии документальными данными было выяснено, что группировка противника на фронте армии резко изменилась. Австрийцы сформировали, кроме действовавшей до сего времени на фронте Днестр—Корошмезо 7. армии, еще и 12., расположенную в Трансильвании, большей частью на Румынской границе, а частью и против левого фланга 9. армии, в районе Кирлибаба (около Кимполунга) — Якобени. Связь между 7. и 12. армиями поддерживалась двумя кавалерийскими дивизиями с небольшими пехотными частями, занимавшими горные перевалы. Кроме того, происходил подвоз австрийских войск к району Надбанья и Мармарош-Сигет [1]).

У Лечицкого явилось естественное опасение, что если австрийцы войдут в соглашение с румынами и выступление этих последних на нашей стороне не состоится, то 12. австрийская армия окажется свободной и легко может быть употреблена для наступления на Черновцы с целью возвратить Буковину и оказать давление на фланг всего Юго-Западного фронта.

Между тем 9. армия действовала по двум операционным направлениям — на Станиславов и на Мармарош-Сигет. По мере продвижения вперед расстояние между обоими направлениями естественно увеличивалось, и вместе с этим выдвигался вопрос о способах парирования возможного удара 12. австрийской армии на Черновцы [2]).

Вслед за этим появились признаки начала перехода австрийцев на Карпатах в наступление. У Шибени появились новые отряды противника и начали сильно нажимать на части XI. арм. и III. кон. корпусов; оживилась деятельность неприятеля и в более южном районе. По показанию пленных, к Корошмезо и Кирлибаба прибыли новые германские части. Вопрос о принятии мер к сохранению Буковины обострялся. Лечицкий перебросил свой единственный резерв, 79. дивизию, в Усцерики (около Куты), но этого было мало.

---

[1]) Схема № 26.

[2]) Дон. Лечицкого 15/VII № 2353. Там же, д. № 330.

Такое положение заставило и Брусилова обратить внимание на свой крайний левый фланг. Он поставил Лечицкому задачей прочно на нем утвердиться и „не дать врагу захватить там ни одной пяди земли“. Для усиления войск на Мармарош Сигетском направлении обещано увеличить армию тремя пехотными и одной кав. дивизиями и разрешено, если Лечицкий признает это необходимым, отменить предназначенное наступление на Тлумач[1]).

Карпатский хребет в районе от Делятыня до румынской границы пересекался путями, выводящими в северную Венгрию на фронте Мармарош-Сигет—Быстрица, в Корошмезо, Шибени, Капуль (около Кирлибаба) и Валепутна (между Кимполунгом и Якобени). Здесь проходили шоссейные дороги, выводящие к двум важнейшим узлам путей по южную сторону Карпат, а именно к Мармарош-Сигету и к Быстрице. Между указанными перевалами не было удобных для движения крупных сил путей; их достаточно было только наблюдать мелкими отрядами пехоты с пулеметами, которые поддерживали бы связь между отрядами войск, сосредоточенными на главных путях.

Центр тяжести всей операции естественно должен был сосредоточиться на четырех шоссейных дорогах, которые по две вели к главным первым объектам действия в Венгерской равнине — к Мармарош-Сигету через Корошмезо и Шибени и к Быстрице через Кирлибаба и Якобени. Здесь неприятель, наученный горьким опытом, принял особые меры к задержанию нашего наступления в Венгерскую долину. Шоссе через Корошмезо и Кирлибаба были прикрыты заблаговременно укрепленными позициями, на которых, по агентурным сведениям, имелись даже долговременные форты.

В зависимости от таких местных условий Лечицкий образовал две группы войск: XI. корпус, в составе 11., 32., 79. и 82. пех. и Уссурийской конной дивизий, должен был оперировать на путях к Мармарош-Сигету и группа Рерберга, в составе 43. и 103. пех. и 10. кав., 1. Донск. и Терск. каз. дивизий,—на путях к Быстрице. Резервом обеих этих групп служила 64. пех. див., сосредоточенная у Куты[2]).

---

[1]) 24/VII № 2568. Там же № 390.

[2]) Дон. Лечицкого 29/VII, № 2539. Там же д. № 330.

Лечицкий полагал после окончания сосредоточения здесь войск перейти в Карпатах в наступление, имея ближайшей целью завладеть перевалами у Шибени, Кирлибаба и Дорна-Ватра и закрепить их за собой. Указанная группировка в достаточной степени обеспечивала Мармарош-Сигетское направление, но, в случае наступления сосредоточенной на границе с Румынией 12. австрийской армии от Быстрицы на Черновцы, ей могла противостоять исключительно группа Рерберга, имевшая только две пехотные дивизии. Менее всего было защищено направление от Якобени через Кимполунг на Сучава.

Это-то направление австрийцы и выбрали в первых числах августа стар. ст. для того, чтобы давить значительными силами на наш крайний левый фланг. Они, в соединении с германскими войсками, развили сильный удар от Кирлибаба на Селетин, потеснив находившуюся здесь нашу 43. дивизию, которая понесла в этих боях большие потери, не имея даже мортир, чтобы бороться с тяжелой артиллерией противника. Для восстановления здесь положения Лечицкому пришлось направить к Селетину с Станиславовского фронта 37. и 64. пех. дивизии с управлением XVIII. корпуса.

Между тем Брусилов как бы не сознавал всей важности твердой опоры своего левого фланга на высотах Карпат. Под давлением донесений Лечицкого он первоначально разрешил ему не вести атаки в Станиславовском направлении, а приказал обратить особое внимание на свой левый фланг. Но, увлеченный успехом 9. армии у Станиславова, он вновь потянул эту армию в двух противоположных направлениях. Директивой от 4 (17) августа [1]) Лечицкому указывалось наступать правым флангом на Галич, которым и овладеть, а в Карпатах, по возможности, продвигать левый фланг к Мармарош-Сигету на Корошмезском и Кирлибабском направлениях.

Это писалось в то время, когда 43. дивизия, неся большие потери, отступала от Кирлибаба к Селетину. Очевидно, командование Юго-Западного фронта также мало предугадывало в августе завязывающийся узел на Карпатах, как и

---

[1]) № 2661. Там же д. № 390.

в мае своевременно не предвидело Ковельского узла. Впрочем, через два дня после упомянутой директивы в штабе Юго-Западного фронта считалось уже необходимым твердо упрочить наше положение на крайнем левом фланге не только для обеспечения всего фронта, но и в видах политических [1]).

6 (19) августа, наконец, 9. армию поставили в правильное стратегическое положение. От нее отняли Галичское направление, оставив только Мармарош-Сигетское, но зато отняли и два пехотных корпуса (XXXIII. и XLI.), Кавказ. туземную дивизию и всю тяжелую артиллерию армии, случайно сосредоточенную при них [2]).

Вслед за этим и, вероятно, в виду приближения срока выступления Румынии, на 9. армию начинают обращать особое внимание. Уже с 7 (20) августа появляются академические поучения фронтом командующего армией, которые нервируют подчиненного, имеющего знание и характер, и совершенно сбивают с толка человека слабовольного, а тем паче боящегося начальства больше, чем пуль неприятельских; для той же и другой категории такие несвоевременные теоретические поучения в военном искусстве одинаково вредны, как губящие дух самостоятельного мышления, дух инициативы, решительности и отсутствия страха ответственности.

Как известно, в наступательной операции фронта 18 (31) августа левый фланг 9. армии должен был действовать на Мармарош-Сигет. К этому времени Лечицкому удалось его несколько усилить. От Яловичера до р. Кирлибаба (схема № 8) занимал участок XVIII. корпус, в составе 43., 64. пех. див. и Уссурийской кон. дивизии, имея свою пехоту сосредоточенной ближе к его левому флангу; от Кирлибаба до Румынской границы стоял III. конный корпус, в составе 103. пех. 10. кав., 1. Терск. и 1. Донск. каз. дивизий. В резерве Лечицкого в Селетине оставалась бригада 37. пех. дивизии.

Главный удар предполагалось нанести XVIII. корпусом, что при одновременном натиске конного корпуса с

---

1) Клембовский--Лечицкому 6/VIII, № 2734. Там же.

2) Директива 6/VIII, № 2744. Там же.

фронта и румынских войск во фланг на Дорна-Ватра могло, по мнению командования 9. армии, привести к тактическому окружению противника [1]).

XI. корпус, прочно удерживаясь на Корошмезском направлении, должен был наступать на Шибени и далее на Мармарош-Сигет в обход Корошмезской позиции с юга [2]).

Наконец, 14 (27) августа румыны объявили войну Австрии [3]) и в штабе Юго-Западного фронта царило приподнятое настроение. Там уже ожидали энергичного выступления румын, которые будут угрожать путям сообщения противника, действующего против Лечицкого, и боялись, что австрийцы начнут очищать позиции перед ним без всякого нажима. Брусилов приказывал решительно их атаковать, чтобы они не ушли безнаказанно [4]).

Однако, австрийцы не только не собирались уходить, но, наоборот, не выждав нашего наступления, 17 (30) числа сами перешли в наступление против XI. корпуса на фронте Корошмезо—Шибени и потеснили части 32. дивизии, которые, несмотря на ряд контр-атак, восстановить положения не могли.

18 (31) австрийцы продолжали теснить правый фланг XI. корпуса, но у Яблоницы и западнее Баранова, а также в III. конном корпусе обозначился наш успех и части XVIII. корпуса и терские казаки взяли ряд высот, продолжая свое продвижение и 19 (1) числа. Однако, успехи не удовлетворили командования фронтом. Циркуль и карта показывали, что XVIII. корпус прошел вперед в последние дни меньше, чем XI. И Лечицкому отправляется подстегивающая XVIII. корпус телеграмма с арифметическим подсчетом, как будто дело шло о маневрах, а не о Лесистых Карпатах, местах австрийской каторги, отличающихся своей замечательной дикостью и неприступностью. Лечицкий такие телеграммы не отправлял в войска, а отвечал на них сам, и нельзя не поставить ему этого в заслугу. Если теперь, шесть лет спустя, участники походов в Лесистых Карпатах не мо-

---

[1]) Дон. Лечицкого 7/VIII, № 2676. Там же № 330.

[2]) Директ. 9/VIII, № 2709. Там же.

[3]) Стратегическое развертывание ближайших румынских армий показано на схеме № 8.

[4]) От 16/VIII, № 2881. Там же № 390.

гут иначе, как с душевным волнением, читать эти несправедливые упреки не находившихся на месте боя тактиков, то каково им было читать их во время боев за неприступные вершины под проливным дождем и без содействия не поспевающей за ними горной артиллерии [1])!

Между тем в Лесистых Карпатах шли непрекращающиеся бои каждый день, начиная с 18 (31) августа. Для облегчения управления сюда был прислан штаб XXIII. корпуса, в который вошли две дивизии из XI. корпуса.

Первоначально наиболее успешно продвигался XI. корпус, а XVIII., встречая сильное сопротивление, подвигался очень медленно. Потом австрийцы, притянув силы против XI. корпуса, произвели на него ряд контр-атак и замедлили его наступление на несколько дней. Тогда наиболее энергично повел наступление XVIII. корпус.

Противник попробовал нажать на крайние фланги: правый, XI. корпуса, у Рафаилова, и левый, Терской дивизии, у Дорна-Ватра. Одно время положение здесь было тяжелое; фланги даже немного подались, но потом скоро выравнялись и корпуса вновь пошли вперед.

Правда, что это движение вперед было очень медленное; в иные дни оно считалось саженями, а не верстами, но войскам приходилось брать одну вершину за другой, карабкаясь без дорог, под проливным дождем, а с 4 (17) сентября под снегом, часто без помощи артиллерии и почти всегда без горячей пищи, отбиваясь к тому же от весьма энергичных и постоянных контр-атак германцев, которые здесь были вкраплены в большом количестве.

К 7 (20) сентября корпуса все-таки вышли примерно на линию Рафаилов—Ворохта—Шибени—Кирлибаба (исключительно)—Дорна-Ватра [2]). Прочитывая внимательно ежедневные донесения о действиях XI., XXIII., XVIII. армейских и III. кон. корпусов [3]) и взятых ими трофеях, я затрудняюсь сказать кому из них отдать преимущество в этой трудной работе.

Цитирование подлинного донесения Лечицкого, человека с железной волей и выжимавшего от войск на войне

---

[1]) Тел. Клембовского Лечицкому 21/VIII, № 2952.
[2]) Схема № 26.
[3]) Там же д. № 204.

все, что только они могли дать, яснее всего представит читателю картину операции на Карпатах.

„Наступление армии в горах, доносил он[1], происходит на фронте около 240 верст, т.-е. в среднем на дивизию приходится около 20 верст. Подобную растяжку даже в горах нельзя не признать чрезмерной, а между тем борьбу приходится вести за каждую высоту, так как в настоящее время противник занимает сплошной фронт без перерывов. Большая часть армии действует без дорог, на чрезвычайно трудно доступной местности, что неминуемо отражается на снабжении войск. Войска изнуряются в высшей степени и их наступательный порыв все более и более ослабевает.

Между тем обстановка властно требует настойчиво продолжать наступление, чтобы до начала зимы перевалить через Карпаты и выйти в долину Тиссы. На энергичное содействие со стороны румын вряд ли возможно рассчитывать, и борьба с противником за обладание Дорна-Ватра всею тяжестью ляжет на 9. армию. В то же время энергичное наступление на фронт Сигет—Дорна и вторжение в Венгрию имеет крайне важное значение, учитывая которое, противник продолжает привозить на фронт армии новые войска. За последнюю неделю в Лесистые Карпаты прибыли $2^1/_2$—3 германских пехотных и 2 кавалерийских дивизии, причем усиление противника намечается как на Корошмезском, так и на Быстрицком направлениях“.

В заключение Лечицкий просил усилить его еще хоть одним корпусом, так как Карпатская операция вывела из строя 145 офицеров и 10.058 солдат.

В корпусе 9. армии было отказано, но зато, в виду существовавших еще в штабе Юго-Западного фронта иллюзий в отношении румын, было высказано много надежд на будущую помощь их в Карпатах[2]).

Но иллюзии фронта постепенно разбивались донесениями двух лиц, соприкоснувшихся с румынскими войсками—Зайончковского из Добруджи и Лечицкого из Трансильвании. Предпринятая 4 (17) сентября XVIII и III. кон. корпусами совместно с румынами атака Дорна-Ватры-

---

[1]) 28/VIII, № 2972. Там же д. № 330.

[2]) Клемб.—Лечицк. 28/VIII, № 3053. Там же д. № 390.

ских укрепленных позиций не дала нашим здесь войскам, упорно дравшимся по 13 (26) число, никакой помощи от румынского соседа, но вызвала ряд напрасных нареканий со стороны румын[1]).

13 (26) сентября Лечицкий остановил продвижение своих корпусов в Карпатах до подхода к нему свежего корпуса.

---

[1]) Донесение Лечицкого 20/IX № 3284. Там же д. № 330.

ГЛАВА III.

Сентябрьские атаки на Ковельском направлении. Сентябрьские и октябрьские действия на Карпатах. Атаки на Ковельском направлении армии Гурко. Краткий очерк действий 7. и 11. армий за этот период.

Последняя неудача под Ковелем несомненно повлияла на Ставку в смысле окончательного отказа от этого, набившего сильную оскомину, направления, но не повлияла на Брусилова. И если мы до сих пор меняли в наших последовательных здесь атаках комбинацию нанесения ударов то с одного, то с другого направления, то теперь происходит некоторая смена только во второстепенном персонале, руководящем операцией. На этот раз на более видную роль судьба выдвинула командующего Особой армией Гурко. Другим фактором, оказавшим влияние на развитие дальнейших действий, было уже зарождавшееся в Ставке сомнение в боеспособности румынских войск.

На ближайший период операции на Владимир-Волынском направлении Особая армия подчинялась Главнокомандующему Юго-Западным фронтом, которому предоставлялось перебросить из этой и 8. армий два корпуса для усиления преимущественно левого крыла его фронта [1]). Далее, по смыслу директивы, Брусилову не приказывалось, а как бы рекомендовалось один из этих двух корпусов передать в 9. армию, что должно было повлечь за собой развитие энергичного удара из района Дорна-Ватра—Кирлибаба совместно с частями румынской армии в направлении Быстриц и далее на Сигет. Другой корпус Ставка предпочитала сосредоточить в районе 7. армии, на правом берегу Днестра,

---

[1]) Директива 10/IX № 4939. Там же д. № 428.

чтобы сильным ударом в общем направлении на Калуш облегчить тяжелую фронтальную атаку этой армии.

Относительно остальных фронтов директива не говорила ничего, упомянув только о подготовке ими резервов для направления их на юг.

Анализируя приведенный документ, следует притти к заключению, что Ставка центр тяжести операции переносила на юг и, ослабляя именно две армии, стоявшие на Ковельском и Владимиро-Волынском направлениях, указывала этим им роль пассивную или демонстративную. Поэтому невольно удивляешься, читая директиву Брусилова, которую он построил на повторении удара во Владимиро-Волынском направлении. Он решил не исполнять в точности директивы Ставки и, отправив один корпус в 9. армию, другой задержать для присоединения его к войскам, действующим на Владимиро-Волынском фронте, где он предполагал наносить удар восемью корпусами[1]). Таким образом, фронт как бы вырывал операцию из рук Ставки, чему несомненно способствовал характер Алексеевской директивы. Мягкость характера и скромность начальника шаба Верховного Главнокомандующего спасовали перед силой воли главнокомандующего фронтом, а неопределенность выражений в боевом распоряжении повела к естественным результатам,—мы еще около месяца напрасно дрались под Ковелем и на этот же срок опоздали на юг.

Основываясь на директиве Алексеева, Брусилов выделил из состава Особой армии XXVI. корпус для отправления его в 9. армию, но зато включил в нее из 8 армии корпуса XXXIX. и XL.

Увеличенной таким образом Особой армии была поставлена задача активно обороняться на Стоходе, а четырьмя корпусами атаковать противника в направлении на Владимир-Волынский в районе севернее р. Луга-Свинарейка. При этом армии указывалось прочно обеспечить свой правый фланг со стороны Ковеля.

8. армия должна была атаковать в общем направлении на Грубешов и в районе южнее р. Луга Свинарейка—Порицк включительно. 11. и 7. армии продолжают выполнение ранее поставленных задач, а 9. надлежало по прибытии

[1]) Брус.—Алекс. 11/IX № 3254. Там же.

XXVI. корпуса энергично развить удар из района Дорна-Ватра—Кирлибаба, действуя с частями румынской армии в направлении Быстрицы, чтобы затем развить с линии Кирлибаба—Быстрица удар на Сигет [1]).

Вместе с двумя вновь присоединенными корпусами Особая армия состояла из 7 пех. корпусов (I. Турк., XXX., I., XXXIX., XXV., XXXIV., XL.), 4. Финл. стр. див. и 3-х кавалерийских (5. Донск., Забайкал. и 12. кав.), расположенных следующим образом [2]): от разграничительной линии с 3. армией (у Черска) по правому берегу Стохода до Рудка-Миринская, 5. Донск. каз. и 4. Финл. стр. дивизии, под общим начальством Ванновского; от Рудка-Миринская до Кухары—XXX. корп.; от Кухары до Нов. Моссора—I. корп., далее, до Витонежа—Забайкальская каз. дивизия. От Витонежа до Семерники—XXXIX. корпус с 12. кавдивизией на пассивных участках; далее, до Затурцы—XXV. корп., до Воля Садовская—XXXIV. корп. и на левом фланге до Шельвова—XL. корп. В резерве находился I. Турк. корп. в районе Подрыже—Кашовка—Софьяновка [3]). В армейском же районе был расположен гвард. кав. корпус, находившийся в резерве Верховного Главнокомандующего.

В развитие директивы Брусилова Гурко отдал свою директиву [4]), согласно которой отряд Ванновского, а также XXX. и I. корпуса должны активно оборонять свои участки. XXXIX. корпус должен, заняв наименьшими силами пассивный участок своего фронта, овладеть районом Зубильно и частью большого леса между кол. Липинов и кол. Яхимовка, к северу от линии кол. Курган—лесн. Жидовка—южная окраина озера севернее Холопиче [5]). XXXIV. корпусу овладеть неприятельской позицией перед всем фронтом корпуса, обратив особые усилия для захвата укрепленного узла в районе высот, что восточнее кол. Дуброва Пасека. XL. корпусу нанести главный удар в направлении

---

[1]) Директива 11/IX № 3245. Там же № 337.

[2]) Схема № 6.

[3]) Схема № 1б.

[4]) От 15/IX № 3522. Там же д. № 337.

[5]) Я нарочно привожу так подробно распоряжения Гурко, чтобы читатель мог сравнить способ управления войсками в двух атаках одного и того же района.

высоты, что к северу от православного кладбища Шельвова, имея дальнейшей целью овладение западной опушкой леса на линии кол. Котлы—западная окраина Шельвова и поддерживая тесную связь с правофланговым корпусом 8. армии. В армейском же резерве I. Турк. и бригада I. арм. корпусов.

Далее Гурко указывал все резервы до корпусных включительно подтянуть к началу атаки в заранее намеченные пункты и им быть в полной готовности поддержать атаку. Артиллерийскую подготовку приказывалось закончить к 12 часам 19 сентября (2 октября), начав ее с утра 18 (1) числа, после чего корпусам атаковать. Если на участке какого-нибудь корпуса подготовка к указанному сроку не будет закончена, то командир корпуса должен был обратиться к Гурко за разрешением отложить атаку, каковая может быть задержана не более, как на один час.

Приведенная директива Гурко во многом разнится от того образца управления большими массами войск на поле сражения, какой нам указывает теория военного искусства, и многим отличается от того, как такую же задачу на этом же участке за три недели раньше решал другой командующий армией, Каледин. При сравнении их невольно задаешься мыслью о необходимости пересмотреть вопрос об управлении войсковыми массами и выяснить отличительную черту управления ими в борьбе за укрепленные полосы.

8. армия, после уменьшения ее на два корпуса, состояла из пяти пех. корпусов (I. и II. гв., VIII., V. и IV. Сиб.), V. кон. корпус (11. и 4. Донск. див. и 7. кав. дивизии). II. гвард. корпус занимал участок позиции от Шельвова до Бубнова исключительно, I. гв.—от Бубнова до Корытницы, VIII. дальше до кол. Домброва и V.—до Красова. Далее до стыка с 11. армией у Мерва была расположена 7. кав. дивизия. IV. Сиб. и V. кон. корпуса оставались в армейском резерве.

В развитие директивы Брусилова, которой 8. армии ставилось задачей атаковать 19 сентября (2 октября) противника в общем направлении на Грубешов в районе к югу от р. Луга-Свинарейка до Порицка исключительно, Каледин отдал свои распоряжения [1]). Первоначальной целью

[1]) Директива 16/IX № 163. Там же д. № 489.

армии он поставил захват высот перед правым флангом VIII. корпуса, севернее Корытницы, и лесных групп и высот перед фронтом I. гвард. и левым флангом II. гвард. корпусов, примерно до линии лощин, идущих от Войнина к югу и от западной окраины Корытницы к северу. В частности указывались следующие задачи корпусам: II. гвард. корпусу—первоначально сосредоточить все усилия на овладении квадратным лесом, развивая далее наступление к линии Войнин—отметка 109,9 и содействуя продвижеиию правого фланга I. гвард. корпуса; правому флангу корпуса—ограничиться до перехода в решительное наступление XL. корпуса демонстративными действиями. I. гвард. корпусу, восстановив утраченное после немецких контр-атак положение,—направить все усилия для овладения лесом к западу от отметки 115, обратив внимание на прочное после захвата закрепление за нами Свинюхинского леса и высот к востоку от него. VIII. корпусу восстановить своим правым флангом совместно с I. гвард. корпусом утраченное после немецких контр-атак положение; дальнейшие его действия определятся обстановкой, причем указывалось иметь сильные резервы. V. корпусу—активно оборонять свой участок, приняв меры для демонстрации в районе Терешковец. В армейском резерве—2. стр. див., полк 9. Сиб. стр. див. (остальные полки IV. Сибирск. корп. были приданы другим корпусам) и V. кон. корпус без одной бригады, которому указывалось принять меры для своевременного использования успеха пехотных атак. Время начала артиллерийской подготовки и атаки устанавливалось то же, что и в Особой армии, при этом II. гвард. и VIII. корпусам было указано согласовать свои действия с I. гвард. корпусом.

Оставив пока в стороне распоряжения по остальным армиям фронта, не связанным тесно с операциями под Ковелем, проследим развитие событий исключительно в тесно связанных между собой общностью задачи VIII. и Особой армиях.

Но покуда Гурко и Каледин начали атаковать немцев, эти последние сами перешли 13—14 (26—27) сентября в ряд контр-атак, перемежая их с постоянными налетами целых групп аэропланов. Такие атаки были произведены в районе Витонежа, где ими был занят окоп, и на фронте

XXXIV. корпуса; но более сильный натиск был сделан на фронте I. гвард. корпуса, на участке 10. Сиб. див. к северу от Корытницы, где сибиряки принуждены были отойти, уступив немцам лес восточнее Свинюхи и ряд высот. Попытки восстановить наше положение на занятых участках не привели к положительным результатам.

19 сентября (2 октября) после внушительной артиллерийской подготовки, на которую энергично отвечал и противник, Особая и 8. армии начали атаку.

В 12 часов 53 дивизия XXXIX. корпуса, а также корпуса XXV. и XL. пошли в атаку; на участке же XXXIV. корпуса противник сам перешел в наступление, но был отогнан в свои окопы. Вслед за этим XXXIV. корпус начал атаку на всем фронте и захватил первую линию неприятельских окопов. Однако, при дальнейшем продвижении его правый фланг (56 див.) был встречен сильной контр-атакой противника и, попав под фланговый огонь неразрушенных пулеметов, вынужден был отойти в исходное положение. Для возобновления атаки были подтянуты резервы. Остальные полки корпуса продвигались ко второй линии неприятельских окопов.

В XXXIX. корпусе правый фланг 53. дивизии, прорвавшись через линию неприятельских проволочных заграждений, встретил на западном скате высоты у Зубильно новую невидимую с наблюдательных пунктов линию заграждений, попал под сильнейший фланговый пулеметный огонь и вынужден был отойти в исходное положение. Левый фланг дивизии, захватив первую линию окопов, выдвинулся к проволочным заграждениям второй линии и дальнейшие попытки к продвижению встречались сильным огнем противника.

В XXV. корпусе гренадеры выбили немцев из 1—2 линий окопов, атаковали ближайшую высоту, но, встреченные контр-атаками, отошли местами в исходное положение. Правый фланг 46. дивизии также захватил первую линию окопов противника. XL. корпус залег перед заграждениями второй линии. Противник на всем фронте ударных корпусов оказывал весьма упорное сопротивление.

В 8. армии атаку начал II. гвард. корпус в 6 час. утра после взрыва горнов (на некоторых участках велась

нами и подземная война, достигшая наибольшего развития на Западном фронте). Стрелкам удалось, преодолевая контр-атаки противника, ворваться в неприятельские окопы северо-восточного угла квадратного леса (юго-восточнее Войнина); на остальном же фронте корпуса части остановились на проволочных заграждениях. В 11-м часу стрелки были вытеснены из занятых ими окопов в лесу и вернулись в исходное положение. Повторенная в 13 часов атака успеха не имела, и части понесли большие потери.

В I. гвард. корпусе части обеих дивизий в полдень пошли в атаку, встреченные ружейным, пулеметным и заградительным артиллерийским огнем. Преображенцы и измайловцы овладели севернее Корытницы частью первой линии неприятельских окопов. Атака лесных групп 2. гвард. див. не удалась; повторная атака в 15 часов вновь успеха не имела. В VIII. корпусе 36. Сиб. стр. полк завладел первой линией окопов, но был оттеснен контр-атаками немцев в исходное положение [1]).

Короче, за первый день боя войсками обеих армий было проявлено много мужества, понесено много потерь, но вновь реального успеха не достигнуто никакого.

В 14 часов 20 (3) числа атаки с нашей стороны вновь возобновились. В Особой армии результат был тот же. Кое-где части захватили первую линию окопов, но всюду были выбиты контр-атаками и огнем. В 8. армии в этот день атак собственно не производилось, в виду того, что сильное расстройство частей, в том числе и близко подведенных резервов, не сулило успеха, а наша артиллерия была не в состоянии подавить заградительный огонь могущественной неприятельской артиллерии.

В этот день в Особой армии почувствовался уже недостаток тяжелых снарядов и при неподвозе их Гурко грозил 22 сентября (5 октября) операцию даже при успехе приостановить. С своей стороны он полагал, что наиболее действительным средством сломить немцев было упорное и беспрерывное ведение операции, считая, что всякий перерыв заставит начинать все сначала и сделает напрасными понесенные потери [2]).

---

[1]) Ежедневные донесения. Там же д. № 205.

[2]) 20/IX № 3664. Там же д. № 337.

21 (4) числа в Особой армии повторилась при атаке та же картина. Некоторые части закрепились в первой линии неприятельских окопов; большинство же окопалось непосредственно перед проволокой. В 8. армии, во II. гвард. корпусе, роты, захватившие участок неприятельской позиции, удерживались в нем, несмотря на перекрестный огонь. В I. гвард. корпусе московцы были выбиты из занятого ими окопа западнее Бубнова и отошли в исходное положение, а преображенцы удержали за собой высоту в двух верстах севернее Корытницы и закреплялись на ней.

22 сентября (5 октября) войска на фронтах обеих армий выдохлись и атаки постепенно заглохли.

Несмотря на видимую нашу неудачу, Брусилов настаивал на продолжении операции, ожидая от нее успеха. Алексеев этому уже не верил, а усложнявшаяся обстановка в Румынии влекла все его внимание на юг, и потому для него было весьма важно поскорее прекратить Ковельскую операцию, невольно отвлекающую силы в другую сторону. Верховный Главнокомандующий решительно воспротивился дальнейшему развитию операции Особой и 8. армий, находя, что она „обещает нам наименьший успех при громадных потерях“ [1]).

Но в это время до Ставки дошла директива Гурко от 22 сентября (5 октября) [2]), которой он совершал на своем фронте очень сложную перегруппировку, имевшую целью ввести на ударных участках свежие войска и сосредоточить в районе Затурце сильные, около 2-х дивизий, резервы. В Ставке увлеклись этим редким среди высшего командования случаем маневрирования во время боя войсками и сосредоточения кулака в выбранной точке удара, вновь понадеялись на успех и разрешили Брусилову продолжать начатую операцию [3]).

Тем временем внимание Алексеева все более и более привлекалось к 9. армии, к описанию действий которой за этот период мы и перейдем.

---

[1]) Алексеев—Брусилову 21/IX № 5140. Там же д. № 428.
[2]) № 3706. Там же д. № 205.
[3]) Алексеев—Брусилову 22/IX № 5142. Там же д. № 428.

7. и 11. армии за истекшие дни продолжали играть ту будничную роль, которую они, за исключением нескольких довольно удачных дел, играли в течение всей летней операции. Нацеленные в важном, особенно в политическом отношении, Львовском направлении, находясь в центральном положении в отношении всего Юго-Западного фронта, этим армиям не удалось по тем или другим причинам сделаться хозяевами положения и своими успехами придать другое направление и иной характер всем операциям лета 1916 года. Они из предназначенной им судьбой роли главных действующих лиц, которым было вверено основное операционное направление Юго-Западного фронта, а именно Львовское, перешли в роль второстепенную, лиц, связующих фланги фронта, на которых, уже не по инициативе нашего командования, а вражеского, сосредоточивался фокус всего внимания и сил. С стратегической стороны действия этих армий не представляют в этот период никакого интереса и потому к изложенному в труде Клембовского я здесь ничего не прибавляю. Обе армии фактически продолжали топтаться на одном месте, ничуть не изменяя своими действиями стратегического положения ни всего фронта, ни обоих его флангов.

9. армию Лечицкого мы оставили прекратившей с 13 (26) сентября на Карпатах наступление до прибытия к нему свежего корпуса, но это не помешало частям ежедневно вести упорную борьбу то за одну, то за другую высоту. В результате борьба эта сводилась к занятию нами некоторых высот, к отбитию других противником и к восстановлению утраченного положения. Однако, 16 (29) числа обнаружился более сильный нажим неприятеля по всему фронту Карпат, что показывало усиление его на этом фронте [1]).

Одновременно противник атаковал в Трансильвании и румын и сильно потеснил их. Наши союзники просили помощи, а между тем мы ввязались в длительную и сложную операцию в Владимиро-Волынском и Ковельском направлениях. Инстинкт начальника штаба Верховного Главнокомандующего указывал ему, как ближайший фокус, подлежащий разрешению, борьбу в Трансильвании. Более сильный ха-

---

[1]) Ежедн. донесения.

рактером главнокомандующий Юго-Западным фронтом, не отрицая этого, все-таки тяготел к северному направлению, на которое было потрачено столько времени, столько сил и фактически ничего не достигнуто. У Брусилова отняли эту операцию, передали ее Эверту, потом опять вернули ему, и с человеческой точки зрения вполне понятна настойчивость, с которой он хотел вырвать здесь победу у немцев. Но с точки зрения общих интересов это вело к разделению сил и внимания, короче—к тому, что Наполеон так метко называл „видеть сразу много хороших вещей".

Условия борьбы вашего фронта, писал Алексеев Брусилову 19 сентября (2 октября) [1]), существенно изменились. Рассчитывать на грозное для противника по быстроте наступление нельзя. Севернее Полесья, в виду нашей бедности артиллерией, мы не можем развить широкого и опасного для противника удара. На французском фронте атака против немцев идет медленно. Совокупность этого позволяет противнику собрать свободные силы и бросить их против румын, что угрожает обходом нашего левого фланга и вторжением в наши южные губернии. У Германштадта [2]) румынский корпус потерпел уже крупную неудачу. План неприятеля еще не определился. Наиболее опасным является сосредоточение сильной ударной группы на фронте Карлсбург—Сас-Реген и нанесение удара через проходы Гимеш и Ойтос на фронт Аджуд—Фокшаны. Обстановка требует от нас готовности к перемене группировки для энергичного противодействия наиболее опасному маневру противника.

Брусилов соглашался, что препятствием к энергичному наступлению 9. армии является ее слабость и растяжка на 240 верст [3]), но увеличивать эту армию за свой счет все-таки не хотел.

Результат от этого обмена мнений получился обычный, а именно, столь зловредное не только в военном деле, но и во всяком другом компромиссное соглашение.

Алексеев отдал директиву [4]), которой Юго-Западному фронту разрешалось развивать совершаемую операцию, но

[1]) № 5091. Там же, д. № 428.
[2]) Схема 26.
[3]) 19/IX № 3318. Там же.
[4]) От 21/IX № 5139. Там же.

указывалось быть готовым своими средствами усилить 9. армию, чтобы придать ее действиям решительный характер и овладеть соответствующим участком Карпат. Впрочем, вместе с этим Алексеев принимал меры к направлению в Черновцы, т. е. в район 9. армии, корпусов из других фронтов.

В ответ на это Брусилов приказал Особой и 8. армиям энергично развивать начатую операцию, обещая по окончании ее вывести в резерв три корпуса [1]).

Таким образом, уступки последовали с обеих сторон.

В то время, когда под Владимир-Волынским и Ковелем Гурко делал перегруппировки для нанесения нового удара немцам, положение в Румынии все усложнялось. Это, с одной стороны, вызвало перекидывание штаба 8. армии из Луцка на Карпаты для облегчения там управления [2]), а с другой,—настойчивые требования Ставкой от Брусилова определенного плана его там действий [3]), и усиления 9. армии [4]).

Румыны решили, под впечатлением постигших их неудач, свои армии сосредоточить более к югу и, таким образом, промежуток между 9. русской и румынской армией Презано на фронте Дорна-Ватра—Чик-Середа оказался очень слабо занятым, и румынская главная квартира просила о направлении двух русских корпусов через Алаг-Топлицу на Быстрицу. Такое движение с нанесением удара на Быстрицу с юга обеспечивало бы возможность и 9. армии овладеть

---

[1]) 22/IX № 3370. Там же.

[2]) Кроме указанной в тексте причины перевода штаба 8. армии на Карпаты, была и другая, которая, пожалуй, была ближе сердцу Брусилова. Она, в виду постоянных несогласий между Брусиловым и Калединым, состояла в удалении Каледина на пассивный участок фронта, чтобы операцию под Ковелем объединить в руках одного Гурко.

„Ведение наступательной операции на Владимиро-Волынском направлении двумя командармами, телеграфировал Брусилов Алексееву 23 сент. № 3378 (д. № 447), несмотря на принимаемые мною меры, в результате не дает достаточного единодушия и равной степени энергии.

Приписывая это отчасти разнице в характере обоих командармов, я полагаю, что дело значительно выиграет от сосредоточения управления в одних руках, причем считаю ген. Гурко по своим качествам и познаниям вполне способным справиться с этой задачей".

[3]) №№ 5310, 5 X 21 и др. Там же, д. № 447.

[4]) 22/IX № 5142. Там же.

проходами и перейти Карпаты [1]), но оно возлагало на русские войска ту работу, которая была неотъемлемым правом и обязанностью наших румынских союзников.

Но как только Алексеев выразил принципиальное согласие протянуть наш левый фланг на юг до линии Бростени-Алаг-Топлица—Сас-Реген, для чего направил сюда три корпуса (XXVI., XXXVI и IV. Сиб.), как румыны начали требовать, чтобы мы сменили всю армию Презано [2]). Это непомерное требование, поддержанное сообщенными румынами сведениями о сосредоточении новых свежих сил противника у Сас-Регена [3]), встретило все-таки сильный отпор со стороны Алексеева.

Последовавший вслед за этим разгром тремя немецкими дивизиями 2. румынской армии, прикрывавшей весьма важное для нас направление Аджуд-Фокшаны, не только расширял нашу задачу на Карпатах, но и повел Алексеева по ложному пути предположений, что немцы решили наносить главный удар румынам в Трансильвании, тогда как они готовили его уже в Добрудже.

Тем временем Лечицкий решил после прибытия к нему XXVI. корпуса перейти всем фронтом в наступление, поставив корпусам следующие задачи: XI. овладеть перевалом Корошмезо и наступать на Сигет; XXII. овладеть перевалом Шибени и развить успех на Рушполяну; XVIII. овладеть хребтом Прислоп и наступать на Борша; XXVI. овладеть Кирлибаба и развивать успех на Быстриц; III. конному с приданными ему 64. и 103 дивизиям атаковать противника в направлении на Иоганешти, откуда развивать успех в тыл Дорна-Ватра на Подукоени—Быстриц. Таким образом, в направлении Быстриц должны были наступать четыре пехотных и три кавалерийских дивизии. С прибытием же ожидаемого IV. Сиб. корпуса, который Лечицкий предполагал развернуть к югу от Дорна-Ватра, силы, направляемые на Быстриц, увеличивались еще на две пехотных дивизии [4]).

Не успели эти предположения привестись в исполнение, как на Карпаты прибыл Штаб 8. армии, которая полу-

---

1) Алексеев Главкоюз. 22/IX № 3042. Там же.
2) Алекс. ген. Коандо. 27/IX № 5256. Там же.
3) Ген. Ильеско. 25/IX № 1693. Там же.
4) 20/IX № 3236 и 24/IX № 3346. Там же, д. № 330.

чила участок между 7. и 9. армиями и которой из 9. армии были переданы XI., XII. и XXIII. корпуса [1]). Таким образом, задачи, возлагаемые до сих пор на Лечицкого, впредь распределялись между ним и Калединым.

С другой стороны, в этот же день 14. румынская дивизия, прикрывавшая левый фланг Лечицкого, открыла его, отойдя в район Гангул-Гольдьеш. Против образовавшегося открытого промежутка было обнаружено около 5 пехотных полков противника с артиллерией. Лечицкому пришлось сделать перегруппировку и растянуть свой фронт для того, чтобы прикрыть ведущее ему в тыл шоссе Бростени—Фельтичени [2]).

В таком положении находилась 9. армия, уменьшенная на три корпуса, выделенные в 8. армию, и увеличенная незначительною частью румын полк. Корнеску, случайно оставшейся на нашем левом фланге и вошедшей в подчинение командиру III. кон. корпуса.

От армии в составе 5. пех. и 3. кав. дивизий, развернутых на фронте в 70 верст, требовалось вести операцию в двух направлениях: на Кирлибаба и на Дорна-Ватра. При таких условиях Лечицкий просил разрешения отказаться от атаки Дорна-Ватра, чтобы все усилия своей небольшой армии направить для наступления на Кирлибаба [3]). Ходатайство Лечицкого было удовлетворено Брусиловым, который разрешил ему атаковать 6 (19) октября частями XVIII. и XXVI. корпусов в общем направлении на Кирлибаба с тем, чтобы потом развить успех в тыл Дорна-Ватра с севера. Прибывающему XXXVI. корпусу надлежало совместно с III. конным корпусом сменить румынские войска Презано, примерно на фронте Ватра—Алаг-Топлица. IV. Сиб. корпус сосредоточивался в Пятра [4]).

Алексеева не удовлетворило такое решение фронта, которое приводило к тому, что каждый новый корпус пристраивался плечом к плечу к соседу и обрекался на лобовые атаки горных позиций. Он считал более выгодным собрать новые корпуса на месте 14. румынской дивизии, а

---

[1]) 30 сентября (13 октября).

[2]) Его донесен. 1/IX № 3433. Там же д. № 330.

[3]) 30/IX № 3428. Там же.

[4]) Дон. Клембовского 1/X № 3493. Там же д. № 447.

V. Сибирский направить по железной дороге на Бакеу-Пьятра. Такая группировка наиболее выгодно комбинировала бы операцию 9. армии, оказывала бы лучшую поддержку румынам и создавала бы угрозу тем немецким силам, которые атаковали вторую румынскую армию [1]). Алексеев при этом вновь повторяет свою просьбу, чтобы фронт определенно установил план операции 9. армии [2]).

Но не дождавшись этого плана от фронта, Алексеев в директиве от 2 (15) октября [3]) принимает отчасти на себя функции фронта.

Румынская армия действительно находилась в тяжелом положении не потому, что на нее давили в Трансильвании большие силы австро-германцев, которые свой главный удар готовили в направлении с юга, а по своей беспомощности. На Трансильванском фронте они были отброшены к горным проходам на самой границе. По мнению Алексеева, центр тяжести событий временно перемещался в Румынию. Мы должны были сохранить ее и ее армию и вместе с тем обеспечить собственные южные губернии.

Поэтому в район Роман—Бакеу—Пьятра были направлены по одному корпусу с Северного и Западного фронтов и дивизия из Добруджи. Брусилову также было приказано, в зависимости от исхода сражения у Стохода, усилить одним корпусом 9. армию, куда, кроме этого, немедленно отправить 2. кав. дивизию, и частями по его усмотрению 8. армию.

9. армии, в состав которой была включена 14. румынская дивизия, указывалось прикрыть открытый промежуток между своим левым флангом и правым флангом Северной румынской армии. По мере же сосредоточения прибывающих корпусов сгруппировать свои силы на фронте Дорна-Ватра—Окна для последующей атаки противника, сообразуясь с обстановкой того времени, когда соберется главная часть армии.

Таким образом, вся русская 9. армия пошла на обслуживание нашего румынского союзника, а за ней, как увидим ниже, последуют и другие. Так отзывалась на нашей страте-

---

[1]) Алекс. Клембовск. 1/X № 5310. Там же.
[2]) 1/X № 5321. Там же.
[3]) № 5345. Там же.

гической работе неправильная оценка сил Румынии и соответственного использования ее союза, что последовательно влекло наши силы в бездонную пропасть румынского мешка.

Обратимся вновь к оставленной нами Особой армии Гурко, в которую, после перевода управления 8. армии на Карпаты были включены также все корпуса этой последней. Для удобства управления Гурко подразделил свою армию на две группы корпусов, северную и южную, оставив ударные, центральные корпуса в своем непосредственном распоряжении.

Надо отдать справедливость Гурко, что из всех командующих армиями он проявил в достижении поставленной себе цели наибольшую настойчивость, умение руководить войсками, быстроту перегруппировки и изысканий новых способов борьбы за прорыв укрепленных полос. В этом отношении подробный разбор действий его под Стоходом интересен не только в стратегическом, но и в тактическом отношениях.

Первый удар Гурко на Ковель не удался; он ищет новых путей, делает массу перегруппировок, собирает в кулак свежие части, рассчитывая нанести новый удар. Гурко требует последовательно продвижения корпусов до атаки вплотную к неприятелю, чтобы подойти к нему на 50 и ближе шагов и все время держать его в ожидании атаки. Он требует всегда и везде особой энергии, особенно в ближнем лесном бою, где должны быть использованы все технические средства. Указывая для сближения с противником начать, между прочим, и подземную войну, командующий Особой армией говорит, что постепенную атаку он понимает как неуклонное, постоянное и возможно быстрое продвижение вперед, не только сапой и траншеями, но и открытыми боями [1]).

Мне могут заметить, что не было ни одного командующего армией, а особенно главнокомандующего фронтом, который не отдавал бы целой массы подобных руководящих

---

[1]) 25/IX № 3841. Там же д. № 337.

приказов. Совершенно верно, но указания Гурко я привожу потому, что они прочувствованы им самим, а поэтому жизненны, коротки, отвечали потребностям минуты, исполнимы на практике и за ними стояла воля сознающего их пользу решительного командира.

Фактически эти приказания привели к упорным, ежедневным кровопролитным боям отдельных корпусов и дивизий без общей связи и без решительного результата.

Так, 25 сентября (7 октября) удачной атакой продвинулась вперед 102. дивизия XXV. корпуса и заняла первую линию неприятельских окопов; туркестанская дивизия, прорвавши две линии противника, должна была от больших потерь отойти в исходное положение. Остальные части корпуса дошли только до проволоки, т.-е. вернее ничего не сделали [1]).

1 (14) октября гвард. стрелки взорвали минные галлереи противника, увенчали воронки и заняли первую линию его окопов, которую удерживали, несмотря на самые жестокие контр-атаки врага. В тот же день было удачное продвижение на участке I. гвард. корпуса, когда был захвачен неприятельский окоп и включен в наш плацдарм. Это собственно наиболее крупные успехи за целую неделю. Все эти бои, поиски и схватки сопровождались непрерывным огневым состязанием не только орудий дальнего боя, но и ближнего, а также борьбой в воздухе и минной войной.

1 (14) октября Гурко приказал ударным корпусам (XXV., I. Турк., I. арм., II. и I. гвард.) начать артиллерийскую подготовку предстоящей общей атаки с тем, чтобы закончить эту подготовку в течение двух дней [2]). Подготовку надлежало вести так, чтобы временными перерывами и усилением огня вводить неприятеля в заблуждение относительно времени начала нашей атаки и держать его все время под угрозой таковой. Фланговые группы корпусов должны были подготовить артиллерийским огнем широкие демонстративные действия. Одновременно с артиллерийской подготовкой было указано тем корпусам, которые ведут на лесных участках сближение с неприятелем ближним боем,

---

[1]) Ежедн. донесен. Там же д. № 206.
[2]) Директива 1/X, № 4004. Там же д. № 337.

продолжать энергично и возможно крупными скачками сближение, чтобы ко времени окончания артиллерийской подготовки подойти вплотную к неприятелю и быть готовым атаковать его на всем фронте.

Ближайшей целью предстоящей атаки ставилось овладение неприятельскими позициями первой полосы на фронте Зубильно—Корытница и развитие удара в направлении на Оздютичи [1]).

Северной группе корпусов надлежало привлечь на себя внимание расположенных против нее неприятельских резервов активными действиями на избранных участках своего фронта; XXV. корпусу [2]) овладеть Затурценским укрепленным плацдармом и лесом к западу от кол. Липинов; I. Туркестанскому, сменившему XXXIV. корпус—высотами перед его фронтом; I. армейскому, занявшему участок XL. корпуса,—высотой и западной опушкой большого леса, что севернее Шельвов; II. гвардейскому продолжать начатое овладение квадратным лесом, а I. гвардейскому ему в этом содействовать. Южной группе корпусов удерживать активными действиями неприятеля против себя. XXV. корпус должен был начать атаку по указанию своего корпусного командира, а I. Турк. и I. арм. по особому приказанию Гурко [3]).

Артиллерийская подготовка, по донесению корпусов, шла успешно при деятельном корректировании аэропланов. Неприятель отвечал очень энергично. О силе его артиллерии можно судить по тому, что аэропланами обнаружено на фронте только одного XXV. корпуса 16 батарей.

Но многие данные давали право заключить, что ко времени окончания артиллерийской подготовки неприятельский огонь ничуть не был ослаблен. Так разведчики XXV. и I. Турк. корпусов, выдвинутые для разведки сделанных проходов, были встречены сильным заградительным огнем. В I. арм. корпусе, несмотря на это, части, продолжая сближаться и преодолевая упорное сопротивление противника, дошли уже к вечеру 2 (15) октября во многих местах до его проволочных заграждений.

---

[1]) Схема № 2а.

[2]) Схема № 6.

[3]) Директива 1/X № 4026. Там же.

Утром 3 (16) числа части XXV. корпуса все-таки пошли в атаку. Встреченные сильным огнем, полки 2. Турк. стр. дивизии уже к $7^1/_2$ час. отошли в свои окопы. В 8 час. они пошли второй раз в атаку и две роты 6. полка ворвались в сильно укрепленный узел у юго-восточной оконечности Зубильно, где и начали закрепляться в неприятельских окопах. Части 102. дивизии также заняли первую линию окопов, но контр-атакой были выбиты. Со 125 дивизией случилось то же самое. На левом фланге Туркестанского корпуса шла упорная борьба за обладание передовыми окопами; нам удалось местами проникнуть за первую полосу неприятельских заграждений и там закрепиться. Во всех остальных корпусах шли упорные бои местного характера, наиболее удачные в 53. див. XXXIX. корпуса и 15. див. VIII. корпуса, где удалось продвинуться вперед и закрепиться [1]). Таков был в общем результат первого дня наступления, легшего всей своей тяжестью преимущественно на XXV. корпус.

На 4 (17) Гурко приказал этому корпусу продолжать атаку, направив к нему 80. дивизию для смены ею наиболее пострадавшей 2. Турк дивизии [2]).

Результаты боя 4 (17) октября свелись в общем к ряду контр-атак немцев и к упорным безрезультатным боям на тех же местах, и только Люблинский полк захватил редут юго-западнее Корытницского леса, а во II. гвард. корпусе завладели одним окопом в квадратном лесу.

5 (18) октября немцы произвели ряд контр-атак, поддержанных газовыми атаками на многих участках и в особенности на выдвинувшемся участке 53. дивизии и в квадратном лесу во II. гвард. корпусе. После действительно геройского многочасового боя, в течение которого занятые нами накануне укрепления переходили из рук в руки, нам удалось большую их часть удержать в своих руках.

На четвертый день стало ясно, что это пятое наступление в Ковельском направлении (Каледина, Каледина и Безобразова, оба под руководством Брусилова, Безобразова Леша, под руководством Эверта, которое, впрочем, не

---

[1]) Ежедн. донес. Там же д. № 206.
[2]) 3/X № 4090. Там же д. № 337.

состоялось, Гурко и Каледина и одного Гурко, оба вновь под руководством Брусилова) также потерпело неудачу. Казалось бы самым правильным отказаться от него, чего требовала сложившаяся обстановка на юге и чего так определенно желала Ставка в том размере, в каком по характеру Алексеева она могла настоять на своем решении.

Но Гурко, который, на основании приведенных выше документов, является безусловным инициатором последнего периода боев под Ковелем, не захотел так просто отказаться от своей неудавшейся идеи, и он поставил ее в новую плоскость. Из широкой наступательной операции он обратил ее в демонстрацию, но с той же затратой живой силы, какая была сосредоточена на Ковельском направлении и для нанесения на нем главного удара.

Мысль Гурко, основанная на неполучившем еще широкого распространения принципе брать врага тактическим измором, последовательным уменьшением его живой силы, настолько интересна, что я не решаюсь передать ее в сжатом виде, а приведу почти без сокращения в том виде, как она изложена в докладе его Брусилову [1] на запрос этого последнего рассчитывает ли Гурко на решительное поражение врага, так как только одно продвижение вперед на несколько верст не представит существенных выгод [2].

В соответствии с указанной армии задачей, пишет Гурко, разгрома живой силы неприятеля преимущественно перед захватом пространства, я продолжал атаковать противника на указанном мне направлении, приказав на остальном фронте вести сближение с ним. В настоящее время корпуса армии подошли непосредственно к проволочным заграждениям неприятеля, а местами захватили даже небольшие участки первой линии его укреплений. Ряд серьезных контр-атак, которые неприятель вел последние три дня, указывал, что он придает значение нашему продвижению, стараясь нас отбросить в исходное положение и неся при этом серьезные потери. Поэтому изменение характера наших действий в сторону ослабления активности

---

[1]) От 6/X № 4190. Там же д. № 337.

[2]) От 5/X № 3582. Там же д. № 390.

безусловно отзовется на напряжении боя и освободит некоторые части противника от ожидания нашей атаки. Происходящие ныне бои, большею частью рукопашного характера, конечно отзываются на войсках и их прекращение ослабит то напряжение, в котором некоторые корпуса армии находятся почти месяц.

Однако, прекращение боев заставит меня отвести войска из ныне занимаемого положения в исходное, так как сближение с неприятелем, отвечая нашей активности и постоянной готовности атаковать, не соответствует требованиям упорной обороны при условии, что число корпусов в армии после перехода к обороне будет уменьшено.

Отходом в исходное положение и даже одним прекращением активных действий намерения армии будут достаточно выяснены неприятелю, который поэтому получит необходимую ему свободу действий.

Рассчитываю, что неуклонное, последовательное продвижение вперед должно постепенно истощать неприятеля, требуя от него постоянных жертв и напряжения нервов.

Конечно, я могу продолжать такую операцию с необходимым напряжением до тех пор, пока буду получать пополнение людьми, орудиями и снарядами.

Вывод новых корпусов из состава армии отразится лишь в отдаленном будущем на усилении активного левого фланга фронта [1]) и, напротив, даст неприятелю возможность, взамен практикуемого ныне способа выдергивания с фронта отдельных полков, перебрасывать более крупные соединения. Поэтому, пишет Гурко, я считаю вредным не только прекращение активных действий на фронте Особой армии, но и какое бы то ни было, даже самое ничтожное их ослабление. Считаю совершенно необходимым усилить активные действия по всему фронту армии, так как только при этом условии неприятель не сможет снять чего-либо с фронта, но будет даже вынужден подтянуть к угрожаемому району свежие части.

Гурко резюмировал свой доклад таким образом:

---

[1]) Гурко подразумевал длительную перевозку по железным дорогам.

1) Ручаться за успех в районе армии в смысле широкого и решительного продвижения вперед он не мог и 2) прекращение операции Особой армии считал для общего положения на фронте вредным.

Взгляд безусловно интересный, на котором исследователям опыта мировой войны придется остановиться. Вообще в бою атакующий всегда несет бо́льшие потери, чем обороняющийся, а тем паче при атаке укрепленной позиции. Живую силу врага атакующий уничтожает во время использования своей победы, когда он сторицей возмещает те лишние потери, которые понес во время атаки.

Но атаковать в лоб, при нынешних средствах обороны и без надежды на использование победы и только с целью уничтожения живой силы противника,—это тот способ, который, по всей вероятности, повел к бо́льшим русским, чем немецким жертвам. Не даром же немцы, воспитанные в духе инициативы, спокойно сидели в 1916 году в своих окопах, ожидая, пока мы полезем уничтожать их живую силу, чтобы после нашего расстройства переходить к контрударам и с избытком возмещать свои потери русскими жертвами.

Остается вопрос о демонстрации, и в этом отношении Гурко прав. Чем больше войск дано на демонстрацию, тем она лучше. Но эту роскошь навряд ли может себе позволить какая бы то ни было армия, так как при таких условиях она окажется слабой на пункте главного удара. Хороший прием для уменьшения числа войск демонстрирующих, это—возмещение их искусством вождя.

Самый важный аргумент Гурко заключался в медленности перекидки войск из Особой армии на левый фланг, следствием чего был бесполезный прогул корпусов. Но если бы усиление одной армии на счет другой чаще производилось при помощи рокировки, то эта медленность на много уменьшилась бы.

Доклад Гурко встретил сочувствие в высшем командовании. Верховный Главнокомандующий признал справедливость общих соображений[1]), а Брусилов „в виду вновь изменившейся обстановки, приказал продолжать выполнение

---

[1]) Алексеев Брусилову 7/X № 5435. Там же д. № 447.

прежней задачи и произвести намеченную на 10—11 (23—24) октября атаку"[1]). В виду этого Брусилов даже временно отложил свое намерение усилить 8. армию одним корпусом для наступления на Сигет[2]).

Следующую атаку Гурко решил произвести по тому же плану, по которому была произведена предыдущая, почему повторять его я не буду. К тому же и самая атака была отменена. В виду требования об отправлении перед началом атаки XL. корпуса на другой фронт, Гурко от операции отказался, что вполне одобрил и Брусилов.

Особая армия начала восстанавливать нормальную организацию корпусов и постепенно перешла к зимнему затишью.

Брусиловский весенний прорыв, от которого так много ожидали и который вызвал такой под'ем настроения в России, разбился о ковельский орешек, не изменивши к лучшему стратегического положения русского фронта. Традиционная судьба русского народа вытаскивать каштаны из огня для других не оставила его и в летнюю кампанию 1916 года. Она принесла больше пользы нашим союзникам, чем нам.

Прежде, чем переходить к описанию действий 9. армии, куда поздней осенью этого года сосредоточивалось особое внимание Ставки, остановимся на кратком изложении событий в 11. и 7. армиях, не вошедших в стратегический очерк Клембовского.

Директивой Брусилова от 1 (14) сентября[3]) на 11. армию, усиленную III. Кавказ. корпусом, и на 7. армию, усиленную VII. Сибирск. корпусом, было возложено наступление на Львов, при чем 7. армия должна была попутно с этим овладеть Галичем.

Командующий 11. армией (Сахаров) возложил активную задачу на XVII. корпус, включив в него дивизии VII. корпуса (13 и 34) и 7 дружин ополченцев. Остальные четыре корпуса (XLV., XXXII., V. Сиб. и VI.) исполняли задачи демон-

---

[1]) Клембовский Гурко 7/X № 3613. Там же д. № 390.
[2]) Брусилов Алексееву 8/X № 4614. Там же д. № 447.
[3]) № 3099. Там же д. № 390.

стративные, во образе „производства попыток“ к переправам и к наступлению, и только левый фланг V. Сиб. корпуса должен был содействовать атакующей группе. III. Кав. корпус был оставлен в армейском резерве. Главный удар должен был наноситься на фронт Перепельники—Волчковце [1]. Техническое руководство артиллерией ударной группы было возложено на инспектора артиллерии, которому надлежало действовать „по соглашению“ с командиром XVII. корпуса, т.-е. лицом, фактически руководившим на месте всей активной частью операции армии.

Атака назначена была на 3 (16) сентября и артиллерийская подготовка в этот день должна была быть сопутствуема артиллерийским огнем по всему фронту [2].

В этой директиве много материала для размышлений. И количество войск для удара (2 корпуса из 7.), и включение в ударную группу, при обилии в армии полевых дивизий, ополченских бригад, и направление в ударную группу дивизий VII. корпуса (13. и 34.) без корпусного управления, и, наконец, соглашательное использование артиллерии ударной группы—все это для пытливых исследователей даст много материала совместно с аккомпанементом „артиллерийского огня по всему фронту“ при общем недостатке у нас снарядов и необходимости расходовать их не для аккомпанимента, а для реальных потребностей войны.

Не мудрено, что уже 5 (18) числа Клембовский запрашивал Сахарова, каков его план дальнейших действий, так как неприятель последовательно снимал с фронта 11. армии свои силы и перекидывал их на фронт соседних армий, а безрезультатные атаки Сахарова немцев не беспокоили. От него требовались более энергичные активные действия [3]. Сахаров на эти указания ответил директивой от 8 (21) сентября, почти слово в слово повторяющей предыдущую [4].

К 11 (24) сентября для Сахарова выяснились неудачи его атак, почему он решил выбрать другое направление для удара армии. При только-что бывшем ударе он направлял его на Злочев и на фронте пяти верст двумя корпусами;

[1]) Схема № 2а.

[2]) Директива Сахарова от 2/IX № 137. Там же д. № 329.

[3]) Клембовск. Сахарову 5/IX № 3169. Там же д. № 390.

[4]) № 140. Там же д. № 329.

теперь он решил направить удар на Буск на фронте Сыданувка—Ясенов—Пеняки протяжением свыше 20 верст и тоже двумя корпусами (XXXII. и V. Сиб.). Остальные корпуса получали чисто пассивные задачи, за исключением правофлангового (XLV), который должен был оказать активную поддержку атакующей группе [1]).

Во время этой атаки 17 (30) сентября был некоторый успех в V. Сиб. корпусе, но уже на следующий день немецкие контр-атаки заставили наши войска вернуться в исходное положение. Сахаров решил повторить 21 сентября (4 октября) атаку V. Сиб. корпусом, которому поставлена задача восстановить утраченное после последних контр-атак положение. XXXII. и XVII. корпуса должны оказывать ему содействие [2]). Через два дня после этой директивы Сахаров 23 (6) числа делает новую перегруппировку для нанесения удара на левом фланге армий [3]) VI. и частями VII. корпуса. Атака предполагалась 2 (15) октября [4]). И эта атака, кроме боев за передовые окопы, ничего реального не дала. Около 8 (21) октября 11. армия перешла к активной обороне и с этих пор и на всю зиму на фронте армии настало затишье, которое не нарушалось чем-нибудь заслуживающим внимания.

7. армии директивой Брусилова от 1 (14) сентября было указано, как известно, наступление совместно с 11. армией на Львов и попутное овладение Галичем.

Щербачев, командующий 7. армией, предвосхитил мысль фронта и отдал приказ об атаке района Галича 26 августа (8 сентября). Целью атаки было поставлено занятие более выгодного исходного положении для дальнейших действий. Производство удара возлагалось на XXXIII. корпус (из двух дивизий), которому было приказано овладеть районом Галич—Сельце. Остальные четыре пехотных корпуса (XVI., II., XXII. и XLI.) фактически должны были исполнять пассивные задачи [5]).

---

[1]) Дир. 11/IX № 144. Там же.
[2]) Дирек. 19/IX № 148. Там же.
[3]) Дир. № 152. Там же.
[4]) Дир. № 153. Там же.
[5]) Дир. 26/VIII № 103538. Там же д. № 329.

Но через два дня эта директива уже изменяется. В виду прибытия в состав армии VII. Сиб. корпуса и приказания главнокомандующего перейти в наступление всей армией, Щербачев ставит себе новую задачу, а именно разбить сосредоточенным ударом противника в районе Потуторы—Свистельники, и в зависимости от этого указывает корпусам соответствующую перегруппировку [1]).

На следующий день задача армии ставится шире—она должна разбить противника в районе Бжезаны—Рогатин—Большовце. При этом армии указывался довольно сложный маневр атаки тремя корпусами (XVI., II. и XXXIII.) на фронте, примерно, Бжезаны—Свистельники (точно Сарнки—Средне, которых на схеме нет) и далее развитие наступления захождением левым плечом вперед на фронт Бжезаны—Рогатин (примерно). VII. Сиб. корпус пока оставался в резерве армии, а остальные корпуса получали на своих участках демонстративные задачи [2]).

Но не успели мы перейти в наступление, как 3—4 (16—17) сентября германцы сами атаковали нас в районе Свистельники и потеснили XXXIII. корпус. Пришлось передать этому корпусу 12. Сибирскую дивизию для восстановления здесь положения энергичной контр-атакой [3]).

В виду больших потерь XXXIII. корпуса (свыше 50%, а в офицерском составе до 80%) пришлось ввести в дело последний резерв—VII. Сиб. корпус. Щербачев просил Брусилова придать ему III. Кавк. корпус, чтобы присоединить его к VII. Сиб. корпусу и возобновить этой новой ударной группой наступление через 6—7 дней [4]).

Получив просимый корпус, командующий 7. армией решил наносить удар III. Кавк. и частями XVI. и II. корпусов в район Брзежан [5]). Наступление XVI. корпуса, первоначально успешное, закончилось отходом в исходное положение. Была произведена новая перегруппировка корпусов и решено после откладываний по разным причинам повто-

---

1) Дир. 28/VIII № 103556. Там же д. № 487.
2) Дир. 28/VIII № 103567. Там же.
3) 4/IX № 103641. Там же.
4) Дон. Брусилову 5/IX № 103656. Там же.
5) Дир. 7/IX № 103688 Там же.

рить атаку в том же направлении III. Кавк. корпусом усиленным частями XXII. корпуса.

Не покончив с Бжезанским направлением, Щербачев уже 16 (29) сентября[1]) делает новую перегруппировку для нанесения мощного удара на Рогатинском направлении.

На этот раз в боях 17 (30) и 18 сентября (1 октября) части XVI. корпуса имели значительный местный успех в районе к северу от Потуторы, завладели этим пунктом и захватили до 4 тысяч пленных. На фронте же III. Кавк. и II. арм. корпусов реального успеха не было.

Весь конец сентября на фронте 7. армии прошел в попытках к сближению с противником, перемежавшихся с решительными контр-атаками неприятеля. Наконец, 2 (15) октября армия после артиллерийской подготовки вновь перешла в наступление своим правым флангом. Наиболее удачным было наступление XXII. корпуса в районе Свистельники. Здесь бои продолжались целую неделю и сосредоточились за обладание Свистельниковской рощей. Все наши первоначальные успехи, в конце-концов, парировались более многочисленной и мощной неприятельской артиллерией, которая покровительствовала ряду большею частью удачных контр-атак противника. В результате всех этих боев мы не только должны были уступить те небольшие участки неприятельских окопов, которые мы захватили, но принуждены были очистить и наши плацдармы западного берега р. Нараювки, сосредоточив свою оборону на восточном ее берегу[2]).

Это краткое описание действий 7. армии закончим мнением Алексеева о том, какую цель старались достигнуть немцы на фронте этой армии.

„Характер действий неприятеля,—писал Алексеев Брусилову[3]),—на фронте 7. армии показывает, что противник стремится добиться более выгодных сильных позиций, чтобы иметь возможность иметь резервы для румынского театра“.

Около 10 (23) октября 7. армия так же, как и остальные армии Юго-Западного фронта, за исключением лево-

[1]) № 103806. Там же.
[2]) Ежедн. донесен. Там же д. № 206.
[3]) От 7/X № 5435. Там же д. № 447.

флантовых, перешла к активной обороне и этим собственно кончилась на ее фронте кампания 1916 года.

Я подробно остановился на боевых наступательных распоряжениях в сентябрьских и октябрьских операциях армий, действовавших на Ковельском и Владимиро-Волынском направлениях; в кратких чертах затронул их в 7. и 11. армиях, не дававших собственно за этот период материала для стратегического обозрения.

Невольно во всех действиях и распоряжениях проглядывает много однообразного по духу, по форме и, к сожалению, по результатам. К тому же указанное однообразие сильно отличается от тех образцов, на изучении которых выросло и воспитывалось уже отходящее в вечность поколение военных деятелей.

Это обстоятельство заставляет, мне кажется, задуматься над вопросами тактического характера в современном бою, хотя бы за укрепленные полосы. И если армию, как это весьма часто выливалось на практике в течение мировой войны, принять за высший организм, который может вести бой для выполнения одного тактического задания, то описанные выше действия заставляют много о них подумать. Здесь замечается не работа отдельных личностей в направлении, соответствующем взгляду их ума и характера, а известная система, по которой действовал целый ряд лиц, выдвинутых на высшие командные должности.

Указанное выше однообразие характеризуется: 1) выбором для главных ударов пунктов, имеющих местное тактическое значение и игнорирование стратегически важных; 2) желанием быть сравнительно сильным по всему фронту, а потому сосредоточением на избранном направлении сравнительно не столь больших сил, как это можно было бы сделать; 3) повторением атак через такие промежутки времени, которые дают возможность обороняющемуся принять меры к их отражению; 4) демонстрированием по всему фронту и почти исключительно в виде излюбленной активной обороны и коротких ударов; 5) стеснением высшим командованием в выборе средств для выполнения поставленной цели даже таких высоких строевых начальников, как корпусные командиры, и многим другим.

Можно отметить еще один общий для всей кампании 1916 года факт. Немцы сравнительно очень редко сами начинали атаки наших укрепленных полос. Они большей частью переносили центр тяжести своих боев на контр-атаки, предоставляя инициативу нам или же атакуя нас вскоре после нашего неудачного наступления. Даже недостаток их живой силы не мог, благодаря многочисленной и могучей артиллерии, служить для них препятствием для проявления инициативы, хотя бы с целью демонстраций. Но они, воспитанные в духе самой широкой наступательной инициативы, почти совсем не прибегали к ней. Не следует ли видеть в этом акта умышленного, в виде установления принципа выжидать атаки укрепленных полос противником и постройки всей операции на контр-атаках, которые при удаче разовьются в большую наступательную операцию?

ГЛАВА IV.

Октябрьские и ноябрьские бои 9. армии. Северный фронт с августа 1916 г. по январь 1917 г. Западный фронт. Его бездеятельность и проекты для действий в будущем. Заключение о кампании 1916 года.

Перебрасываясь опять в район 9. армии, мы подходим ко времени начала румынской катастрофы.

Напомню читателю, что мы оставили эту армию в тот период, когда Алексеев своей директивой от 2 (15) октября[1]) дал ей задачу прикрыть совместно с подчиняемой Лечицкому 14. румынской дивизией открытый промежуток между своим левым флангом и правым флангом Северной румынской армии. Когда же сосредоточиваемые русские корпуса соберутся в район Пьятра—Роман—Бакеу [2]) то Лечицкому надлежало сгруппировать свои силы на фронте Дорна-Ватра—Окна для атаки противника в направлении, которое укажет складывающаяся в то время обстановка.

Это был тот период, когда и русская Ставка, и румынская главная квартира находились под влиянием искусного нажима немцев на Трансильванскую армию румын, повлекшего за собой быстрый отход этих последних к своим границам и обнажение левого фланга нашей 9. армии. Ставка опасалась прорыва здесь немцев и выхода их на пути отступления 9. армии и русского корпуса в Добрудже. Это опасение заставило принять самые экстренные меры для помощи румынам в Трансильвании, ослабляя для этого даже отряд в Добрудже.

Между тем немцы, сбившие в Трансильвании румын, направили все свои усилия для обхода левого фланга Ле-

---

[1]) См. стр. 97.

[2]) Схема № 2б.

чицкого, на том участке, откуда ушли румынские войска и который был спешно занят удлинившими свой фронт кавалерийскими частями III. кон. корпуса. Результатом таких мер с обеих сторон был ряд столкновений между 3 и 10 (16 и 23) октября в районе Дорна - Ватра—Гора Грасулюй, приведших к тому, что наша кавалерия не только с успехом прикрыла открытый промежуток и вошла в связь с румынами, но и задержала дальнейшее продвижение немцев. Казалось бы, что один тот факт, что русская кавалерия легко задержала во встречном бою в горах ожидаемый прорыв немцев на наши пути сообщения, мог бы заставить подумать Ставку, что наш энергичный противник здесь только демонстрирует и готовит удар на румын с другой стороны, но предвзятая идея о Трансильванской опасности еще давила Ставку, и мы получили Добруджанскую неудачу.

Немцы, заставив искусными своими действиями на правом фланге румын оттянуть туда значительную часть русских и румынских войск с Добруджанского фронта, сосредоточили там 14 болгаро-германо-турецких дивизий и 6 (19) октября перешли в решительное наступление на фронт Констанца—Черноводы.

Четыре дня интернациональная Добруджанская армия, состоявшая из румынских дивизий, сербской добровольческой дивизии из австрийских пленных и двух русских дивизий, второочередной и ополченской, боролась за удержание линии Констанца—Черноводы и на пятый день уступила Констанцу. К ней были направлены резервы, шедшие к Лечицкому (IV. Сиб. корпус), но они застряли на румынских дорогах, и армия принуждена была оставить Черноводы и отойти на два перехода на север, чтобы выйти из тесного соприкосновения с противником.

Это, наконец, заставило Ставку обратить должное внимание на Добруджу. Сюда прежде всего для спасения положения был отправлен по выбору Брусилова командующий 11. армией Сахаров, для которого формировалась сильная Дунайская армия, непосредственно подчиненная Верховному Главнокомандующему

Но вслед за Добруджанской неудачей разразилась другая, более грандиозная, а именно—удар нашего противника на центр Румынии, занятие им Бухареста и отход ру-

мынской армии на север. На это наша Ставка ответила образованием Румынского фронта с тем же Сахаровым в роли ответственного помощника Главнокомандующего и посылкой сюда целой массы русских войск, из которых к Лечицкому попало очень мало.

Короче, немцы перепутали нам все карты и сделали на дальнейший период кампании Румынский фронт объектом всех надежд, вожделений и опасений русской Ставки[1]).

Таков был общий фон, на котором происходили операции 8. и 9. армий поздней осенью 1916 года.

Мне невольно приходится опять затронуть отчасти Румынский фронт, настолько тесно связаны с ним операции 9. армии.

6 (19) октября Лечицкий представил Алексееву подробный доклад о плане предстоящих действий, который я и приведу здесь в извлечении[2]).

Группировка противника на Трансильванском фронте по данным румынской главной квартиры обрисовывалась так: на фронте от Дорна-Ватра до долины Ойтос (180 в.) сосредоточено 6 пех. и $3^{1}/_{2}$ кав. дивизий; на Бухарестском направлении, от долины Бузео до Кронштадта—Кимполунг (100 в.) 7 пех., преимущественно германских, дивизий силою в 80 бат.; на фронте Ротентурнский перевал—Орсово 3—4 смешанных группы, всего около 3 дивизий.

Из этой группировки Лечицкий заключал, что противник сосредоточивает главную ударную группу на Бухарестском направлении, стягивая туда части с западного участка Трансильванского фронта и обеспечивая операцию оттеснением Северной румынской армии на восток.

В зависимости от этого Лечицкий предлагал разбить группу противника, прикрывающую неприятеля с востока, и нажать на тыл и сообщения его сил, действующих в направлении на Бухарест. Это последнее было особенно важно потому, что все пути сообщения противника имели направление с запада на восток и только в долине Мароша соеди-

---

1) Румынский фронт входит в особый стратегический очерк, поэтому я по существу не касаюсь описания происшедших там событий.

2) № 3544. Там же д. № 330.

нялись одной общей линией, идущей на юг. Фронтальное же наступление прямо на запад не могло, по мнению Лечицкого, оказать существенного влияния на операцию главной группы противника.

Исходя из изложенного, Лечицкий предлагал разбить восточную группу противника и, отбросив ее в горы к западу от долины Мароша, развивать удар в юго-западном направлении через Чик-Середу. Поэтому развертывание всех сил, предназначенных в 9. армию, было бы, по мнению Лечицкого, желательно произвести следующим образом: два пехотных, 5 кавалерийский корпуса и 3. стр. дивизию развернуть в долинах Татроша (Тротуш) и Узы для наступления на фронт Чикракош, Кашон-Уйфалу; два пехотных корпуса развернуть между долинами Быстрицы и Бекаша для наступления с 14 румынской дивизией на фронт р. Быстрицы-Миклош. Одновременно Северная румынская армия должна сосредоточиться южнее для наступления совместно с 9. армией на Кезди-Вашаргель.

Из всего высшего командного состава Лечицкий один правильно оценил обстановку и верно указал конечный пункт главного удара развертывающейся операции.

Бои в Добрудже временно приостановили наступление 9. армии, так как корпуса, в нее предназначенные, начали перекидывать в Добруджу.

В первых числах (середина) октября в состав 9. армии подошел XXVI. корпус, который занял участок между XVIII. и III. конным корпусами, дав возможность этому последнему сдвинуться влево и, как мы видели, закрыть образовавшийся промежуток между 9. армией и румынами и приостановить здесь наступление неприятеля. XVIII. корпус с его участком был одновременно передан из 9. в 8. армию.

Как только 12 (25) октября обнаружилось ослабление сил противника перед левым флангом армии Лечицкого, он тотчас же решил перейти в частичное наступление III. конным корпусом и 14. румынской дивизией [1]). Однако, это наступление пришлось отменить, так как румыны решили увести с этого направления и последнюю свою дивизию [2]).

[1]) Директ. № 3664. Там же д. № 330.

[2]) Дир. Лечицкого 13/X № 3679. Там же д. № 207.

Так что в 9. армии на фронте 170 верст оставалось только три пехотных (XXI., II. XXXVI.) и два кавалерийских (III. и V.) корпуса.

На поддержку армии были направлены еще XXIV. и XL. корпуса, но определенное время прибытия этих корпусов было трудно установить.

Тем не менее Брусилов приказал Лечицкому, в виду все той же обстановки на румынском фронте, возможно скорее и не позже 25 (7) перейти в наступление, так как румыны, по его мнению, не могут продержаться на занимаемых позициях более 10 дней [1]).

Лечицкий считал переход в наступление в указанный определенный срок нецелесообразным, так как из обещанных корпусов едва ли успеет к этому времени прибыть только одна головная дивизия. При указанном выше соотношении длины фронта к числу войск Лечицкий мог образовать ударную группу на более важном Топлицком направлении только из одного слабого XXXVI. корпуса. При таких условиях армия, разумеется, не могла нанести такого сильного удара, как при полном ее сосредоточении, и заставить противника оттянуть часть своих сил с Бухарестского направления [2]).

Предположенное скороспелое наступление на этот раз не состоялось. Начали готовиться к наступательной операции по сосредоточении XXIV. и XL. корпусов.

На фронте IX. армии имелись следующие более или менее удобные районы для наступления: 1) в направлении на Дорна-Ватра, шириною около 45 верст, 2) на фронте Борсек-Бекаш, около 30 верст, и 3) в направлении Чик-Середа, около 40 верст. Все остальное пространство гор, покрытых густыми лесами без дорог, было трудно доступно. Лечицкий предполагал сосредоточить на Дорна-Ватренском направлении, где противник, в случае своего успеха, мог угрожать сообщениям 8. и 9. армий, 80 батальонов (II., XXVI. корпуса и 103 дивизия), которым ставилось задачей привлечь наступлением на Дорна-Ватра внимание противника и не дать ему возможности перебрасывать отсюда силы на

---

1) Брус. Лечицк. 15/X № 3716. Там же д. № 390.

2) Дон. Лечицк. 17/X № 3742. Там же д. № 330.

южные направления. На фронт Топлица-Миклош должны были наступать 32 батальона XXXVI. корпуса. Между этими двумя группами предполагалось двинуть на Бельбор III. конный корпус с целью обеспечения их флангов. Южную группу составляли XXIV и XL. корпуса, которые наступали на Чик-Середа и далее на юго-запад с целью способствовать наступлению румын на Кезди-Вашаргель. V. конный корпус предполагалось первоначально держать за правым флангом южной группы, чтобы потом бросить его на сообщения противника [1]).

Таким образом Лечицкий намеревался выполнить тот свой план, который у него созрел, как мы видели, еще 6 (19) октября. Предположения командующего 9. армии были утверждены Алексеевым и наступление должно было начаться 1 (14) ноября [2]). Одновременно с 9. армией предполагалось также начать наступление русской 8. и румынской Северной армиями.

8. армии было приказано при этом перейти в наступление левым флангом. С этой целью XVIII. корпус был усилен тремя полками 84. дивизии и тяжелой артиллерией и должен был овладеть хребтом Прислоп и Кирлибаба. Остальные корпуса армии должны были ему содействовать производством усиленных разведок, поддержанных сомкнутыми частями и артиллерией.

В случае успешного развития наступления XVIII. корпуса, XXIII. корпус, стоявший правее, также начинал наступление своим левым флангом. В армейском резерве оставались два полка пехоты и две кавалерийские дивизии [3]).

1 (14) ноября предполагаемое наступление состояться не могло, так как к этому времени не только два обещанных корпуса не могли сосредоточиться, но даже и один из них. Благодаря этому, атаку для облегчения румын можно было начать только 15 (28) ноября.

Лечицкий решил наносить главный удар на Чик-Середа. Ближайшей целью армии ставилось овладение районами

---

[1]) Дон. Лечицк. 20/X № 3803. Там же.
[2]) Тел. Алексеева 22/X № 5766. Там же д. № 447.
[3]) Приказ Каледина 26/X № 176. Там же д. № 489.

Дорна-Ватра — Дитро — Чик-Середа. Во исполнение этого XXVI. и II. корпуса наступают на Дорна-Ватру, которую XXVI. корпус обходит с севера; III. конный корпус наступает на Бельбор, поддерживая связь между II. и XXXVI. корпусами; этот последний наступает на Дитро; V. конному корпусу перейти в долину Тротуш и содействовать наступлению левофланговой группы армии, поддерживая тесную связь между XXXVI. и XXIV. корпусами; XXIV и XL. корпусам перейти в наступление в общем направлении на Чик-Середа, имея дальнейшей целью войти в долину Ольты [1]). В резерве Лечицкого оставались сборная дивизия пехоты и подходивший по жел. дороге VIII. корпус.

Одновременно с 9. армией 7. армия для отвлечения противника должна была атаковать Галич, что впоследствии было отменено, 8. атаковать на этот раз на всем своем фронте, нанося попрежнему главный удар левым флангом XVIII. корпуса, и румынская армия на Кезди-Вашаргель.

С 15 (28) ноября начались наши атаки по всему фронту 8. и 9. армий, примерно, от Ворохта на севере до Окна на юге.

В 8. армии горячие бои продолжались несколько дней, а в 9. они непрерывно тянулись весь ноябрь. Всюду войска наши имели некоторый тактический успех, выразившийся захватом ближайших высот и населенных пунктов, при чем более энергичное продвижение было на левом фланге 9. армии во вновь подошедших XXIV, и XL. корпусах, примерно, на фронте Путна—р. Уза. Но потом противник перешел в ряд энергичных контр-атак и бои свелись к борьбе за отдельные высоты, которые переходили из рук в руки. При этом войсками выказывалось много подвигов мужества и выносливости при борьбе в самой ужасной обстановке горной войны в зимний ее период, было захвачено много трофеев и пленных, но были понесены и большие потери [2]). Стратегического же успеха нам ноябрьское наступление вновь не дало. Мы не завладели даже ближайшими объектами действий: Кирлибаба, Дорна-Ватра, Дитро и Чик-Середа. Нам приходилось утешаться тем, что на этот раз мы оттянули на себя войска от румын, как сделали это в

[1]) Директ. X/61 № 4021 и № 14/XI 1484. Там же д. № 330.

[2]) Ежедн. донесения. Там же д. № 544.

августе 1914 года по отношению к французам и в июле 1916 г. по отношению к итальянцам. По сознанию самих немцев, Лечицкий на целый месяц отдалил падение Бухареста и оттеснение румын на север.

Людендорф в своих мемуарах [1]) высказывает бывшее у немцев опасение при объявлении Румынией войны, что русские и румыны тотчас же начнут энергичное и совместное наступление в Венгерскую долину. Но для этого, по его мнению, требовалась переброска через Карпаты очень больших русских сил.

Румыны должны были энергичным наступлением на пункты сосредоточения австро-германских войск открыть для русских Карпатские проходы, но они сделали противоположное. Они не воспользовались, при своем неумении вести большую войну, благоприятными обстоятельствами, которые им все время представлялись, благодаря постоянному уклонению войск противника к Днестру и на Карпаты. Они продвигались невероятно тихо вперед и „каждый день, пишет Людендорф, означал для нас победу".

Русские также, по его мнению, действовали нецелесообразно, разбиваясь все время на недоступных Карпатах, вместо того, чтобы через Молдавию ударить в открытый фланг противника.

2 (15) декабря 9. армия последней из всех армий перешла к активной обороне, так как, в виду отсутствия в армии свежих резервов, невозможно было ожидать удачного ее продвижения вперед. Направленный сюда VIII. корпус получил иное назначение, а именно двинуться на помощь румынам в южном направлении. При этом Лечицкому приказано было образовать за его левым флангом возможно сильный резерв, который обеспечивал бы последнему полную устойчивость. В случае глубокого отхода румын и Дунайской армии на приготовленную для них позицию Онешти—Фокшаны—Браилов, 9. армии приказывалось соответственно загнуть свой левый фланг у Онешти для стыка с этой последней [2]).

---

[1]) Стр. 221.

[2]) Дир. Брусил. 1/XII № 4352. Там же д. № 390.

Приостановка Лечицким наступательных операций и опасное для противника положение левого фланга 9. армии в его операциях против румын заставили немцев сосредоточить значительные силы в направлении на Окна и повести здесь энергичное наступление.

Успех в этом направлении вел к прорыву противника между 9. армией и румынами и к выходу на пути сообщений наших войск.

С 13 (26) декабря левый фланг нашего XL. корпуса подвергался настойчивым атакам превосходного в силах противника, который со стороны долины Ойтоса и соседних старался пробиться в долину Серета. Недельные бои здесь были так ожесточенны, что 14. дивизия понесла 50% потерь. Лечицкий, не имея резервов, все-таки очень удачно маневрировал здесь и, растянув соседний XXVI. корпус, который также подвергался энергичным атакам противника, сумел вывести с его фронта бригаду 2. стр. дивизии, которую к 20 декабря (2 января) сосредоточил в Окна для производства с этой стороны контр-удара против немцев [1]). Такими мерами опасность прорыва была устранена.

Тем временем русские войска со всех фронтов направлялись в Румынию для того, чтобы остановить быстро распространяющегося здесь противника и, по возможности, спасти Бухарест от неминуемого его захвата. Но русские войска застревали на русских и, в особенности, на румынских железных дорогах; пришлось часть войск и особенно кавалерию отправлять походным порядком в самую неприглядную ноябрьскую погоду.

Из прибывших в Румынию русских войск были к этому времени сформированы уже две армии, 4. и Дунайская, кроме которых имелось еще четыре кавалерийских дивизии, в армии не вошедшие.

Обилие направленных в Румынию русских войск, перемешанных на всех направлениях с румынскими, выдвинуло вопрос о более правильном управлении этими смешанными войсками. С этой целью был сформирован Румынский фронт с королем румынским во главе и с ответственным его помощником в лице Сахарова. В этот фронт были вклю-

[1]) Сахаров Наштаверху 20/XII № 886. Там же д. № 449.

чены 4. и Дунайская армии, четыре кавалерийские дивизии и румынские войска [1]). 21 декабря (3 января) Румынскому фронту была передана и 9. армия, взамен которой в состав Юго-Западного фронта вновь перешла Особая армия.

Операции 1916 года к Югу от Полесья закончились.

Фактически за вторую свою половину (август—декабрь) они вылились в бесплодные атаки на Ковельском и Владимиро-Волынском направлениях, в топтании на месте 11. и 7. армий и в тяжелой горной войне сначала одной 9., а потом и 8. армий в Лесистых Карпатах, приведшей к продвижению на каких-нибудь 10—20 верст на фронт Рафаилов—Ворохта—Кирлибаба—Дорна-Ватра (оба исключительно) и в удлинении здесь нашего фронта далее на юг на Путна и до долины р. Узы.

Реальные результаты всех этих трудов сводились только к упрочнению нашего положения на Карпатах и к установлению совместно с Румынским фронтом вновь одной сплошной линии укрепленной полосы от моря и до моря.

Прежде чем подвести общие итоги всей кампании 1916 года, надо хоть в кратких словах сказать о том, что же за этот период делали бездействующие Северный и Западный фронты.

Северный фронт мы оставили при вступлении вновь в командование им Рузского и при решении отменить предположенную операцию против Туккума, которая должна была быть произведенной совместно с десантной операцией в окрестностях Роена.

По условиям обстановки, выразившейся в тяготении всех наших сил и средств к югу от Полесья, сначала на Ковельское направление, потом на Карпаты, а еще позднее в Румынию, армии Северного фронта должны были ограничиться сохранением занимаемого ими положения, упрочнением его и экономией сил и средств для отправления их на юг. В этом духе Рузским и были отданы директивы от 21 и 26 августа (3 и 8 сентября) и 7 (20) сентября [2]).

[1]) Дир. Ставки 2/XII № 6684. Там же д. № 449.
[2]) №№ 7647, 7730 и 7954. Там же д. № 474.

Указав армиям улучшать свои укрепления и по мере их усовершенствования накоплять резервы, Рузский намечал фронту те частные задачи, выполнение которых по мере сил должно быть достигнуто армиями в период затишья. Эти задачи должны были быть соображены с общими целями фронта при грядущем наступлении, когда обстановка для оттеснения противника от Зап. Двины изменится в благоприятную для нас сторону.

12. армия, имея в будущем главнейшее операционное направление через Шавли на Тильзит [1]) должна была овладеть районом Митава—Бауск; 5. армия, развивая главный удар через Поневеж к Ковно, имела частной задачей овладеть районом Понемуни—Ракишки—Понемунек, и, наконец 1. армия овладевает районом Свенцяны, имея в виду наступление в общем направлении на Вилькомир. К директиве были приложены соображения начальника штаба фронта Данилова [2]), на основании которых Рузским был принят приведенный выше широкий план наступления отдаленного будущего.

Эта директива и стратегические соображения Данилова повели к очень интересному обмену мнений между Алексеевым и Даниловым, отчасти характеризующему область военного мышления двух фактических руководителей наших операций при верховном командовании Николая Николаевича и Николая II.

Алексеев [3]) видимо относился с недоверием к широкому полету стратегических мыслей, не основанному на оценке действительно сложившейся местной обстановки, которую определить даже по самым подробным картам нельзя. Такую оценку можно получить только при действительном ознакомлении с местностью, расположением противника и подступами к нему при различных условиях погоды и времени суток. Алексеев желал, чтобы подобная подготовительная работа штаба предшествовала широким стратегическим соображениям. Получился бы драгоцен. материал для решения практической задачи, что должны сделать в ближайший период войны армии фронта, рас-

[1]) Схема № 2а.

[2]) Бывший генерал-квартир. при Верх. Главн. Николае Николаевиче.

[3]) Его письмо к Данилову 27/IX № 5250/1946. Там же д. № 447.

сматриваемые не как почти независимые организмы, а как единая „большая" армия.

Эта „Северная большая армия", как называл ее Алексеев, была в то время совершенно лишена свободы стратегического маневрирования. Такая обстановка не позволяла ограничиваться только оценкой стратегического значения того или иного направления, так как прежде всего и важнее всего необходимо было вернуть фронту его стратегическую свободу. Для этого же надо было или прорвать или обойти неприятельскую позицию.

Таким образом, первой задачей армий фронта являлся тактический прорыв, для чего и нужно детальное изучение обстановки на месте, чтобы наметить слабые участки, которые совершенно не зависят от стратегических направлений, могущих быть очень важными, но позиции на них неодолимыми и наоборот. Доступный участок неприятельской позиции являлся, по мнению Алексеева, важнее трудно доступного, хотя бы и лежащего на главнейшем стратегическом направлении. В этом его поддерживал и пример французов, избравших на Сомме для удара именно такой участок.

При подобной более частной конкретной постановке задачи, основанной на детальном изучении армиями своих участков, самое задание выльется не в форму отдаленного достижения, „овладеть районом Митава—Бауск, а в форму непосредственного переименования тех укреплений и участков, которыми нужно овладеть для начала прорыва неприятельской позиции... Тогда только выяснится, как расчленить общую задачу на ряд частных предприятий и штурмов, быть может, отдаленных друг от друга некоторым промежутком времени... И, может быть, директива „большой армии" обратится почти в приказ, так как для удара будет намечен один участок и, вероятно, другой вспомогательный, демонстративный.

Только после резкого изменения общей обстановки путем первоначального прорыва, который несомненно повлечет за собой и изменение в распределении войск, вероятно, можно будет перейти к директиве для отдельных армий, которые уже теперь получили задания овладеть районами укрепленной местности 15—50 верст глубиной, причем все три района отстоят друг от друга на 100 верст.

Такие поручения непосильны одновременно даже для богато снабженных артиллерией и снарядами армий; нам же приходится думать о том, чтобы бедные средства собрать на избранном для удара участке.

Алексеев опасался, что армии, руководясь обширным заданием директивы, не будут в состоянии каждая в отдельности выполнить серьезное предприятие; напротив, одна задача для всего фронта окажется посильной, а сближение с противником на всем протяжении доступных для этого участков будет служить надлежащим средством для сокрытия действительных намерений.

Данилов [1]) с своей стороны думал, что при выборе направления для прорыва большая или меньшая доступность неприятельской позиции может иметь только относительное значение. Если наши союзники избрали участок для удара на Сомме только под влиянием соображения об его доступности, то они не учли той медленности, с которой впоследствии там развивались все серьезные операции и которая предоставляет в распоряжение обороны время вполне достаточное, чтобы фортификационно слабое обратить в трудно одолимое.

Отдельные задания, о которых говорил Алексеев, должны быть, по мнению Данилова, связаны общей стратегической мыслью. Местные условия должны быть учитываемы в том смысле, что под их влиянием возможен отказ от того или иного стратегически важного направления, но не более. Считаться же при выборе участка для прорыва прежде всего с его относительной доступностью, отодвигая на второй план значение прикрываемого им направления, Данилов считал нецелесообразным.

Опыт минувших операций с полной убедительностью говорит за то, что успехи наступающего ограничиваются не столько силой неприятельских укреплений, сколько трудностью удержать захваченное. Укрепления при умелой организации штурма и доблести войск с их начальниками нас не останавливали; цель же вопроса в настоящее время, как справедливо замечает Данилов, в разработке приемов противодействия артиллерии неприятеля и его контр-атакам.

---

[1]) Его письмо к Алексееву 30/IX № 8432/Б. Там же.

Итак, перед исследователями опыта мировой войны встает еще один вопрос: о пределах доминирования тактики над стратегией, выдвинутый сплошными укрепленными полосами, силою технических средств и весьма возможными преимуществами контр-атак перед атаками.

Так или иначе, но указания Алексеева были приняты к руководству штабом Северного фронта. На нем в конце декабря установилось полное затишье, прерванное только двумя незначительными столкновениями по инициативе противника у Можейки, что севернее Поставы, 22 октября (4 ноября), и на фронте 5. армии в борьбе за остров у д. Глаудано в декабре месяце. Но к концу года фронт задумал и более широкую операцию в Митавском направлении.

Рузский решил воспользоваться растянутым расположением противника, собрать против него численно превосходные силы и после короткой, но мощной артиллерийской подготовки прорвать внезапным ударом его расположение до подхода ближайших подкреплений.

Удар предполагалось направить на выдвинутую часть позиции противника на правом берегу р. Аа, севернее Лединга, которую мы охватывали и которую могли после замерзания реки и болот атаковать с трех сторон. Время атаки намечалось между 10—15 (23—28) декабря; в действительности состоялось 23 декабря (5 января) [1].

Выполнение операции было возложено на 12. армию Радко-Дмитриева, которому была поставлена задача [2]) атаковать противника на участке болото Тируль—Кагги—Нейн—лес Мангель—мз. Олай с целью сбить его с занимаемых позиций, прорвать расположение немцев и маневром в открытом поле отбросить за реку Эккау и Аа.

Соотношение сил между 12. армией и противостоящим ей неприятелем было всецело в нашу пользу. Радко-Дмитриев имел 184 батал. против 66, 51 эск. против 24, 529 лег. ор. против 218, 112 гаубиц против 50 и только в тяжелой артиллерии немцы превосходили его на 55 орудий (у немцев 300, у нас 245) [3]).

---

[1]) Дон. нач. шт. Сев. фр. 3/XII, № 9691/Б. Там же д. № 449.

[2]) Схема № 7.

[3]) Там же, д. № 703.

Возложенную на него задачу Радко-Дмитриев передал для исполнения войскам в виде очень сложного боевого приказа[1]), в котором по мелочам было расписано, что кому сделать не только в начале боя, но и во время развития его.

XLIII. корпусу (без двух полков 110. пех. дивизии) приказывалось прочно занимать участок фронта от берега моря до восточной окраины болота Тируль, обеспечивая правый фланг соседнего отряда. В ночь с 22 на 23 декабря (4—5 января) между 2 и 6 часами атаковать участок Бледенек—Катлап с целью приковать противника на фронте корпуса, а если возможно, то и захватить часть неприятельской позиции.

6. Особой бригаде, усиленной 440. пех. полком и особой артиллерийской группой, атаковать участок неприятельской позиции между восточным берегом Тирульского болота и левым берегом р. Аа с целью отбросить противника на юг захватить переправу у мз. Кальнцем и, заслонившись справа быть готовым действовать дальше в направлении на юг к Митаве по левому берегу р. Аа.

Начало решительных действий в 5 часов 23 декабря (5 января).

VI. Сибирскому корпусу, усиленному двумя латышскими стрелковыми бригадами, решительно атаковать противника на участке от кладбища Нейн до правого фланга II. Сиб. корпуса. Участок Нейн—Пулеметная Горка атаковать при содействии всей тяжелой артиллерии, после достаточной артиллерийской подготовки; позицией же противника к юго востоку от Пулеметной Горки попытаться овладеть решительной внезапной атакой, поддержанной заградительным огнем легкой и части тяжелой артиллерии. Начало атаки в 6 час. 23 декабря (5 января).

II. Сиб. корпусу, прочно удерживая участок от дв. Бумбер до р. Двины, собрать в районе мызы Гренгоф—Бумбер—Стурич группу не менее 16 батальонов, которую назвать Олайской группой. С началом действий VI. Сиб. корпуса эта группа подготовляет мощным артиллерийским огнем атаку неприятельской позиции по обе стороны Ми-

[1]) От 20/XII, № 10521/1. Там же д. № 493.

тавского шоссе. После прорыва VI. Сиб. корпуса в районе Мангель Олайская группа переходит в решительное наступление с целью облегчить маневр VI. Сиб. корпуса к Митаве, заслонить его левый фланг со стороны р. Миссы и согласовать свои действия с последним.

XXI. корпусу, расположенному по ту сторону Двины, прочно удерживать свои позиции и попытаться частичными активными действиями со стороны Икскюля или других пунктов приковать противника и не позволить ему перебрасывать свои силы к Митаве. Два пехотных полка выделить в армейский резерв, который, кроме указанных двух полков, составляли еще 438. пех. полк и 6 полков кавалерии.

В первый день боя, 23 декабря (5 января), части XLIII. корпуса прорвали проволочные заграждения севернее ф. Шмарден, и частью ворвались в окопы противника, частью залегли перед ними. Вследствие невозможности поражать противника артиллерийским огнем из-за лесистой местности, части XLIII. корпуса были отведены назад и начали укрепляться между немецкими и нашими окопами. Полки 6. Особой бригады были также остановлены неприятельским огнем, отбив, однако, контр-атаки противника. В VI. Сиб. корпусе 12. Сиб. полк овладел деревней у юго-западной оконечности оз. Бабит.

Наибольший успех в этот день имели левофланговые части ударных групп. Латышские бригады заняли два ряда немецких окопов в 6 верстах восточнее Кальнцем, отбив контр-атаки противника. После этого латыши двинулись дальше и, достигнув р. Аа, завладели позицией юго-восточнее д. Кальнцем. Части 14. Сиб. дивизии, действовавшей восточнее латышей, захватили три линии неприятельских окопов, но вечером под давлением неприятельской контратаки несколько отошли назад. 3. Сиб. дивизия захватила д. Нейн.

Немцы в свою очередь атаковали части II. Сиб. корпуса севернее Митавского шоссе. Атаки их были отбиты, но и нам не удалось здесь продвинуться вперед. Демонстрации XXI. корпуса в районе Икскюльского предмостного укрепления успеха не имели [1]).

---

[1]) Донесения. Там же д. № 258.

На 24 декабря (6 января) Радко-Дмитриев поставил армии задачу развивать успех, достигнутый у Мангеля.

Для этого из Олайской группы бригада была переکинута на поддержку VI. Сиб. корпусу; туда же из армейского резерва была направлена 4. казачья дивизия. В остальном план действий оставался без перемен [1]).

Но на следующий день атака была произведена только 6. Особой бригадой, и то неудачно. Остальные части перегруппировывались, приводились в порядок и удачно отбили все неприятельские контр-атаки.

25 декабря (7 января) XLIII. корпус и 6. Особая бригада вновь успеха в своих атаках не имели. Но зато успех развился в остальных частях VI. Сиб. корпуса. 11. и 12. Сиб. стр. полки овладели окопами противника к югу от западной оконечности оз. Бабит и, двинувшись далее, захватили деревню на правом берегу р. Аа, севернее Кальнцем. В то же время 16. и 53. Сиб. полки и латыши атаковали противника, занимавшего позицию южнее западной оконечности оз. Бабит, овладели тремя линиями окопов, отбив несколько контратак противника. Во всех боях южнее оз. Бабит было нами захвачено не менее 82 орудий и около 800 пленных.

Следующий день атакующие части провели в удачном отбитии неприятельских контр-атак. Задержка в дальнейшем наступлении вызвала направление в Ригу 38. дивизии из района 5. армии.

На 28 декабря (10 января) Радко-Дмитриев поставил армии ближайшей целью очистить правый берег р. Аа от мызы Кальнцем до Цальмараук, а со стороны Ронской дороги занять лес и линию корчма Лачен—Мурнек—Вирке. [2]) Упорные атаки, веденные при самых тяжелых условиях зимней стужи, привели только к захвату сильно укрепленной деревни к востоку от Калнцем и к отбитию всех атак противника. Очевидно, операция начала захлебываться.

Широкое развитие операции не входило в интересы Ставки, которая к тому же опасалась, что здесь будет растрепано несколько корпусов без значительных результатов. [3]).

---

[1]) Пр-з 12. арм. 23/XII, № 10614. Там же д. №493.

[2]) Прим. 27/XII № 10740. Там же д. № 493.

[3]) Нач. Шт. В. Гл. 27/XII № 7465. Там же д. № 449.

29 декабря (11 января) Радко-Дмитриев прекратил наступление, ограничиваясь достигнутым успехом, и приступил к закреплению на занятых рубежах. Весь успех операции сводился к занятию нами выдвинутого языка немецких укреплений, из которого они держали под огнем пути, проходящие к северу от Шлока.

Радко-Дмитриев мотивировал свою приостановку дальнейшего наступления не только утомлением войск, ведших многодневную операцию при самых ужасных климатических условиях, и отсутствием в дальнейшем свежих резервов, но и тем, что атака, успех которой был расчитан на внезапность, велась уже несколько дней в открытую.

Так кончилось самостоятельное выполнение Северным фронтом своей частной задачи, задуманной без связи с общей обстановкой и в разрез, как увидим ниже, с предположениями Ставки произвести короткие удары в феврале, когда каждое частное наступление приносило бы пользу общей работе всего союзного фронта.

Упомянем, что конечным результатом этого частичного наступления было стягивание сюда немецких резервов, которые через две недели, 11-13 (24-26) января атаковали VI. Сиб. корпус на занятых им позициях и принудили его отойти назад.

Западный фронт мы оставили в то время, когда Особую армию, в виду постоянного откладывания Эвертом наступления на Ковель, вновь передали для выполнения этой задачи Брусилову.

Весь дальнейший период кампании 1916 года у Эверта прошел под знаком столь зловредных на войне благих пожеланий и лучших намерений. И если Западный фронт дает мало материала для составления стратегического очерка, то он представляет большой вклад для практических разрешений многих тактических вопросов. Эверт очень много работал, очень много писал, учил, продуманно готовился к грядущим операциям, но на его фронте боевых столкновений совсем не было, кроме столкновений частного характера, вызванных исключительно или противником, или инициативой его подчиненных. Эверт хотел все предвидеть, все взвесить, итти наверняка и, упустив все возможности даже

частных наступательных попыток, упрочивал положение своей армии, не нанося никакого вреда противнику.

Не собравшись атаковать, когда у него была Особая армия, Ковеля, Эверт, как только его освободили от этой атаки, решил в данном случае по собственному почину помочь развивающейси к югу от Полесья наступательной операции.

Он решил перейти в наступление 15 (28) сентября на фронте 10. армии, атакуя тремя корпусами участок Вишневское озеро—Перевозы. Но как только Эверт получил на это согласие Алексеева, то наступательный его порыв иссяк и уже 14 (27) сентября он выражал сомнение в успехе задуманного предприятия [1]). Начались длительные переговоры с Алексеевым, из которых было ясно видно, что наступательное предприятие или не состоится, или не приведет при такой неуверенности к успеху, а потому Алексеев и поторопился отменить его [2]). Западный фронт после этого обратился исключительно в источник пополнения других фронтов и к нему иных требований не предъявлялось.

В дальнейшем на фронте произошло только одно сравнительно крупное столкновение, вызванное противником, который 28 октября (10 ноября) атаковал у Городище участок XXXV. корпуса и заставил его отойти с западного берега ручья на восточный и там закрепиться [3]).

Между тем ослабление Западного фронта путем выделения корпусов для усиления других фронтов дошло до больших пределов. К концу октября было всего выделено 356 батальонов и фронт общим протяжением в 485 верст оборонялся всего 30 дивизиями, т.-е. в среднем по 16 верст на дивизию.

Эверт признавал дальнейшее ослабление фронта опасным [4]).

Но если на фронте Эверта не было боев, то во всяком случае он усиленно подготовлял операцию, как в предвидении перенесения в будущем центра тяжести борьбы на

---

[1]) № 1505. Там же, д. № 428.

[2]) 14/IX № 4993 Там же.

[3]) Ежедн. дон. Там же, д. № 258

[4]) Пис. к Алекс. 25/X № 2515/1862 Там же, д. № 448.

Западный фронт, так и на случай выполнения частных задач отдельными армиями его фронта. В этом смысле за октябрь 1916 года имеются его задания армиям на оба случая. Я приведу их в кратких чертах.

На случай возложения на Западный фронт нанесения главного удара Эверт в течение зимы 1916-1917 годов вел подготовку по трем проектам. При этом во всех трех комбинациях он делил войска фронта на северную и южную армии, изменяя только их состав и задачи.

Первый вариант [1])—нанесение главного удара на Слонимском направлении. Северная армия, в составе 15 дивизий, разворачивается на фронте Боровые—Чвири и атакует противника десятью дивизиями с участка Алеевич—Чвири в общем направлении на Жировцы, имея ближайшей целью прорвать противника и овладеть Сталовичским узлом и верхним течением р. Мышанки. Южная армия, тоже в составе 15 дивизий, развертывается на фронте Чвири—Краглевичи и атакует противника 12-ю дивизиями на участке Чвири—Рудня в общем направлении на Косово, имея ближайшей целью прорвать расположение противника и овладеть Барановичским узлом и средним течением р. Мышанки. Армия должна содействовать главному удару вспомогательной атакой из района Хотяж на м. Кривошин.

Второй вариант—то же направление. Северная армия, силою в 12 дивизий, развернувшись на фронте Боровые—Войковичи, атакует противника 9-ю дивизиями на участке Цырин—Войковичи в общем направлении на Вензовец, имея ближайшей целью прорвать расположение противника и овладеть районом Валевка—ст. Молчадь. Южная армия, в составе 14 дивизий, развертывается на фронте Войковичи—Краглевичи и атакует противника 9-ю дивизиями на участке Войковичи—Одоховщина в общем направлении на Слоним, имея ближайшей целью прорвать расположение противника и овладеть районом ст. Молчадь—ст. Жеребиловка. Вспомогательный удар должен быть направлен из района Выгоноши—Краглевичи.

Третий вариант—нанесение главного удара на Виленском направлении. Северная армия, силою 16 дивизий,

---

[1]) Схема № 1а и 1б.

разворачивается на фронте озера Нароч—Крево и 11-ю дивизиями атакует противника на участке Кунава—Крево в общем направлении на Вильно, имея ближайшей целью прорвать расположение противника и овладеть районом Солы—Ошмяны. Кроме того, армия должна была содействовать нанесению главного удара вспомогательной атакой по крайней мере тремя дивизиями в районе к северу от м. Сморгонь. Южная армия, в составе 20 дивизий, развертывается на фронте Крево—Боровые и атакует противника 11-ю дивизиями на участке Крево—Качаны в общем направлении на Б. Солечники, имея ближайшей целью прорвать расположение противника и овладеть районом Ошмяны—Гражишки—Сурвелишки. Вспомогательные атаки должны были быть произведены 2—3 корпусами на Вишнев и 2—3 дивизиями в районе Бакшты [1]).

Армиям указывалось не только разработать по этим предположениям детальные проекты, но по утверждении их немедленно приступить к самой подробной подготовке операций в техническом отношении.

На случай необходимости нанесения частных ударов армиям также даны были задачи. Так, 10. армия должна была наносить удар или с участка севернее Сморгони 6—8 дивизиями, для овладения обоими берегами р. Вилии, или же в районе Бакшты 6—7 дивизиями, для образования широкого плацдарма на западном берегу р. Березины [2]). 2. армия должна была атаковать противника со стороны р. Шары в районе Слуцкого шоссе 6—8 дивизиями, или же в районе Выгонощи—Краглевичи 6—7 дивизиями с целью овладеть путями к Брестскому шоссе [3]). Задача 3. армии заключалась в переходе через р. Стоход, чтобы к весне оставить его болотистую долину позади нас [4]).

При таких условиях прошла в России кампания 1916 г., этого последнего в военном отношении для нее года империалистической войны. Лето следующего 1917 года русский

---

[1]) Предп. Эверта 27/X № 2578/1880, Там же, д. № 448.

[2]) 29/X № 2661, 1898. Там же.

[3]) 29/X № 2660, 1899. Там же.

[4]) 29/X № 2659, 1900. Там же.

народ собственно переживал уже горячку в борьбе за столь долго ожидаемую и, наконец, вырванную свободу. Жизненные интересы общей массы влекли ее к внутренним делам, для решения которых внешняя война служила только досадной помехой.

Деятели, ставшие вслед за свержением монархии временно и номинально у власти, не имели достаточного политического чутья, чтобы посмотреть прямо в глаза сложившимся обстоятельствам и отойти в сторону от борющейся Европы.

Война 1917 года, до принятия власти коммунистической партией, представляет из себя какое-то оригинальное смешение работы для развала армии одной рукой и направления ее другой для борьбы в поле с первоклассной армией нашего врага. Это уже была не война, а агония в неумелых руках Гучкова и Керенского, которые на своем примере ясно показали, что для того, чтобы быть военно-начальниками, надо, кроме желания, иметь и все то многочисленное, чем природа их не одарила.

В кампанию 1916 года Россия вступила в полном развитии живой силы своей армии и технических средств, насколько это было мыслимо при ее отсталости и неподготовленности в этом отношении. Правда, наши враги во всем, что касается техники, нас превосходили, но по сравнению с предшествовавшими 1914 и 1915 годами мы относительно не нуждались уже ни в патронах, ни в снарядах и имели полевой артиллерии не менее наших врагов. Сильный перевес в тяжелой артиллерии и в авиационных средствах попрежнему был не на нашей стороне.

Армия наша была на много многочисленнее противостоящего ей неприятеля, еще крепка духом и в летний период настроена наступательно. В отношении командного состава она находилась в худшем положении, чем в предшествовавшие годы, благодаря убыли большей части коренного командного состава и замены его молодым или мало подготовленным.

Высший командный состав также уже окончательно кристаллизовался и, казалось бы, имел время выдвинуть на наиболее ответственные посты все то лучшее, что соответствовало общему духу и понятиям тех немногих лиц, кото-

рым судьба вверила участь русского народа в небывалой в летописях истории мировой войне.

Но в 1916 году армии пришлось вести кампанию в оригинальной обстановке. Она в течение зимы 1915 года закопалась в землю на всем сухопутном пространстве своих границ, имея перед собой еще лучше закопавшегося врага. Армия, смело скажу, весной жаждала наступления, но для того, чтобы получить свободу маневрирования, ей приходилось прежде всего прорвать связывавшую ее цепь окопов во образе неприятельской укрепленной полосы.

Невольный трепет перед могуществом неприятельской тяжелой артиллерии и перед силой его укреплений незаметно притягивал все мысли руководителей военных операций к тому, чтобы этот первый акт грядущей наступательной операции был проделан без отказа. На тактику было обращено более внимания, чем на стратегию, и если читатель вспомнит приведенный выше обмен мнений между Алексеевым и Даниловым, то увидит, что этот взгляд пустил большие корни в русских военных верхах того времени.

Брусиловский прорыв действительно удался отлично, но, когда мы вышли в поле, когда мы сбили с себя оковы неприятельских укрепленных полос, когда нам надо было маневрировать, и мы встретились со злой волей противника в более разнообразных ее проявлениях, чем при прорыве, то стратегия отплатила за пренебрежение ею и привела нас к Ковельскому тупику.

Июнь—октябрь мы последовательно губили русскую военную силу под Ковелем. И здесь роль стратегии опять свелась почти к нулю. Мы пять раз били в одно место, варьируя больше лицами, а не комбинациями. Можно было рассчитывать на успех второго, может быть, третьего штурма после неудачи первого, но вести их пять на протяжении пяти месяцев, в течение которых противник мог из ничего построить целую крепость, и почти-что в одном и том же районе, это значит не жёлать воспользоваться всем театром военных действий, который всегда придет на помощь талантливому генералу.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы стратегия совершенно отсутствовала в мыслях высшего командования. На деле она

была в загоне и уступила первое место тактике, но на бумаге, напротив, стратегический размах замечается в широком масштабе. Достаточно вспомнить, что один Юго-Западный фронт преследовал одновременно три стратегических цели—Ковель, Львов и Мармарош-Сигет. Вопрос заключался в том, были ли мы достачно сильны, чтобы „сразу видеть много хороших вещей", и не повело ли это к тому, что мы не имели реального успеха ни на одном из направлений.

Следующей характерной чертой было отсутствие единоначалия, как в отношении всех совокупных союзных сил, так и в отношении русской армии. Первое являлось естественным последствием коалиционного условия ведения войны, но и это обстоятельство, казалось бы, нам давало возможность играть в коалиции более мощную роль и давить на нее своей волею, а не быть слугой посторонних интересов. В отношении русской Ставки в малом размере повторилось то же самое; здесь тоже как бы намечалась маленькая коалиция из начальника штаба Верховного Главнокомандующего и главнокомандующих фронтами.

Двойственное положение Алексеева, как только начальника штаба, а не вождя, и его не властный характер много этому способствовали. Если проштудировать всю переписку между Алексеевым и главнокомандующими, то можно притти к определенному убеждению, что воля главнокомандующих в большинстве доминировала над волей ответственного руководителя операций, который поучал, советовал, просил, приноравливался, но не повелевал. Эверт решил все время сидеть в окопах и в точности провел в жизнь свое решение; Брусилов признал необходимым итти равными силами по всему фронту и твердо провел это в жизнь. К худшему или к лучшему это повело, я судить не буду, но не отметить этого факта нельзя.

В августе месяце обстановка открыла нам новые горизонты, а именно—выступление на нашей стороне Румынии. Мы повели дело так, что не использовали ни одного плюса от этого нового союза и возложили на себя все его минусы, что в конце-концов привело нас к румынскому тупику.

Кампания 1916 года является у нас первым случаем борьбы за сплошные укрепленные полосы и в этом отношении она дала большой опыт и большую практику нашим

войскам. Мы имеем обширные материалы, основанные на собственном опыте, для атаки и обороны их, но стоим также и на опасном пути впасть в односторонние выводы, основанные на исключительной обстановке сплошных укрепленных полос.

1916 год дал нам в новом освещении вопрос об управлении войсками и в связи с этим вопрос о частной инициативе. Мною умышленно приведены образцы боевых распоряжений таких крупных лиц, как командующие армиями, из которых читатель увидит, как мы отклонились в сторону от принципа указывать своему подчиненному частную задачу, не вмешиваясь в средства для ее выполнения.

Мы встречаем в этом году несколько случаев группирования масс кавалерии со стратегическою целью и ни одного использования ее.

Отмечается частый успех контр-атак по сравнению с атаками и, может быть, как следствие этого, редкий в 1916 году переход немцев на нашем фронте в наступление даже для решения частных задач и, наоборот, упорные их контр-атаки, при помощи которых они не только возвращали утраченное, но и продвигались вперед.

Мы видим в большинстве геройскую работу войск, общее желание победы, вдумчивое отношение и командования и войск к поставленным им задачам, мы ведем кампанию 1916 года умудренными не только теоретическими познаниями, но и двухлетним боевым опытом, и в результате мало улучшаем свое стратегическое положение. Какой реальный плюс дал 1916 год для грядущей кампании 1917 года, кроме боевого опыта? Я боюсь, что никакого.

В чем же причина такого несоответствия между затраченными силами и энергией и достигнутыми результатами?

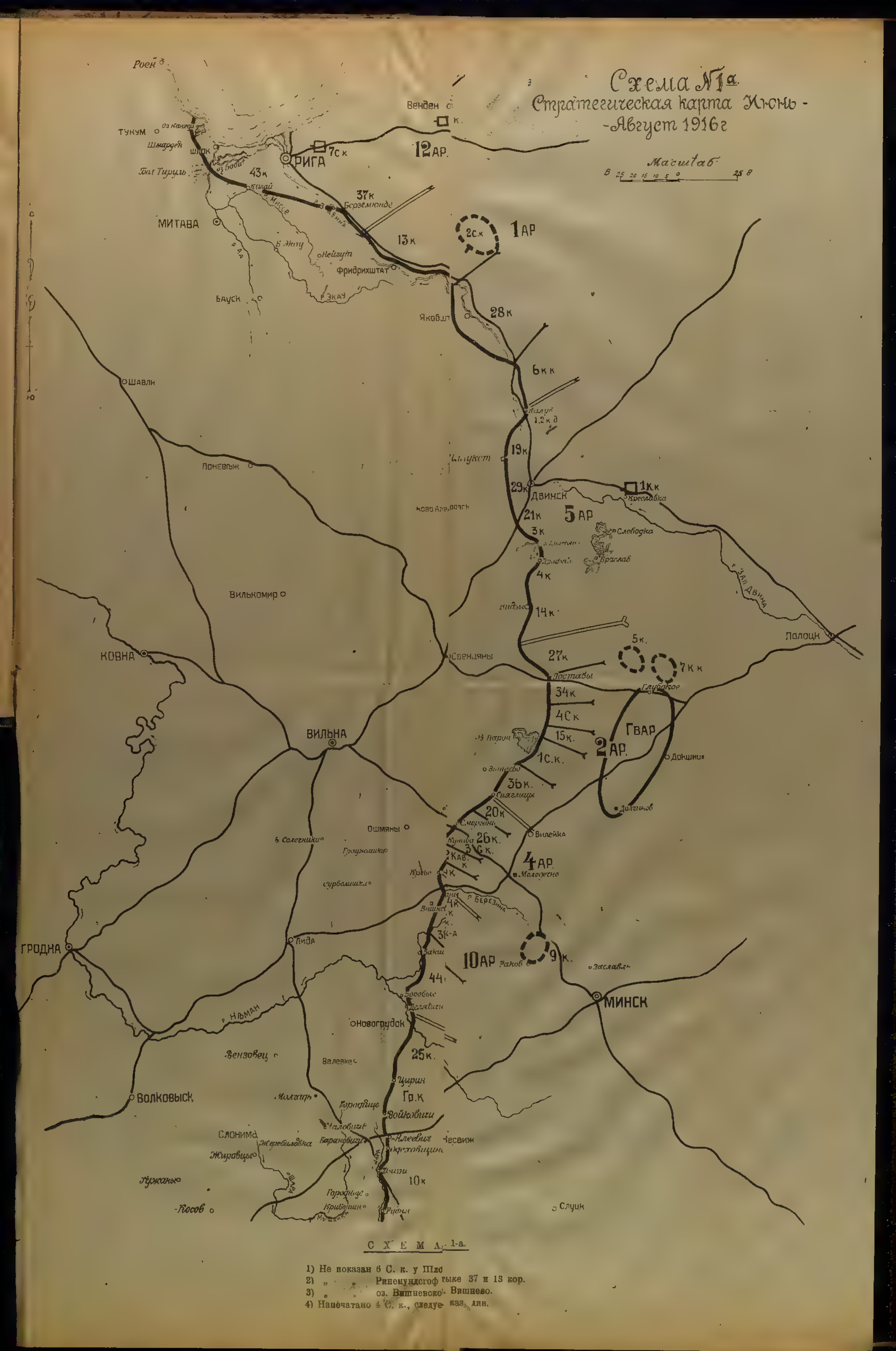
Не будем искать их в наших ошибках, которых не так много и которые не так велики по сравнению с достоинствами армии и ее вождей, а постараемся беспристрастно взглянуть на то, что было, и в изучении старого найти новые пути военного искусства, которые вывели бы войну из области доминирования техники на свободный простор господства военного таланта.

И это русскому народу надо иметь в виду более, чем какому-либо другому, так как в технике мы еще долго будем итти в тылу наших врагов.

Не техника должна повелевать искусством, а искусство должно подчинить себе технику, и в этом заключается очередная, скажу модным словом, ударная задача тех лиц, которые возьмут на себя труд исследования опыта последних войн.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Перечень Схем.

С Х Е М А 1-а.

1) Не показан 6 С. к. у Шло

2) „ „ Риненундсгоф тыке 37 и 13 кор.

3) „ „ оз. Вишневско Вишнево.

4) Напечатано 4 С. к., следуе каз. див.

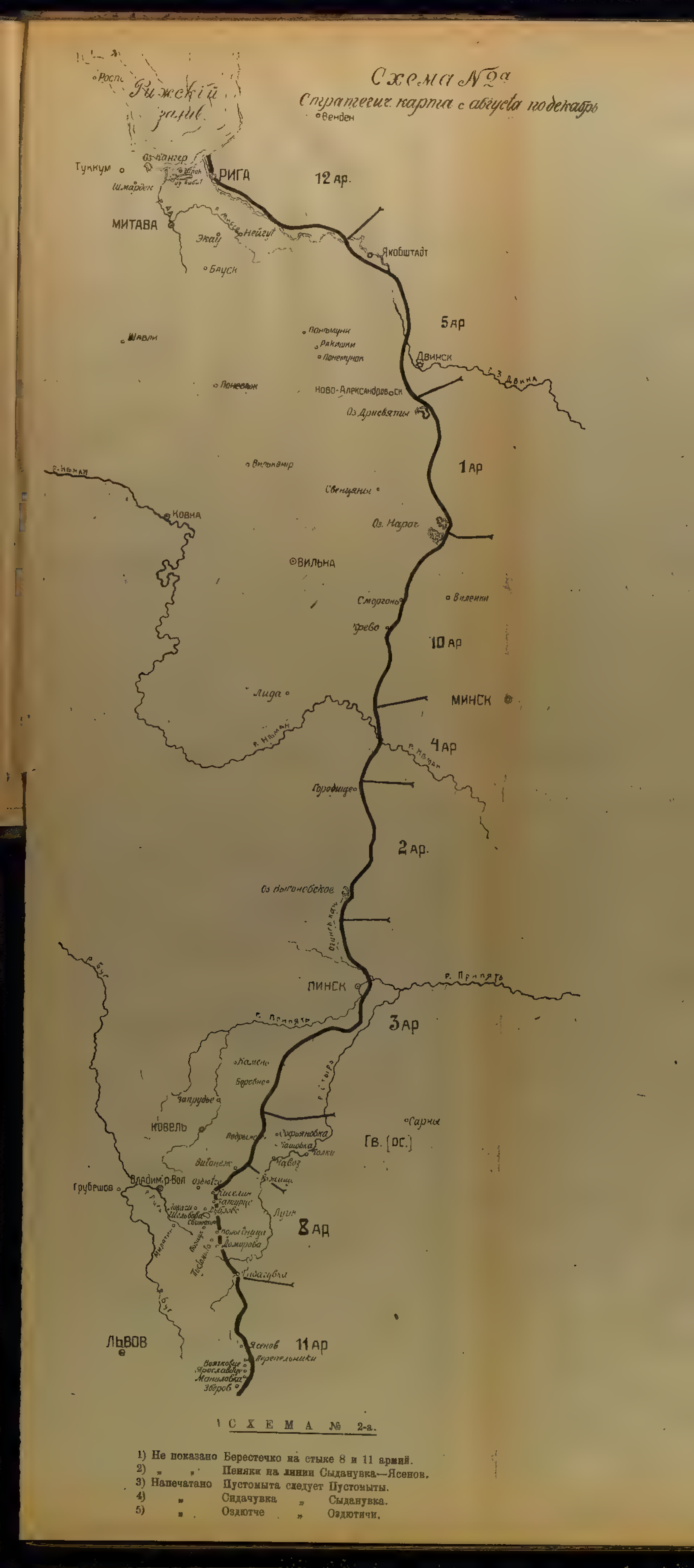

СХЕМА № 2-а.

1) Не показано Берестечко на стыке 8 и 11 армий.
2) " " Пеняки на линии Сыдануака—Ясенов.
3) Напечатано Пустомыта следует Пустомыты.
4) " Сидачувка " Сыданувка.
5) " Оздютче " Оздютичи.

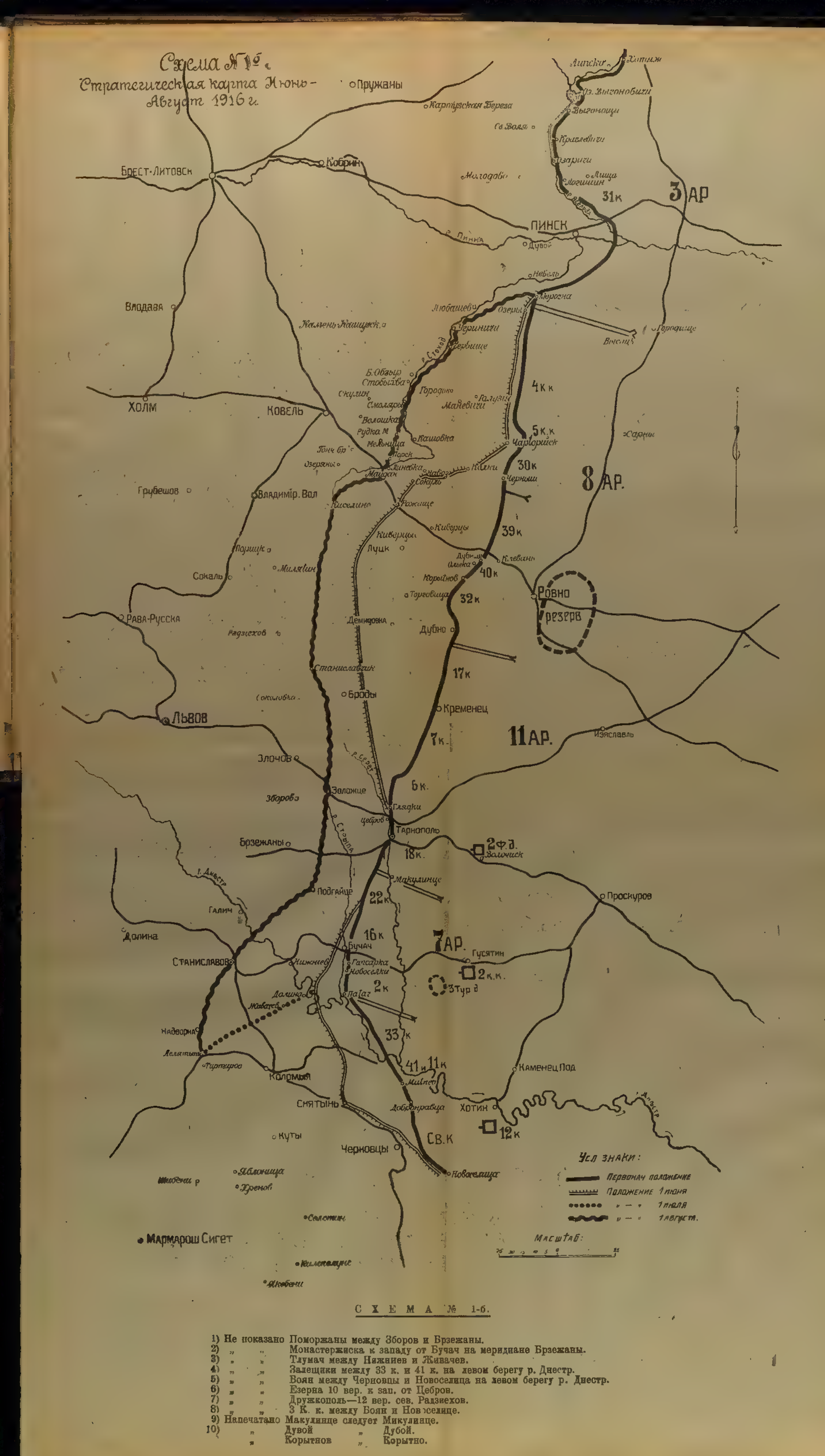

СХЕМА № 1-б.

1) Не показано Поморжаны между Зборов и Брзежаны.
2) " " Монастержиска к западу от Бучач на меридиане Брзежаны.
3) " " Тлумач между Нижниев и Живачев.
4) " " Залещики между 33 к. и 41 к. на левом берегу р. Днестр.
5) " " Воян между Черновцы и Новоселица на левом берегу р. Днестр.
6) " " Езерна 10 вер. к зап. от Цебров.
7) " " Дружкополь—12 вер. сев. Радзиехов.
8) " " 3 К. к. между Боян и Новоселице.
9) Напечатано Макулинце следует Микулинце.
10) " Дувой " Дубой.
" Корытнов " Корытно.

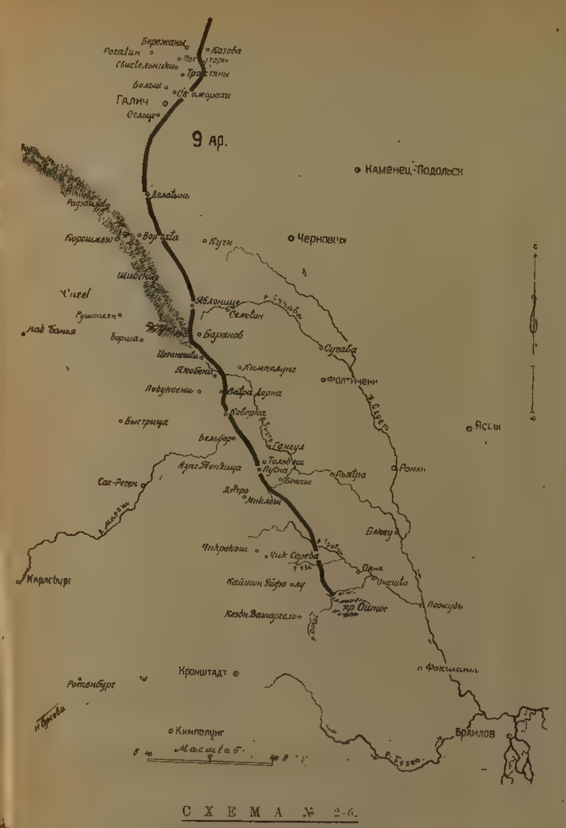

СХЕМА № 2-б.

1) Не показана 7 армия между 11 и 9 армиями.
2) " " Кирлибаба к югу от Баранов на шоссе Якобени—Сигет.
3) " " Гора Грасулюй между Бельбор и Гангул.
4) " " Бростени восточнее Каверна на р. Быстрица.
5) Напечатано Бережаны следует Брзежаны.
6) " Воячковце " Волчковце.
7) " Кучи " Куты.
8) " Тростяны " Тростянец.
9) " Сигет " Мармарош Сигет.
10) " Пожудь " Аджуд.
11) " Азаг Топлице " Алаг Топлица.
12) " Ватра Дорна " Дорна Ватра.
13) " Ретенбург " Ротентурны.

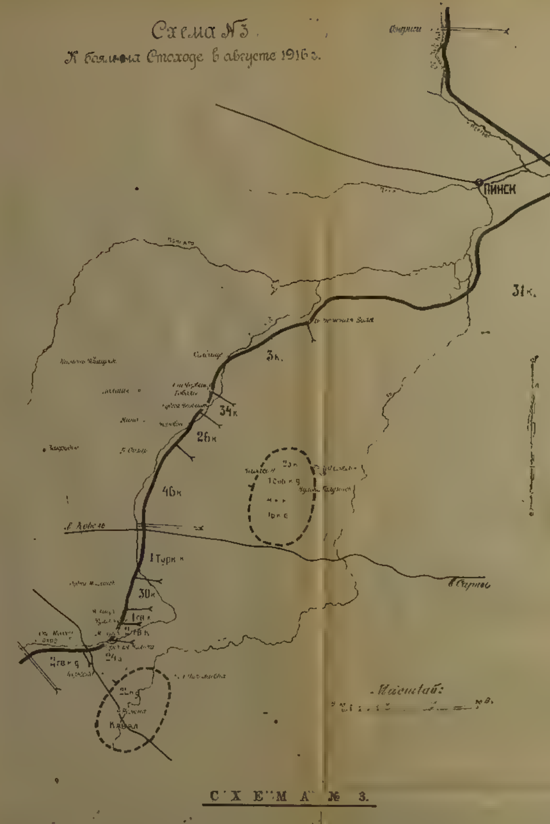

СХЕМА № 3.

1) Напечатано 1 Сиб. к. д. следует 1 Сиб. п. д.
2) " Дубрава " Дуброва.

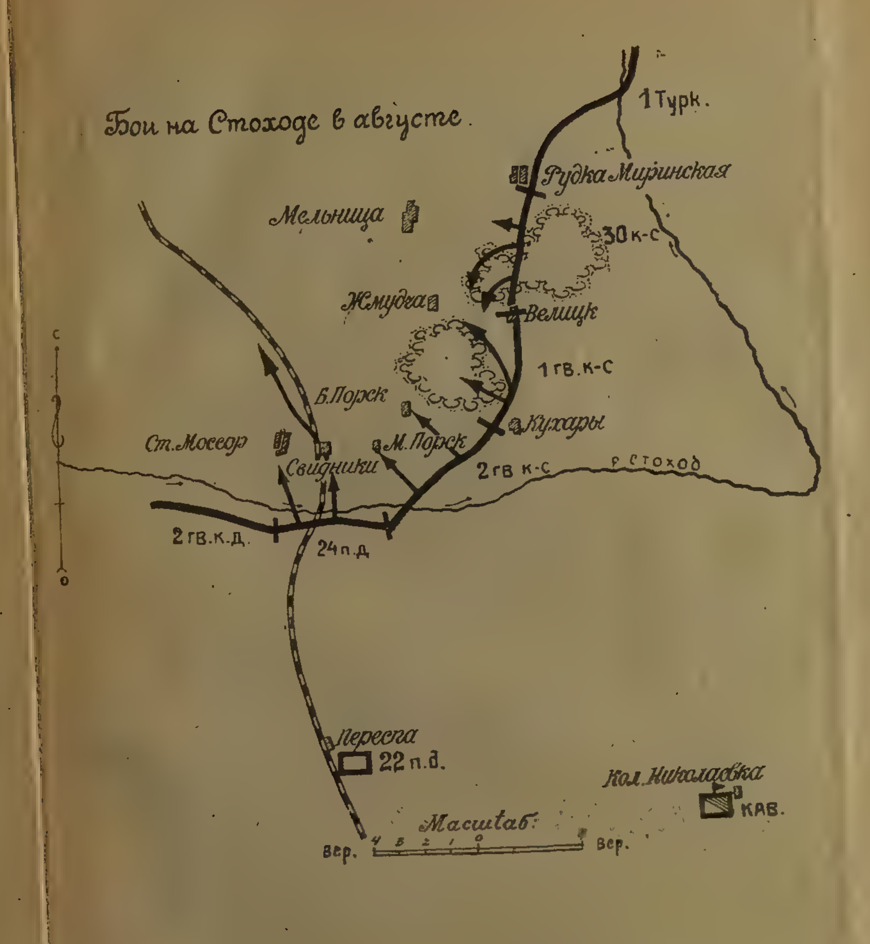

СХЕМА № 5.

1) Напечатано Войник, следует Войнин.

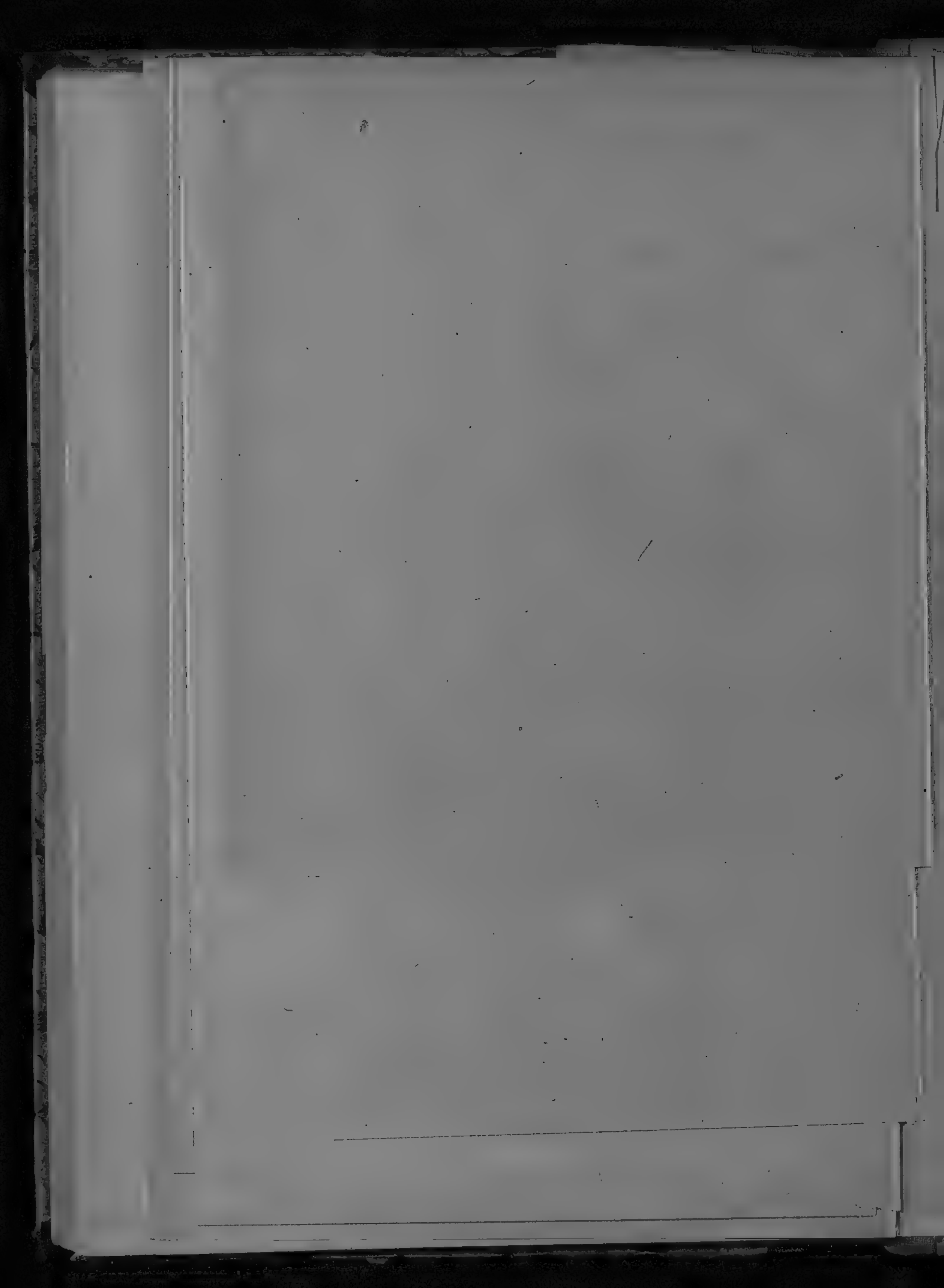

Схема №5.
К сеньтябрьским боям на Стоходе

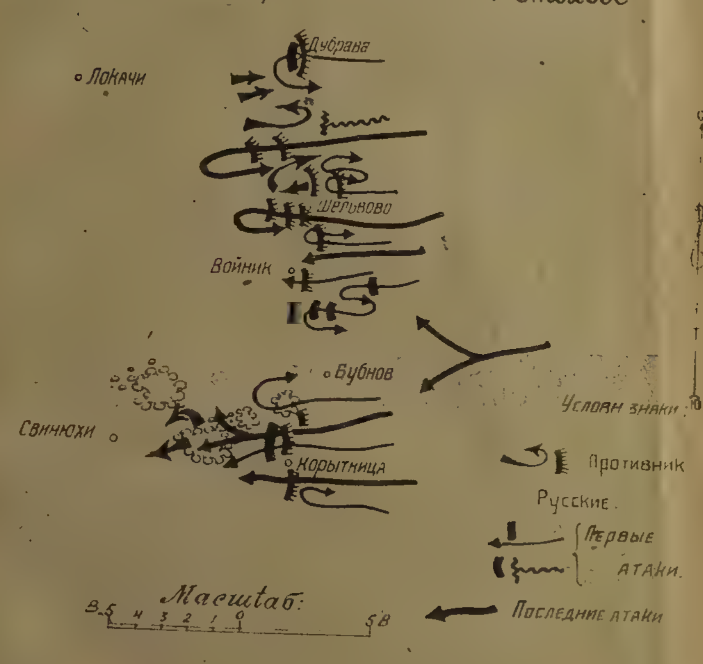
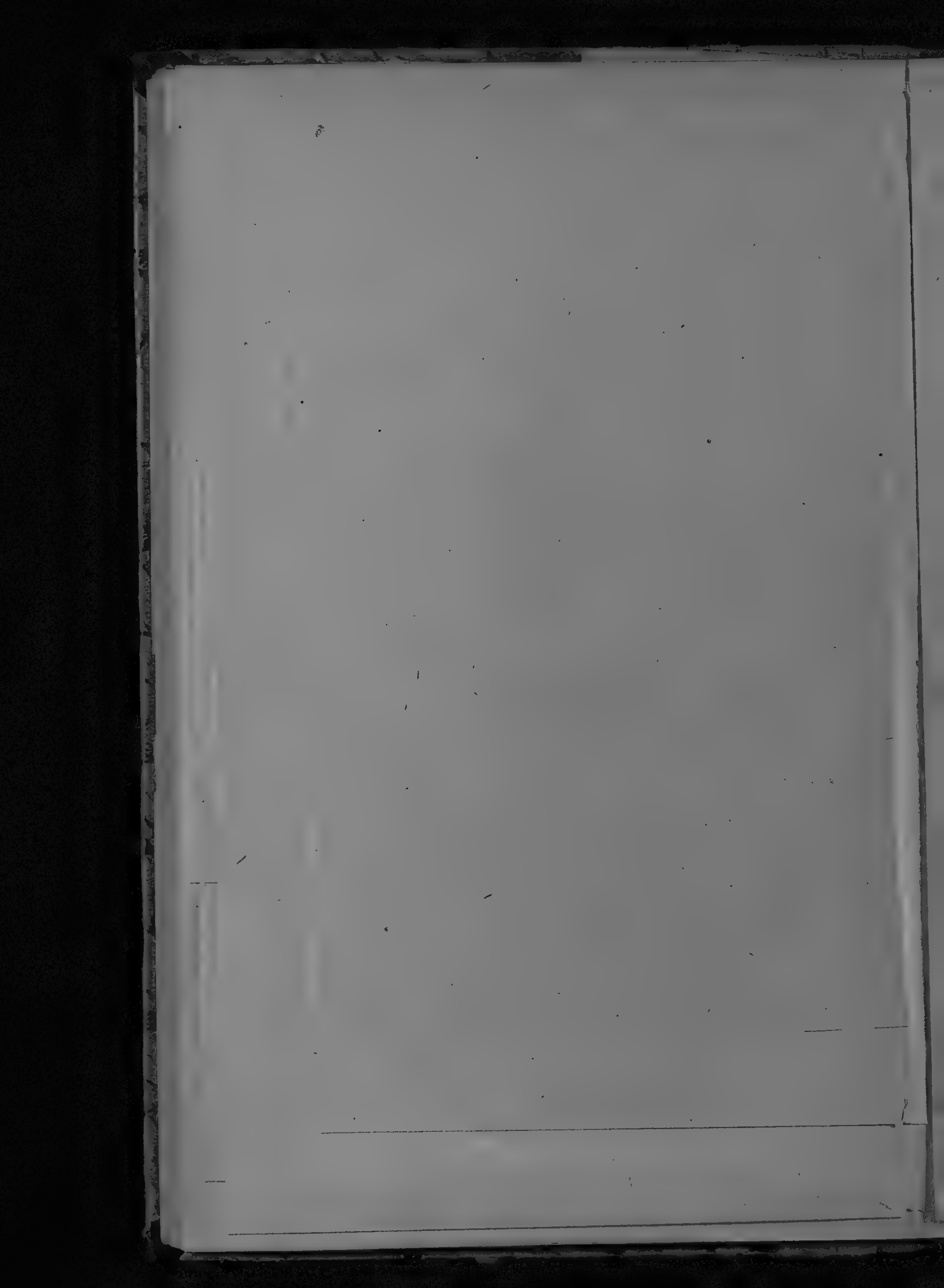

СХЕМА № 5.

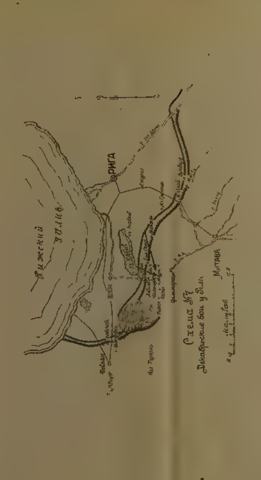
1) Напечатано Войник, следует Войнин.

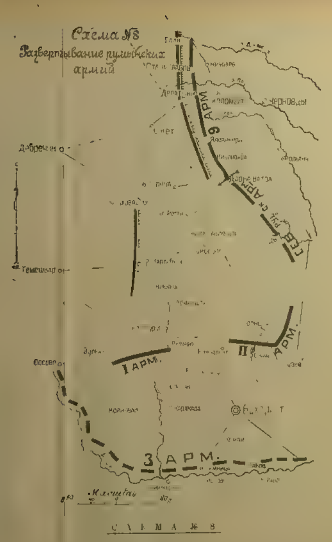

С Х Е М А № 8

1) Не показано Дуброва Пасека к зап. от Коты
2) „ „ Порица к зап. от Свинюхи
3) Напечатано Войняч, следует Войнин.

С Х Е М А № 8

1) Напечатано „Сев. русск. арм." следует Сев. рум. арм

